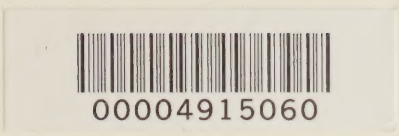
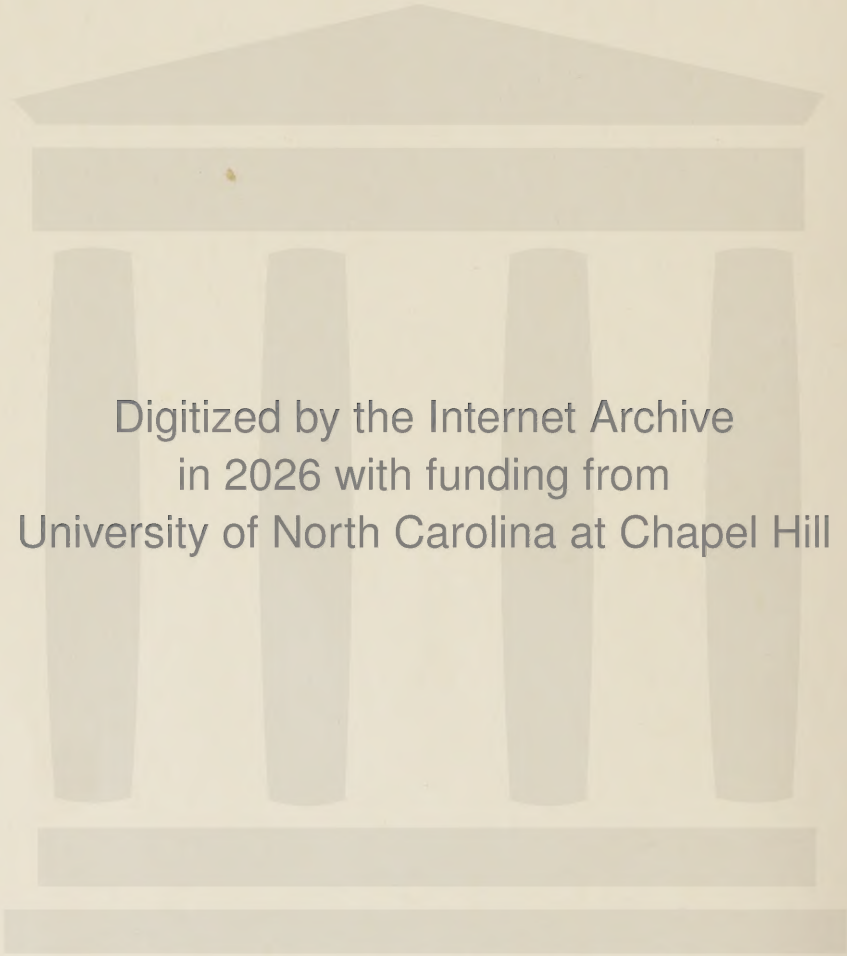
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3470
.T685
A6


00004915060


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/stikhotvorenia00topo

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Читать.
38	14 сверху	собой	съ собой
62	12 снизу	Поостъ	Простъ
—	1 »	росли	расли
69	10 »	гладились	сгладились
109	1 сверху	осталося	осталось
128	2 »	Янъ—	Джанъ—
135	1 »	палатамъ	паласамъ
141	7 »	потоковъ	протоковъ

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. ТОПОРСКАГО.

PG3470
.T685
A6
1908

Стихотворенія

М. Лермонтова

Съ рисунками
Н. Н. Каразина
и друг.

1908 г.

Москва.

STIKHOTVORENIIA

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

Дорогому моему спутнику
и другу М. Ш.!

Ты одна своей нѣжной рукой,
Залечивала мнѣ раны в груди,
И одной тебѣ, вмѣстѣ с душою,
Оставлю я пѣсни свои

Издаваемыя нами стихотворенія М. Топорскаго написаны большею частью не теперь, а ранѣе, и потому темы, затронутыя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ-быть, окажутся не вполнѣ современными, тѣмъ не менѣе редакція нашла нужнымъ оставить ихъ, для полноты, въ общемъ сборникѣ.

Часть этихъ стихотвореній помѣщалась подъ псевдонимами въ различныхъ изданіяхъ, часть же нигдѣ напечатана не была.

Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція считаетъ долгомъ принести глубочайшую благодарность многоуважаемому Николаю Николаевичу Каразину, а также гг. художникамъ В. В. Спасскому, И. Коровину и И. И. Воронову, которые своими прекрасными рисунками такъ талантливо освѣтили стихотворенія.

Редакція.

I.

ПѢСНИ ГОРЯ.

Горе людское,
Что море большое:
Въ глуби своей,
Бури волненьемъ,
Сердца мученьемъ
Топятъ людей.

I. ПѢСНИ ГОРЯ.

* *
*

Въ ночи безсонныя, въ ночи тяжелыя,
Думы стоятъ предо мной,
Все безотрадныя, все невеселыя,
Думы изъ жизни былой.
Придутъ, толпятся, идутъ вереницею....
Въ сумракѣ жмутся въ углу,
Массой туманною спорятъ съ денницею,
Мучаютъ душу мою.
Кажется мнѣ въ эти ночи ужасныя,
Что я въ могилѣ лежу,
Что я безсильный, на тѣни безгласныя,
Прошлаго тѣни, гляжу.

НА ПАСХѢ.

(простая исторія).

Каждый разъ, когда звонъ колокольный
Въ ночь на Пасху звучитъ въ вышинѣ,
Изъ прошедшаго мыслью невольной
Тотъ же образъ является мнѣ.
Такъ же ранней весенней порою
Раздавался призывной трезвонъ,
Такъ же въ церковь сбираясь толпою,
Люди слушали праздничный звонъ.
Всѣхъ сердца какъ-то радостно бились,
Забывалися горе, нужда,
И усердно крестяся, молились
Деревенскіе люди труда.
Посреди фиміама и пѣнья
Стихъ пасхальный съ амвона звучалъ,
И торжественно (актъ) гласъ Воскресенья
Гласъ народа, гремя, подтверждалъ.
Церковь жарко огнями горѣла,
Праздникъ праздниковъ ярко блисталъ,
Черезъ окна твердь неба смотрѣла,
Угасая, міръ звѣздный мигалъ.....

Сердце рвалось къ тѣмъ высямъ небеснымъ,
Улеталъ къ безконечному взоръ,
Храмъ казался и малымъ и тѣснымъ;
Такъ рвалася душа на просторъ,
Что изъ церкви, чрезъ массу народа,
Я ушелъ, не дождавшись конца,
И подъ сѣнью нетлѣннаго свода
Славословилъ величье Творца.
Предо мной на погостѣ вставали

Главы церкви на лентѣ зари,
Въ темномъ фонѣ ихъ слабо мелькали,
Въ дымѣ плошекъ, вверху, звонари.
Снизу—въ рамкѣ открытаго входа,
Въ красномъ заревѣ видѣлся свѣтъ,
Волны ладона, спины народа,
Блескъ иконъ,—и лучами разсвѣтъ.
Издали пѣсни клира летѣли,
То чуть слышно, то снова яснѣй,
Колокольные тоны гудѣли
И мѣшалися съ крикомъ грачей.

Вдругъ чрезъ звуки молитвы и звона,
Гдѣ-то, рядомъ, а точно вдали,
Я услышалъ звукъ страшнаго стона,
Выходящій изъ нѣдровъ земли....
Страшный стонъ! Не забуду конечно
Я его до послѣдняго дня,
Онъ звучитъ въ моей памяти вѣчно,
Пыткой медленной мучитъ меня.
Въ каждомъ праздникѣ, въ пѣснѣ веселой,
Въ шумѣ, въ музыкѣ, смѣхѣ дѣтей,
Онъ мнѣ слышится той же тяжелой,
Страшно сдавленной нотой своей.
А подъ звуки церковнаго клира,
Подъ торжественный въ Пасху трезвонъ,
Какъ живой изъ загробнаго міра,
Предо мною встаетъ этотъ стонъ.

....Часъ ли.... мигъ ли.... я былъ, какъ убитый,
Я не вѣрилъ себѣ: я все ждалъ,
Пока вновь изъ могилы закрытой
Онъ надъ ухомъ могилъ прозвучалъ.
Все я понялъ. Исчезло сомнѣнье,

Я ужасную правду постигъ
И, нарушивши службы теченье,
Какъ безумный, къ престолу проникъ.
Я ихъ звалъ; сомнѣвались сначала,
Но потомъ собрался, пошли
И разрыли, смущаясь не мало,
Насыпь свѣжую рыхлой земли.
Вотъ и гробъ... безъ отдѣлки, еловый...
«Здѣсь Миронычъ схороненъ вечоръ,
Слышу кто-то надъ ямою новой
За спиною ведетъ разговоръ.
«Прежде былъ онъ работникъ усердный,
«Да съ чего-то потомъ захилѣлъ,
«Надорвался-ль въ работѣ чрезмѣрной,
«Али такъ ему вышелъ предѣлъ?
«Ну, и бѣденъ былъ... (Правда, богатыхъ
«Здѣсь не сыщешь, пожалуй, съ огнемъ,
«Кромѣ развѣ піявицъ проклятыхъ,
«Что жирѣютъ крестьянскимъ хребтомъ)
«Силы мало, и хлѣба не болѣ,
«Тутъ же дѣти: парнишка, да дочь,
«Одна баба и въ домѣ и въ полѣ,
«Ей ли сладить? А нечѣмъ помочь:
«Корму дѣткамъ въ селѣ чуть хватало,
«А безъ корму,—хилому ли снесть?
«Хоть не разъ, говорилъ онъ, бывало:
«Не работникъ я, грѣхъ мнѣ и ѣсть.
«Ну, совсѣмъ ослабѣлъ; проглядѣли,
«Какъ и померъ—въ великій пятокъ...
«Близко праздникъ... Собрать чуть успѣли...
«Схоронили, не вышелъ хоть срокъ».

Гробъ подняли.—Взялся неохотно
Одинъ парень и крышку сорвалъ,
Хоть съ гвоздями, забитыми плотно,

Повозился... Миронычъ не ждалъ.
Трупъ былъ теплый, но сердце не билось,
И подъ мукой второго конца,
Въ складки страшныхъ страданій сложилось
Выраженье простого лица;
Саванъ сдернутъ, изгрызаны руки,
Неестественно вышли глаза,
Ротъ скривился отъ крика и муки,
На рѣсницѣ застыла слеза.....
Что онъ чувствовалъ сердцемъ печальнымъ,
Когда слышалъ сквозь землю, подъ стонъ,
Это пѣніе съ звукомъ пасхальнымъ,
Этотъ громкій, торжественный звонъ?
Что онъ думалъ въ моментъ оживленья,
Начиная со смертью борьбу:
Праздникъ жизни, залогъ воскресенья,
Какъ покойникъ, встрѣчая въ гробу?
Слалъ-ли онъ изъ земли укоризны?
Поминалъ-ли землѣ онъ хоть то,
Что ея было мало такъ въ жизни
И такъ много въ могилѣ зато?

.....Вокругъ гроба, склонившись, стояли
Деревенскіе люди толпой,
И подъ шепотъ молитвы вздыхали
Надъ Мироныча злою судьбой.
Баба громко рыдала и выла,
Распростершись надъ трупомъ ничкомъ;
Дѣтки къ матери жались уныло,
Утирая глаза кулачкомъ.....
Безучастное небо глядѣло
На картину вторыхъ похоронъ;
Сверху—солнце роскошно блестѣло,
Снизу—несся хвалебный трезвонъ.

* *
*

Что мнѣ за дѣло, что день угасаетъ,
Мрачный, безрадостный день;
Что мнѣ за дѣло, что ночь наступаетъ
Въ жизни, гдѣ все была тѣнь?
Тотъ пусть боится ея приближенья,
Кто вѣчнымъ праздникомъ жилъ:
Жизни конецъ, гдѣ одни лишь мученья,
Только желаемъ и милъ.

---

* *
*

Радость жизни, жизни счастье,
Все изчезнетъ, какъ мечты,
Какъ лучъ солнечный въ ненастье,
Какъ весенніе цвѣты.
Жизнь придетъ темнѣе ночи,
Старость въ очи поглядитъ,
И, подъ тихій бой полночи,
Смерть безшумно прилетитъ.

---

* *
*

Минуло лѣто... Коротки
Ужъ стали дни и длинны ночи;
Увяли поздніе цвѣты,
Дохнуло стужею съ полночи.
Минула жизнь..... прошли мечты;
Исчезло все, какъ сновидѣнье,
Могильнымъ мракомъ залиты
Случайныхъ радостей мгновенья...

---

* *
*

Не раскапывай старыхъ могилъ,
Не тревожь въ нихъ того, что зарыто,
Что лежитъ въ нихъ безъ воли и силъ,
Что давно уже тлѣньемъ покрыто.
Не раскапывай старыхъ могилъ,
Не тревожь въ сердцѣ раны былого,
Не тревожь: если-бъ снова я жилъ,
Кровь лилась бы изъ ранъ моихъ снова.

---

* *
*

Время минувшаго, время далекаго,
Дней улетѣвшихъ мечты,
Сколько въ васъ было идейно-высокаго,
Мысли, любви, чистоты.
Міръ вамъ казался ареною тѣсною,
Удержу не было вамъ,
Смѣло вы мчались въ страну неизвѣстную,
Съ вѣрой навстрѣчу людямъ.
Всѣ-то побиты вы жизнью реальною,
Прозой растоптаны въ прахъ,
Грустно глядите листвою печальною
Въ стужу, на голыхъ вѣтвяхъ.
Стали широки вамъ рамки вседневныя,
Силы въ васъ нѣтъ на борьбу,
Скоро вамъ, скоро, мечты мои бѣдныя,
Будетъ просторно въ гробу.
Тамъ отдохнете подъ насыпью темною,
И, надъ могильнымъ холмомъ,
Выйдете въ міръ безъ меня травкой скромною,
Яркимъ, красивымъ цвѣткомъ.

У ПРИСТАНИ.

Когда весь вѣкъ борясь съ вѣтрами,
Едва осиливъ ураганъ,
Корабль, расшатанный валами,
Покинетъ бурный океанъ,
И подъ привѣтливой скалою,
Въ толпѣ нетронутыхъ судовъ,
Свернувъ обрывки парусовъ,
Предастся тихому покою,
И рядомъ съ нимъ, подъ дремой штиля,
Какъ онъ, прошедшій океанъ,
Скрипитъ отъ палубы до киля
Такой же старый ветеранъ....
То хорошо въ затишьѣ вмѣстѣ
Имъ вспоминать про дикій вой,
Про ярость волнъ стихіи злой,
Про ходъ борьбы по долгу чести...
И если въ дни, какъ выла вьюга,
Они, забывши о себѣ,
Пришли хоть разъ на голосъ друга,
Чтобъ поддержать его въ борьбѣ,
То могутъ смѣло предъ толпою,
Гдѣ блещетъ гордо новый стягъ,
Спускать, съ спокойною душою,
Избитый бурей, старый флагъ.

* *
*

Ты его прокляла и, конечно,
Ты иначе могла-ль поступить:
Когда самъ онъ рукой безсердечной
Твою жизнь такъ сумѣлъ загубить?
Прокляла, и съ тяжелымъ проклятьемъ,
Какъ убійца, съ ужаснымъ клеймомъ,
Онъ пойдетъ къ тѣмъ отверженнымъ братьямъ,
Что забыли о счастьи вдвоемъ.
И средь нихъ, безъ надежды на долю,
Одинокій и міру чужой,
Понесетъ онъ, какъ цѣпи неволи,
Бремя жизни, съ разбитой душой.

---

* *
*

Подъ палящимъ лучемъ солнца южнаго
Вся изсохнула степь, истомилася,
Дожидаючи дождичка дружнаго
Въ грудь свою, что съ жары изморилася.
Такъ и въ душу мою, раскаленную
Страшной мукою, жизни всезнанія,
Влей-же рѣчью своей вдохновленною
Силу жизни, бальзамъ упованія.

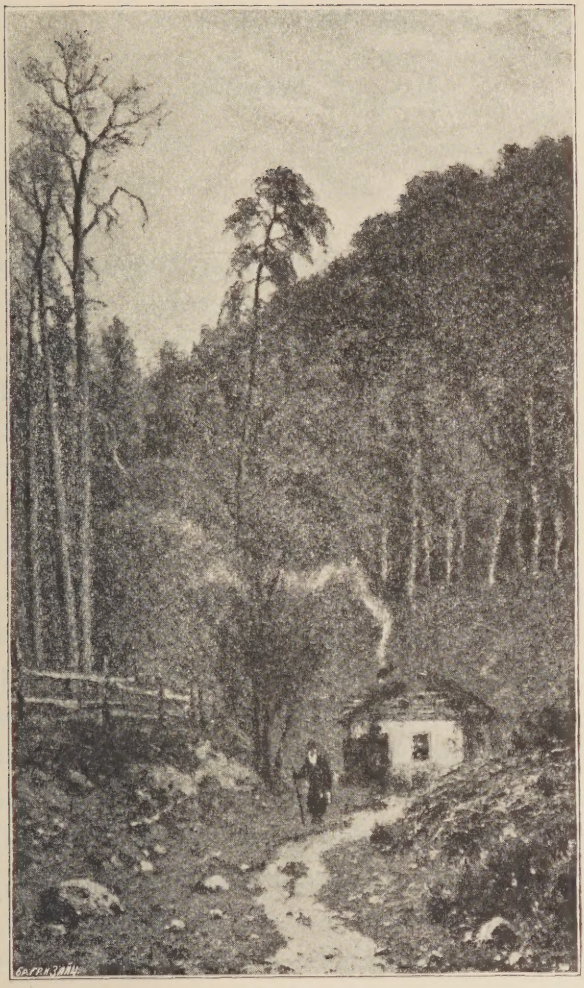
---

* *
*

Остался онъ одинъ, другіе улетѣли,
Заснулъ онъ подъ метель, подъ бури и морозъ;
Ему не услыхать ни первый звукъ свирѣли,
Ни шорохъ мотылька надъ кущей юныхъ розъ.
И новая листва весеннею порою,
Пестря оттѣнками отъ солнечныхъ лучей,
Прикроетъ старый листъ зеленою толпою,
И сброситъ старика съ разросшихся вѣтвей.

ИЗГНАННИКЪ.

Изгнанникъ-скиталецъ, измученъ путемъ,
Дошелъ до роскошной долины,
И въ хижинѣ мирной, въ семействѣ чужомъ
Жилъ тихо подъ небомъ чужбины.
Все прошлое словно исчезло, какъ дымъ,
Задернулось сѣткой тумана,
И въ сердцѣ его счастьемъ тихимъ, простымъ
Прикрылась тяжелая рана.
Стремленье куда-то, на дальній просторъ,
Желаніе власти и силы,
И весь безконечный былой кругозоръ
Исчезли, какъ въ мракѣ могилы.
Исчезли... забылись.... Такъ солнца лучи,
Закрытые тихой зарею,
Забыты для слабаго блеска свѣчи,
Для свѣта луны надъ землею.
Исчезли, забылись!... Но пѣсни родной
Услышалъ однажды онъ звуки,
И, съ пѣснею вмѣстѣ, на сердце волной
Нахлынули прежнія муки.
Знакомой картиной предъ нимъ пронеслось
Все, все прожитое.... былое...
И горе обильной струею влилось
Отравою въ сердце больное.
И сталъ ему душенъ покойный пріютъ,
Постыли кругомъ его люди...
Ничто не забыто! и кровью текутъ
Всѣ раны истерзанной груди.



КУДРЯШЪ.

(Быль).

I.

Высока и стройна, будто вишня спѣла,
Съ яркимъ цвѣтомъ лица молодого,
Съ длинной черной косой, круглолица, бѣла,
Краше зорьки жена Кузнецова,
А глаза у нея смотрятъ лѣсу темнѣй,
Солнца вешняго блещутъ яснѣе,
Соболиная бровь, губы крови краснѣй
И повадка—царицы важнѣе.
Изъ окна ли глядитъ, или въ церковь пойдетъ,
Или выѣдетъ въ кругъ на гулянье,
Взоры всѣхъ за собой, какъ заря, поведетъ,
Приворожитъ къ себѣ все вниманье.
И не мало по ней изнываетъ сердецъ,
Сохнетъ страстною болью тоскливой,
Да мужъ старый, сѣдой, будто строгій отецъ,
Взглядъ съ нея не спускаетъ ревнивый.
Но всѣхъ больше по ней сохнетъ страстью лихой
Ярославецъ кудрявый—Гаврило.
Онъ у мужа ея въ дѣлѣ правой рукой,
Хоть и молодъ, да сметки въ немъ сила.
Ужъ давно заползла къ нему въ душу любовь,
Залегла въ его сердцѣ змѣею;
День и ночь ужъ давно кипятитъ ему кровь,
Мысль мутитъ ему думой одною:

«Иль тебѣ, все твердитъ, молодцу Кудряшу,
«Не добиться красавицы ласки,
«Ну, не думай, иди, а не то засушу,
«Отъ меня, смотри, больше опаски.
«Или думаешь ты, что ей милъ-отъ сѣдой,
«Что лишь имъ ея думушки полны,
«Что не грезится ей тоже пылъ молодой,
«Что не жгутъ ее страстныя волны?
«Что покойно она на подушкахъ лежитъ,
«Когда рядомъ-то спитъ ея старый?
«Что покой, тишина ей всю кровь не мутитъ
«И не шепчетъ ей всякія чары?»
Парень думаетъ такъ и вертится всю ночь,
До зари даже глазъ не смыкаетъ,
Да и день-то придетъ, такъ нейдетъ она прочь,
Та же дума его обступаетъ.
Занятъ дѣломъ ли онъ, отпускаетъ товаръ,
Молодцовъ ли онъ слушаетъ рѣчи,
Или въ чаркѣ вина топитъ крови пожаръ,
Иль у образа теплитъ онъ свѣчи;
Съ нимъ она завсегда, неотступно стоитъ,
Отогнать ее нѣтъ власти-воли,
Всюду въ очи глядитъ, всюду голосъ звучитъ,
Онъ у ней, какъ у вѣдьмы въ неволѣ.
И вино не пьянитъ, и молитву языкъ
Шепчетъ вяло, и дѣло постыло,
И хозяинъ старикъ сталъ кричать каждый мигъ:
«Эй, чего ты зѣваешь, Гаврило!»

II.

Дни за днями такъ шли, счастье, радость, печаль,
Да и жизнь унося непримѣтно,
А сердечный успѣхъ не подвинулся вдаль
У влюбленнаго парня замѣтно.

Правда, часто вздыхалъ и горѣлъ весь огнемъ,
Какъ съ хозяйкой видался, Гаврило,
И не разъ даже онъ объяснилъ ей словцомъ,
Что душа въ немъ о ней говорила;
Но урывками все: какъ хозяинъ домой
Съ порученьемъ за дѣломъ отправитъ,
Иль на свадьбѣ какой, на гулянкѣ большой,
Когда случай вдвоемъ гдѣ оставитъ.
Но зачѣмъ тутъ слова, ужъ хозяйка сполна
Поняла все, что думалъ Гаврило,
Только дѣло-то въ томъ, что не мужа она
И не парня.... другого любила.
Старый мужъ надоѣлъ, и ревнивъ, и сердитъ,
Не даетъ развернуться ей вволю,
Все «куда, да зачѣмъ?» Каждый шагъ все слѣдитъ,
Заѣдаетъ совсѣмъ ея долю.
Шла она за него хоть въ сорочкѣ одной,
Все же ждала по волюшкѣ жизни,
А онъ заперъ ее подъ надзоръ крѣпкій свой,
Подъ отчетъ, подъ однѣ укоризны.
Только свѣту есть, что глядѣть изъ окна,
Когда въ лавку уйдетъ по торговлѣ,
Да и тутъ-то надъ ней все стоитъ сатана,
Его тетка, какъ рыбарь на ловлѣ.
И не мретъ старый хрычъ, не развяжетъ ее,
Вѣкъ чужой заживаетъ безбожно;
Правда, любитъ ее, да какое житье,
Когда старъ такъ и держитъ осторожно.
А у ней подъ окномъ ужъ давно есть дружокъ,
Изъ дворянъ, молодой и пригожій,
Онъ, конечно бы, взять изъ тюрьмы ее могъ,
Да онъ бѣденъ, хоть смотритъ вельможей.
Ну, и видится съ нимъ подъ опаской она,
Смерти мужа все ждетъ, не дождется,
Вотъ бы умеръ старикъ, такъ тогда вся казна
Ей за ласку ея достается.

III.

Тутъ съ Гаврилой она стала шутки шутить,
И глазами и словомъ играя,
На всѣ рѣчи, мольбы, чтобъ его полюбить,
Будто смѣхомъ ему отвѣчая:
«Подожди, мужъ умретъ, что торопишься ты?
«Али время любовь въ тебѣ сбавитъ?
«Али думаешь ты что моей красоты,
«Аль огня-то старикъ поубавитъ?
«Нѣтъ, Кудряшъ дорогой, хоть я въ сердцѣ твоемъ,
«Хоть ты по сердцу, можетъ, мнѣ тоже,
«Но грѣшить не хочу, и при мужѣ живомъ
«Полюбить—упаси меня Боже.
«Знать велѣла судьба цѣловать, миловать
«Мнѣ не кудри, а пряди сѣдыя,
«Лебединую грудь прижимать, отдавать
«Не на мощь, а въ объятья хилыя».
Больше только мутятъ, разжигаютъ всю кровь
Эти рѣчи хозяйки красивой,
И растетъ не по днямъ у Гаврилы любовь
И желаніе страсти бурливой.
Затуманился мозгъ, все вертится вверхъ дномъ
Въ головѣ Кудряша молодого,
И онъ вмѣстѣ съ хозяйкой твердитъ ужъ вдвоемъ:
«Поскорѣе чортъ взялъ бы сѣдого».

IV.

Вотъ случилося разъ, послѣ свадьбы одной,
По зимѣ, что кататься собрались,
И на тройкахъ лихихъ гости шумной толпой
Другъ за другомъ за городъ помчались.
Молодые купцы, вожжи въ руки забравъ,

То, какъ птицъ, лошадей разгоняли,
Съ гикомъ мчались, неслись по дорогѣ стремглавъ,
То напѣвами степь оглашали.
Распахнулась душа, расходилась рука,
И подъ звуки напѣва лихого,
Рвалась съ удалью русской глухая тоска
Изъ стоячаго моря людского.
Сбросивъ шубу совсѣмъ, во весь ростъ на саняхъ
Стоя, правилъ конями Гаврило,
И подъ скокъ лошадей, въ звонкой пѣсни словахъ
Изливалъ все, что на сердцѣ было.
Пѣлъ онъ пѣсни свои, пѣсни Волги родной,
Чуть не плача надъ пѣснью любимой:
«Продана красота за мѣшокъ золотой»...
Пѣлъ онъ пѣснь о судьбѣ своей милой.
Разбирать не хотѣлъ, что онъ къ мѣсту ли пѣлъ,
Что понравится-ль старому мужу,
Пѣсня пѣлась сама, задержать не умѣлъ:
Грусть со страстью рвалися наружу.
Впрочемъ «самъ» подъ хмелькомъ, и старикъ тотъ мотивъ
Подпѣвалъ козелкомъ ему тоже,
И подъ волжскій напѣвъ, свою свою старость забывъ,
Будто дѣлался вдвое моложе.

V.

На обратномъ пути въ небольшой ресторанъ
Завернули безъ спора большого,
Съ горъ побѣгать рѣшили, послушать цыганъ,
Старикамъ дать погрѣться немного.
Тутъ купецъ Кузнецовъ, подозвавши жену,
Говоритъ ей: «сказалъ я Гаврилѣ,
«Что замѣсто себя поручаю ему
«Прокатить тебя,—мнѣ не по силѣ».
И пошелъ къ старикамъ. Онъ ревнивъ хотя былъ,

Но Гаврилу считалъ за родного,
Съ малолѣтства держалъ, по-хозяйски любилъ
И училъ безъ желанья дурного.
Закатившися вдаль и въ сторонку пройдя,
Избѣгая нечаянной встрѣчи,
Злой зазнобѣ своей страстно въ очи глядя,
Парень шепчетъ любовныя рѣчи:
«Посмотри, говоритъ, весь измучился я,
«Иль тебѣ еще мало мученья,
«Какъ заноза сидишь въ сердцѣ ты у меня,
«Безъ тебя мнѣ нѣтъ жизни мгновенья.
«Я молиться забылъ, душу чорту продать
«Я готовъ, лишь бы ты полюбила,
«Радъ покончить собой, все равно пропадать,
«Безъ тебя ничего мнѣ не мило».
...Забѣжала луна въ цѣпь густыхъ облаковъ,
Тѣнь деревьевъ исчезла со снѣгу,
Потемнѣло кругомъ,—и чуть шумъ голосовъ
Доносился къ нимъ съ горнаго бѣгу....
А красавица близко къ Гаврилѣ лицомъ,
Наклонившись подъ сумракомъ ночи,
Взоромъ яркимъ своимъ, будто солнца лучемъ,
Ему глядучи пристально въ очи,
«Отними, говоритъ, отъ меня старика,
«Такъ повѣрю, что любишь сердечно,
«И одна у меня тогда будетъ тоска,
«Коль не станешь любить меня вѣчно.
«Залюблю я тебя, заласкаю любя,
«Буду вѣкъ твоей вѣрной рабою,
«На край свѣта тогда, какъ собака твоя,
«Я пойду неотступно съ тобою»....
И руками его, какъ змѣя, обвила,
Жмется крѣпко къ нему своимъ станомъ,
Жаркимъ пламенемъ губъ, какъ огнемъ, обожгла,
Ему очи закрыла туманомъ,
И шепнула потомъ: «Какъ сегодня уснетъ,

«Приходи, буду ждать тебя, милый;
«Только помни одно: пока старый живетъ,
«Для меня ты все будешь постылый».—
Поглядѣла еще, будто вѣдьма, въ глаза,
Отвела свои руки и тѣло,
И пошла отъ него, натворивъ чудеса,
Заварившн недоброе дѣло.
....Вслѣдъ за нею нейдетъ, неподвижно стоитъ,
Чарой будто Кудряшъ зачарованъ,
Взоромъ страннымъ куда-то безцѣльно глядитъ,
Вѣдьмой чудной ночной околдованъ.
Нѣтъ дыханья въ груди, нѣту мысли въ умѣ,
Сердце точно схватилъ кто рукою,
Кто-то жмется къ нему.... обнимаетъ во мглѣ....
Кто-то мракомъ стоитъ надъ душою.
Снова вышла луна, между тучекъ плыветъ,
На снѣжинкахъ лучами играетъ.....
Самъ не зная куда, парень тихо идетъ,
Передъ нимъ тѣнь впередъ забѣгаетъ,
И все шепчетъ ему: «отними старика....
«Залюблю, заласкаю сердечно,
«И одна у меня тогда будетъ тоска,
«Коль не станешь любить меня вѣчно».....
Его кличутъ давно, чтобы ѣхать назадъ,
Онъ не слышитъ, все бродитъ уныло,
Разбудилъ ужъ хозяинъ, какъ крикнулъ сто кратъ:
«Эй, иди, что зѣваешь, Гаврило»!

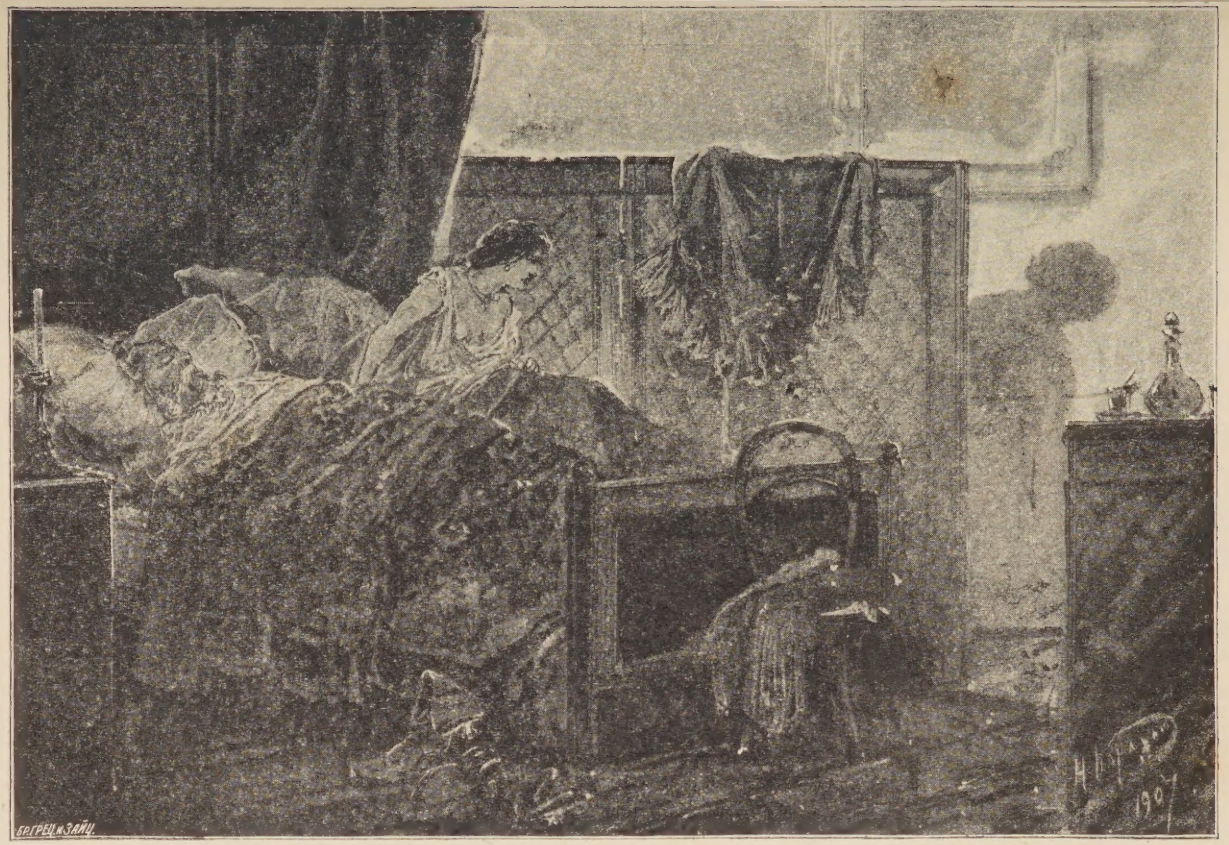
VI.

Полночь била давно.... всталъ тихонько Кудряшъ,
Осторожно идетъ корридоромъ,
Спитъ кругомъ все, и гдѣ то лишь уличный стражъ
Съ колотушкою ходитъ дозоромъ.
Къ двери спальной хозяйской пришелъ, наконецъ,

Тихо слушаетъ, полонъ тревоги;
Только мирно храпитъ самъ хозяинъ купецъ,
Утомившись съ вина и съ дороги...
Дверь легонько толкнулъ... подалася сейчасъ....
На порогѣ замедлилъ Гаврило;
Предъ кіотомъ лампады свѣтъ медленно гасъ,
Освѣщая всю спальню уныло.
Подлѣ мужа купца, хороша и блѣдна,
Съ своей длинною черной косою,
Во всѣ очи смотрѣла хозяйка, безъ сна,
Опершись о подушки рукою.
И подъ взглядомъ ея,—будто съ волей чужой,
Какъ лунатикъ, шелъ парень безъ страху,
Подошелъ.... взялъ случайно подсвѣчникъ большой
И ударилъ купца имъ съ размаху.
Что тамъ было потомъ—онъ не помнилъ совсѣмъ,
Но онъ съ яростью дикаго волка,
Страшно мялъ и топталъ, самъ не зная зачѣмъ,
Трупъ кровавый не-слыханно долго.
А по дому хозяйка сполохъ подняла,
Убѣжавши изъ спальни проворно,
Она громко на помощь домашнихъ звала,
Будто съ горя, рыдая притворно.

VII.

А убійца? Былъ схваченъ толпою людей
И очнулся подъ стражей надежной,
Онъ упорно молчалъ на всѣ спросы властей,
Несъ безропотно искусъ острожный,
Былъ послушенъ и тихъ, на работы ходилъ,
Безучастенъ былъ къ играмъ и спорамъ,
Но чего то все ждалъ, и всегда подходилъ,
Въ дни свиданій, къ рѣшетчатымъ створамъ,
И, какъ всѣ тамъ, къ желѣзу прижавшись лицомъ,


БР. ГРЕЦ. и ЗАЙЦ.
1907

Ухватившись за прутья руками,
На толпу онъ глядѣлъ и все время кругомъ
Поводилъ какъ-то странно глазами.
Предъ судомъ, какъ и прежде, такъ дико молчалъ,
Что врачей было спрошено мнѣнье,
Но синклитъ психіатровъ, взглянувши, сказалъ:
«Онъ лишь ищетъ въ притворствѣ спасенье».—
Судъ (не только въ угоду купцамъ)
Согласился легко съ прокуроромъ,
«Что при нравахъ такихъ матерямъ и отцамъ
«Надо спать отъ дѣтей подъ запоромъ,»
И рѣшилъ: «Въ преступленьи виновнымъ считать,
«Примѣнить къ нему строгость нещадно,
«И въ Сибирь въ рудники на срокъ долгій сослать,
«Чтобы было другимъ неповадно»...
....Минулъ мѣсяцъ еще, скоро день подоспѣлъ
Снаряжать Кудряша для дороги;
Онъ покорно на плечи сермягу надѣлъ
И подставилъ подъ цѣпь свои ноги.
Ни слезинки съ его не скатилося глазъ,
Когда руки и ноги ковали...,
Но подъ стукъ молотка, какъ-то странно въ тотъ часъ,
Ему пѣснею рѣчи звучали:
«Залюблю я тебя, заласкаю любя»...
Выплывало изъ дали волною,
«....На край свѣта тогда, какъ собака твоя,
«Я пойду неотступно съ тобою»...
И онъ духомъ былъ бодръ, молча слушалъ слова,
Видѣлъ очи и ликъ чернобровый:
Жилъ душею не здѣсь и замѣтилъ едва,
Какъ кузнецъ кончилъ ладить оковы.
Такъ спокоенъ все былъ. Но когда принялись
Ему голову брить по закону...
Что-то сдѣлалось съ нимъ: брови гнѣвомъ свелись,
Онъ вскочилъ и вдругъ сталъ въ оборону;
Задрожалъ весь какъ листъ, руки съ цѣпью поднялъ

И, прижавшися въ уголъ спиною,
Какъ безумный грозилъ, что убьетъ наповалъ,
Кто къ нему прикоснется рукою.
Ни слова, и ни крикъ не могли пособить,
Самъ начальникъ явился тутъ даже,
И велѣлъ его силой тотчасъ же схватить,
Окруживши тюремною стражей.
Съ страшной силой борясь, какъ въ туманѣ какомъ,
Цѣпью многихъ поранилъ несчастный,
Но былъ скоро приколотъ на мѣстѣ штыкомъ
И на плиты упалъ онъ, безгласный....

....Долго послѣ врачи и начальство тюрьмы
Разбирали все дѣло, конечно,
Но оно и до сихъ поръ не вышло изъ тьмы
Да не выйдетъ, навѣрно, и вѣчно.
Міръ острожный изъ этого пѣсню сложилъ,
И напѣвъ ея плачетъ слезами,
Арестанты поютъ въ ней: «Безумный онъ былъ»,
Но не спорить-же имъ съ докторами.

Такъ и умеръ Кудряшъ. Жаль ли было ему
Своихъ кудрей, красы молодецкой,
Али голосъ въ тотъ мигъ пересталъ пѣть уму,
Аль узрѣлъ онъ ядъ женки купецкой....
Кто-же знаетъ.... Въ глуши, осѣненный крестомъ,
Спитъ онъ крѣпко подъ ивой плакучей,
И залетная птичка надъ новымъ холмомъ
Заливается трелью тягучей....
Да былинка весной, выростая надъ нимъ
И кормясь его прахомъ забытымъ,
На міръ Божій глядитъ и съ цвѣточкомъ простымъ
Шепчетъ что-то подъ вѣтромъ сердитымъ.

* *
*

Я въ жизни перенесъ не мало
Тяжелыхъ бурь и передрягъ;
Имѣлъ семью—ея не стало,
Я былъ богатъ,—и сталъ я нагъ.
Стоялъ высоко, былъ я знатенъ
И гордо голову держалъ....
Но міръ душевный непонятенъ:
Я былъ несчастливъ и страдалъ.
Теперь я нагъ, я босъ, я нищій,
Одинъ, безъ крова и друзей,
Питаюсь самой скудной пищей,
Живу по милости людей...
Но въ мірѣ духа непонятенъ
Душевныхъ силъ приливъ, отливъ:
Мнѣ жизни каждый мигъ пріятенъ,
Я всѣмъ доволенъ и счастливъ.

———

*
* *

Когда ночью въ тиши надъ морской глубиной
Я сижу на прибрежной скалѣ
И, любуясь, смотрю, какъ волна за волной
Издали подбѣгаютъ къ землѣ,
Мнѣ не кажется море пространствомъ большимъ,
Оно только лишь море земное:
Оно мелко, мало передъ горемъ людскимъ;
Не вмѣстить ему горе людское.
Но вверху, въ небесахъ, далеко надъ землей,
Въ этомъ мірѣ безвѣстныхъ міровъ,
Безграничномъ, какъ Богъ, гдѣ волна за волной
Пронесясь, не найдутъ береговъ...
Тамъ исчезнетъ оно, наше горе, какъ дымъ,
И не только что мука людская,
Горе цѣлыхъ міровъ, и намекомъ однимъ
Не измѣнится твердь голубая.

Упала лошадь—безъ движенья
Лежитъ на грязной мостовой...
Въ глазахъ толпы ни сожалѣнья,
Ни капли жалости людской.
Бѣднякъ толпы! и ты, конечно,
Падешь въ ярмѣ на мостовой,
Весь вѣкъ борясь, нуждаясь вѣчно,
Не зная жалости людской.
И надъ твоимъ безгласнымъ тѣломъ
Толпы раздастся приговоръ,
И скажутъ въ немъ съ рѣшеньемъ смѣлымъ:
«Онъ былъ бродяга или воръ!»
И ни одинъ на стогнахъ града,
Гдѣ ты работалъ свыше силъ,
Не дастъ тебѣ названье брата,
Не скажетъ: «трудъ его убилъ».

ПРІИДИТЕ КО МНѢ!

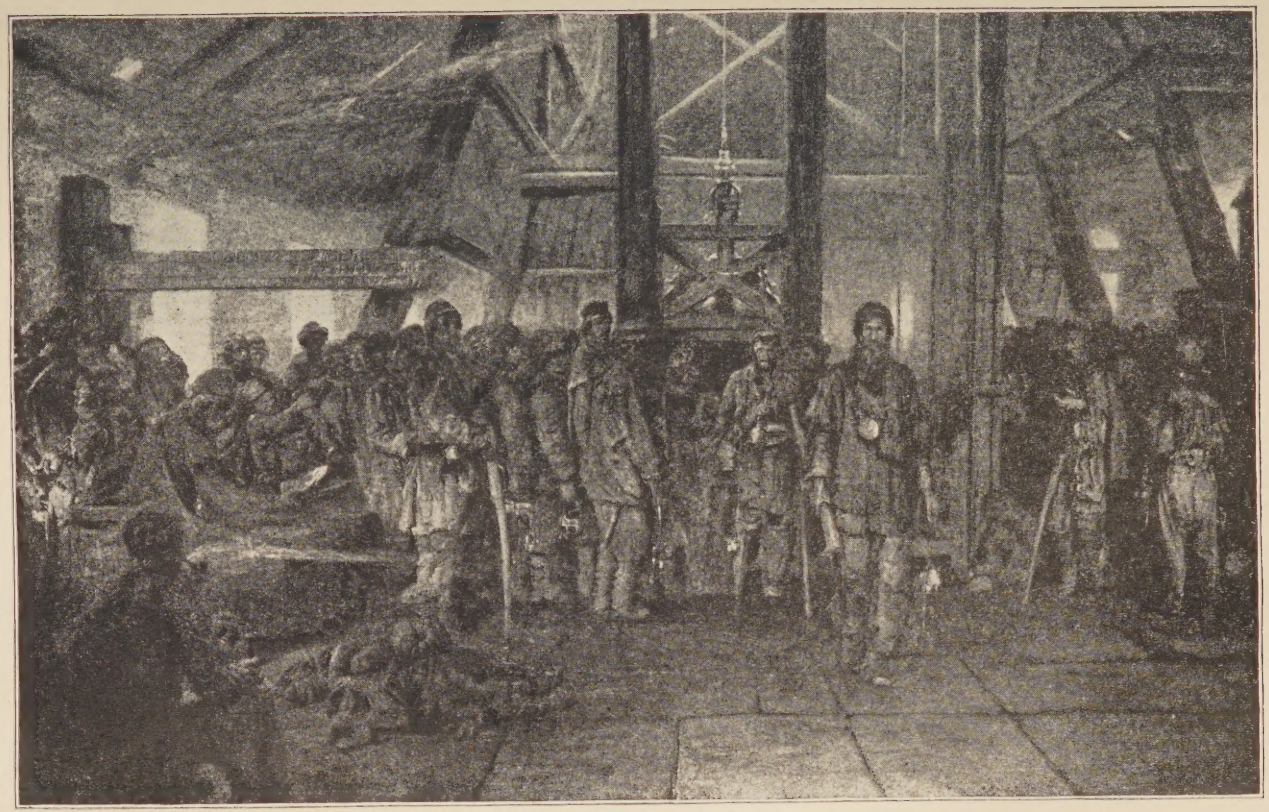
Долей истерзанный, мукой измученный,
Горемъ избитый, бѣдой,
Злобой людской ненавидѣть наученный,
Въ жизни забывшій покой...
Страсти горячей огнемъ сожигаемый,
Сердцемъ застывшій, какъ льдомъ,
Мрачнымъ отчаяньемъ духа терзаемый,
Мучимый тяжкимъ грѣхомъ—
Всѣ приходите ко мнѣ. Облегченіе
Каждому вдоволь пролью,
Вѣрой горячей утишу сомнѣніе,
Злобу въ любви растворю,
Страсть затушу тишиной созерцанія,
Сердце согрѣю слезой,
И всѣмъ несчастнымъ пошлю упованіе
Въ вѣчный грядущій покой!

ПРИШЛА БѢДА!

Течетъ и льется кровь рѣкою,
Покрыта кровью вся страна,
Какъ темный призракъ надъ землею,
Летаетъ грозная война.
Осиротѣли дѣти.... жены,
Печальны села, города,
Несутся къ нимъ родные стоны:
Пришла народная бѣда!
И всюду смерть: отъ вражьей пули,
Отъ нераспаханныхъ полей,
И дѣти съ голода уснули
Въ рукахъ голодныхъ матерей.

НОВЫЙ ВѢКЪ.

Въ далекій вѣкъ, съ былой заботой,
Нерѣдко звонъ колоколовъ
Будилъ предъ тяжкою работой
Толпы закованныхъ рабовъ.
Но съ новымъ днемъ, для новой муки,
Спѣша несчастнаго призвать,
Звонъ говорилъ: «Не вѣчно руки
«На трудъ невольный отдавать;
«Не вѣчно рабъ для господина
«Работать будетъ безъ конца:
«Придетъ пора, и доля сына
«Не будетъ долею отца».
Онъ говорилъ о новомъ вѣкѣ,
О братствѣ, равенствѣ вѣщалъ,
Надежду теплилъ въ человѣкѣ,
Онъ дни свободы обѣщалъ.
И вотъ пришли другіе годы:
Упало рабство безъ слѣда,
Насталъ вѣкъ равенства, свободы,
Насталъ вѣкъ вольнаго труда.
И пересталъ звонъ колокольный
Звучать такъ властно надъ землей:
Подъ звукъ иной работникъ вольный
Поутру кровъ бросаетъ свой.
Подъ новый благовѣстъ:—фабричный,
Столѣтій новыхъ, властный зовъ,
Идетъ работникъ горемычный
На трудъ свободный—безъ оковъ.
Не рабъ онъ больше господина,
Онъ долю новую узналъ,
Но все родитъ для рабства сына:
Надъ сыномъ деспотъ—капиталъ.



БОГУ МЕСТИ!

Тебѣ отмщенье, ты воздашь.
Воздашь не такъ, какъ мы, пристрастно,
Но по заслугамъ всѣмъ ты дашь,
Положишь кару не напрасно.
О, мсти же имъ, рази мечомъ,
О, мсти же имъ, великій боже!
Карай небеснымъ ихъ огнемъ,
Мсти по дѣламъ ихъ вдвое строже!
Мсти имъ за то, что много далъ,
Что щедрой сыпалъ имъ рукою,
Не такъ какъ тѣмъ, что вѣкъ страдалъ,
Кто малымъ взысканъ былъ тобою.
Мсти имъ за то, что съ юныхъ лѣтъ
Въ себѣ убили искру Божью,
И каждый проблескъ, каждый свѣтъ
Гасили въ малыхъ братьяхъ ложью.

* *
*

Людского счастья идеалы,
Какъ въ небѣ радуга—цвѣтами,
Блестятъ различными тонами:
Лазури, золота и стали.
Одни мечтаютъ: счастье въ славѣ,
Другіе счастливы любовью;
Аскетъ, отдавшися безмолвью,
Бѣжитъ ихъ счастья, какъ отравы.
И всѣ несчастливы, конечно:
Для счастья ихъ—основъ нѣтъ твердыхъ.
Одно лишь счастье безконечно:
Покой,—но это счастье мертвыхъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

I.

Надъ травой ковылемъ вѣтеръ вольный
Шепчетъ что-то о дальнихъ странахъ,
И подъ шопотъ тотъ степи привольной
Сладко дремлется въ теплыхъ лучахъ.
Тихо все, только сусликъ порою
Свою пѣсню у норки поетъ,
Да лѣнивой, тяжелой стопою
Сторожъ сонный вдоль рельсовъ бредетъ.
Но нѣтъ степи привольной покоя,
Поѣзда ей уснуть не даютъ,
Будто съ дѣломъ, чрезъ море степное
День и ночь по дорогѣ снуютъ.
Вотъ звучитъ вся окрестность свистками,
Вся гремитъ, какъ раскатами грозъ,
Показалися искры столбами:
Приближаясь, ростетъ паровозъ.
И широкой самарскою степью,
Дымный хвостъ за собой волоча,
За вагономъ вагонъ, длинной цѣпью,
На востокъ пролетаютъ стуча.

Съ ними рядомъ, вертясь прихотливо,
Укрываясь отъ яркихъ лучей,
Поѣздъ тѣни бѣжитъ торопливо,
Извиваясь, какъ сказочный змѣй.
Онъ то къ днищамъ прицѣпится пыльнымъ,
Въ перегонку по рельсамъ летитъ,
То отставъ, по султанамъ ковыльнымъ,
Чуть держась за колеса, скользитъ.
Чередуяся свѣтомъ и тѣнью,
Оба поѣзда вмѣстѣ вдали
Исчезаютъ, подобно видѣнью,
Пропадая за склономъ земли.
Снова степь подъ истомой нѣмая
Затихаетъ, беззвучья полна,
Пока поѣздъ, гремя и сверкая,
Не встревожитъ опять ея сна.

Но подчасъ этой дремы томленье
Нарушается звукомъ инымъ:
То не быстрыхъ вагоновъ движенье
Съ металлическимъ звономъ своимъ;
Слышенъ то разговоръ деревенскій,
Не шумливый, басовый—мужской,
И повыше октавою—женскій,
И ребячій—трескучей волной.
Въ сторонѣ отъ дороги желѣзной,
Тоже поѣздомъ, длиннымъ, какъ цѣпь,
Только тихо, походкой неспѣшной,
Рядъ телѣгъ выдвигается въ степь.
Въ нихъ весь скарбъ, какой былъ за душою:
Хлѣбъ, мучицы, одежды чуть-чуть,
Уложили хозяйской рукою
Мужики, собираяся въ путь.
Позапрягли нехитрою снастью
Лошаденокъ, какія нашлись,

И съ семьей, отъ бѣды и напасти,
На привольныя нивы плелись.
Они муки терпѣли безъ счета,
Тяжело было бросить тотъ край,
Гдѣ не мало кроваваго пота
Лили въ землю они черезъ край,
Да не сладили съ голодомъ вѣчнымъ,
Не осилили мора ребятъ,
И бѣжали, съ смятеньемъ сердечнымъ,
Отъ полей и родительскихъ хатъ.
Шелъ и прежде народъ нашъ невольникъ
Съ пепелищъ на свободу степей,
Его гналъ крѣпостникъ-своевольникъ,
И поборы служилыхъ людей.
Но не жалъ его голодъ изморомъ,
Кривосудіемъ міръ не тѣснилъ,
Подъ посѣвъ онъ богатъ былъ просторомъ,
Кулака еще свѣтъ не родилъ.
А теперь—землепашецъ свободный,
Отъ родимыхъ могилъ и полей,
Подымается въ край инородный,
Чтобы корму добыть для дѣтей.
Чѣмъ по Руси дохнуло тлетворно,
Гдѣ понять ихъ мужицкимъ умамъ:
Она такъ же обильна, просторна,
А нѣтъ мѣста крестьянскимъ душамъ.

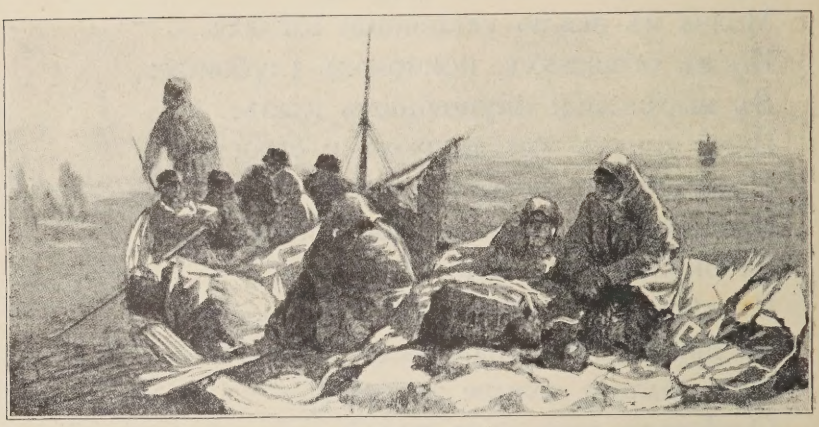
Вотъ и имъ на ихъ родинѣ курской
Каждый годъ, какъ бывалъ передѣлъ,
Полосою все болѣе узкой
Приходился на душу надѣлъ.
На куски всѣ поля поразбились,
Поразсыпались, будто горохъ,
А душой, какъ и прежде, платились
Тѣ же сборы и тотъ же налогъ!

Но пока еще скотъ былъ запасный,
Да кой-что на усадьбѣ велось,
Помогалъ имъ кулакъ полновластный,
И съ бѣдой пополамъ,—а жилось.
Но все больше скотина тощала
Отъ безкормицы съ малой земли,
А землица все меньше давала:
Безъ назему корма не росли.
Будто кругомъ какимъ-то лукавымъ
Оцѣпила судьба ихъ нуждой:
Не спалить его потомъ кровавымъ,
Не разбить заскорузлой рукой.
Дешевъ хлѣбъ, какъ родится приплодный,
Весь продашь, такъ и дыръ не заткнешь;
А купи-ка его въ годъ голодный,
Все хозяйство свое изведешь.
Такъ вертясь, не очистили сбору,
Скотъ пошелъ за нехватку въ казну,
Да присталъ и кулакъ въ ту же пору—
И въ уплату взялъ хлѣбъ на корню.
Въ батраки за своимъ пропитаньемъ,
Отъ хозяйства пришлося итти;
Но томятъ при наймѣ ожиданьемъ,
Норовятъ въ самый голодъ притти.
Поостъ расчетъ: за цѣной ли крѣпиться,
Коль въ безкормицу дразнятъ кускомъ?
Тутъ мужикъ за гроши кабалится,
Баба вовсе идетъ нипочемъ.
Разорялась семья за семьею,
Голодъ пуще людей донималъ:
Хлѣбъ пекъ раньше крестьянинъ съ корою,
Тутъ мукою кору разбавлялъ.
Будто мухи, ребята валились,
Грудь пустую сосать не могли,
Въ гробъ съ заботы отцы ихъ ложились,
Бѣдность съ болѣстью рядомъ росли.

Ну, не вынесли, всякъ семью любитъ,
Поднялися большою гурьбой,
И со словомъ, что «Богъ не погубитъ»,
Въ путь пошли изъ деревни родной.
Тяжело разставаніе было:
Бабы съ воемъ рыдали всѣ врядъ,
Мужики расходились уныло,
Молча въ землю уставивши взглядъ.
Но въ объятьяхъ, поклонахъ глубокихъ,
Въ выраженьи опущенныхъ глазъ,
И на лицахъ ихъ хмурыхъ и строгихъ
Море скорби лежало въ тотъ часъ.
Провожать ихъ съ иконой толпою
За околицу вышелъ народъ,
И слѣдилъ, со смятенной душою,
За движеньемъ знакомыхъ подводъ.
Поднималося солнце за тучей,
Освѣщало луга подъ росой,
Лѣсъ и пашни, и избы надъ кручей,
И погостъ возлѣ церкви святой;
У деревни людей озаряло,
И, въ прощанье послѣднее, имъ
Отъ ушедшихъ назадъ посылало,
Тѣнь,—ползучимъ рисункомъ большимъ.....

Кто не знаетъ, какъ русскій скучаетъ
По суровой своей сторонѣ,
Какъ душою и тѣломъ страдаетъ
Въ чужедальней, роскошной странѣ?
Кто не видѣлъ, какъ въ вольномъ изгнаньи,
За границу бѣжавшій, какъ въ рай,
Эмигрантъ нашъ живетъ въ ожиданьи
Возвращенья въ родимый свой край?
Не читалъ кто, какъ бѣглый въ Сибири
Путь обратный годами идетъ,

Чтобъ взглянуть, что творится въ томъ мірѣ,
Гдѣ онъ тотчасъ въ тюрьму попадетъ?
Такъ разсказы здѣсь къ мѣсту едва ли,
Всѣ свободно поймутъ и безъ словъ,
Какъ тѣ люди глубоко страдали,
Когда бросили землю отцовъ...



Но предъ голодомъ, тяжкое горе
Задавили въ себѣ мужики,
И чрезъ Русь, какъ безбрежное море,
На востокъ все идутъ ходаки.
Подошли скоро къ Волгѣ широкой,
Переплыли къ степямъ на плотахъ,
И поспрашивать стали дорогой
Объ удобныхъ, свободныхъ мѣстахъ.
«Дальше, братцы, а тутъ не ищите,
Здѣсь все занято!» слышатъ отвѣтъ;
А начальство добавитъ: «идите,
И безъ васъ у насъ времени нѣтъ».

. . . . . .

И идутъ они степью обильной,
И дивятся самарскимъ землямъ,
И вздыхаютъ о почвѣ ковыльной,
Гдѣ нѣтъ мѣста крестьянскимъ душамъ.

БАГРЕНОВ. ЭЛЬБРУС

II.

Надоѣло, наскучило тучамъ,
Безпріютно по небу гулять,
И тихонько по каменнымъ кручамъ
Шли на землю онѣ отдыхать;
Да задумались темною думой,
Какъ спускалися къ низкимъ доламъ,
И легли вокругъ чащи угрюмой,
Прицѣпившись къ высокимъ горамъ.
Затянули все бѣлымъ пологомъ,
Заслонили воздушной толпой,
Любовались лазурнымъ чертогомъ
И красивою горной страной.
Будто волны застывшаго моря,
Тамъ вставали скала за скалой,
Ихъ,—стихіи могучія, споря,
Позабыли надъ мирной землей.....
Безконечное время глянуло,
Облило ихъ росой и дождемъ,
Зимней вьюгою съ снѣгомъ обдуло
И пригрѣло палящимъ лучемъ.
Мягко гладились высей фигуры,
Заросли камни лѣсомъ съ травой,
Развернулись холмами контуры,
Не узнаешь въ нихъ бури земной.
Такъ страстей на лицѣ человѣка,
Пролетѣвшихъ горячей волной,
Не прочтешь при концѣ его вѣка,
Подъ морщинами съ ихъ сѣдиной.
Въ спорѣ часто, такъ сердце словами
Жжетъ и колетъ, какъ острой стрѣлой;

Но забудется рѣзкость съ годами,
И обиду не вспомнишь порой.
И любуются тучи картиной,
Закрываютъ ее отъ людей,
И туманомъ вися надъ низиной,
Не пускаютъ къ ней яркихъ лучей.
А съ низины,—дорога изломомъ
Вьется вверхъ и, придя къ облакамъ,
Обрывается тамъ, какъ предъ входомъ
За завѣсу къ святымъ небесамъ....
Тамъ вверху не дымитъ горнъ фабричный,
Нѣтъ тамъ стоновъ, людскихъ голосовъ,
Тамъ о хлѣбѣ вопросъ горемычный
Не звучитъ подъ ударъ топоровъ.
Тамъ живутъ лишь сайги, да олени,
Тамъ царитъ вольной жизни покой,
И манитъ подъ тѣнистыя сѣни
Полный тайною шепотъ лѣсной.
Тамъ съ лазури звенитъ надъ землею
Птицъ несмѣтныхъ причудливый хоръ,
И тихонько, смолистой струею,
Воздухъ вѣетъ надъ высями горъ.

Чу! Вдругъ снизу, чрезъ пологъ тумана
Скрипъ и фырканье, звуки рѣчей....
Мигъ еще,—какъ изъ волнъ океана
Показались фигуры коней.
Ярче.... рѣзче.... вотъ узкой чертою
Рядъ телѣгъ раздвигаетъ покровъ,
И обозъ, подымаясь горою,
Переходитъ черезъ сѣть облаковъ.
Вотъ взошли, и дорогою длинной
Потянулись обычной чредой,
И дивится крестьянинъ равнинный
Тучамъ страннымъ внизу подъ собой.

А кругомъ не окинуть и взглядомъ
Всей роскошной лѣсистой страны;
Горы блещутъ въ ней пестрымъ нарядомъ
Отъ орѣха до старой сосны.
Будто бархатомъ крыты вершины,
По прогалинамъ травы ростутъ,
Съ кручей воды несутся въ стремнины,
И въ ложбинахъ ручьями текутъ.
Это земли Башкиріи горной,
Царство рѣкъ, и лѣсовъ, и полей,
Мѣсто почвы богатой, просторной,
И хозяевъ несчастныхъ на ней;
Прежде данникъ татарскаго ханства,
Этотъ дикій народъ кочевой
Царю Грозному на вѣкъ въ подданство
Поклонился своею землей.
Пролетѣли немалые годы,
И не мало воды утекло,
Здѣсь явились усадьбы, заводы,
Много почвы подъ нихъ отошло.

Но съ пришельцемъ народъ не считался,
Мирно жилъ, былъ стадами богатъ,
Грозно разъ, съ Пугачемъ, поднимался,
Былъ второй здѣсь Пугачъ—Соломатъ.
Долго звали башкиръ казаками,
Посылали Парижъ покорять,
Окрестили потомъ мужиками,
И велѣли имъ землю пахать.
Но не могъ изъ кочевника сразу
Выйти русскій готовый мужикъ,
И, совсѣмъ не согласно указу,
Онъ бѣднѣлъ, а къ сохѣ не привыкъ.
И, торгуя наслѣдьемъ исконнымъ,
Отдавалъ земли даромъ другимъ.....
Вотъ гдѣ почва съ богатствомъ бездоннымъ,
Гдѣ осѣсть землепашцамъ простымъ.

. . . . . .

Поспросили, узнали..... «Идите»
Зазвучалъ имъ всегдашній отвѣтъ:
«Дальше, братцы, а здѣсь не ищите,
«Тутъ все занято; мѣста здѣсь нѣтъ».

. . . . . .

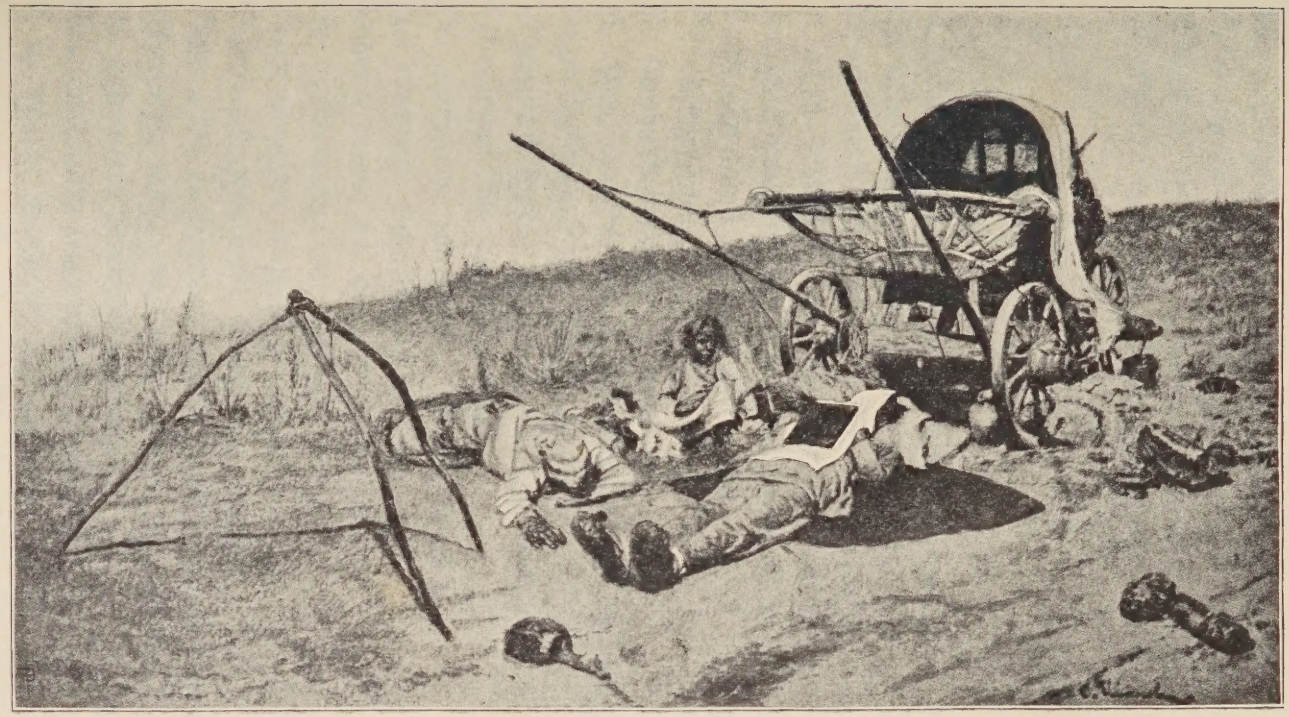
И, любуясь башкирской страною,
Мужики сходятъ внизъ по горамъ,
И вздыхаютъ надъ почвой лѣсною,
Гдѣ нѣтъ мѣста крестьянскимъ душамъ.

III.

Ярко блещетъ сполохъ лучезарный,
Надъ безбрежной пустыней морской,
Океанъ озаряетъ полярный,
Свѣтитъ жизни его ледяной.
И изъ мрака, подъ стонъ океана,
Какъ армада волшебной страны,

За бѣляной всплываетъ бѣляна,
И качаются съ зыбью волны....
Подвигаются длинной стѣною,
Изгибаясь рогатой дугой,
Выпрямляются ровной чертою,
Собираются цѣлой толпой....
Вотъ впередъ отошли великаны,
Другъ на друга бойцами идутъ,
Гонятъ пѣну, какъ лаву, вулканы,
Кораблями гигантовъ плывутъ....
Вотъ все ближе..... и съ трескомъ и съ шумомъ
Сшиблись сразу: осколки летятъ,
Эхо катится въ гулѣ угрюмомъ.
Надъ пучиною жерла кипятъ.
И, могущества грознаго полны,
Великаны вновь розно плывутъ;
Мимо нихъ торопливыя волны
Вѣсть о боѣ на берегъ несутъ.
Докатятся до скалъ онѣ съ воемъ
И, ударясь о берегъ пустой,
Все представятъ шумливымъ прибоемъ,
Все разскажутъ ревущей волной.
Но обгонитъ ихъ снѣжная вьюга,
Не поспѣть за ней быстрой волнѣ,
Отъ полярнаго, льдистаго круга
Мчится вихремъ она по странѣ.
А просторъ передъ ней богатырскій,
Есть, гдѣ мчаться по волѣ своей:
Материкъ безконечный сибирскій
Не осилить и вьюгѣ морей.
Онъ залегъ вдоль страны полуночной,
Океану подставивши грудь:
Отъ Урала до грани восточной
Годъ иди,—не пройдешь его путь.
И далеко по немъ безъ стѣсненья
Вѣтеръ мчится съ поляны морской,

Страшенъ мощью въ безбрежномъ стремленьи,
Грозенъ—пѣснью своей ледяной.
Онъ летитъ надъ землей ураганомъ,
Воетъ въ тундрахъ полярной пургой,
Задуваетъ лѣсъ снѣжнымъ бураномъ,
Кроетъ рѣки желѣзной корой.
Но устанетъ и вѣтеръ могучій,
Не промчаться ему всей страной,
Онъ падетъ предъ заоблачной кручей,
Заплутается дикой тайгой.
Лишь не знаютъ усталости люди,
Нѣтъ пространства имъ, горъ и тайги;
Тотъ же голодъ, сосущій ихъ груди,
Направляетъ впередъ ихъ шаги.
Много дней ужъ безлюдной страною
Все идутъ и идутъ мужики,
Изморились тяжелой нуждою,
Истомились отъ скуки, тоски.
Сколько селъ, городовъ миновали,
Наглядѣлись лѣсовъ и полей,
Сколько верстъ по пути отсчитали,
Имъ не счесть головою своей.
Зимовали они по дорогѣ,
Какъ кроты поселясь подъ землей,
Какъ бродяги—сидѣли въ острогѣ,
Изстрадались, какъ воры, тюрьмой.
Будто нищіе, всѣ оборвались,
Исхарчились вконецъ на пути,
Подаяньемъ Христовымъ питались,
Чуть назадъ не пришлося итти.
Сколько дней у различныхъ правленій
На порогахъ, о дѣлѣ своемъ,
Терпѣливо чиновныхъ рѣшеній
Дожидались,—подъ снѣгомъ, дождемъ....
И, хребтовъ на поклонъ не жалѣя,
Сколько кланялись съ просьбой своей:



«Отвести имъ землицы скорѣе,
«Пожалѣть ихъ болѣзныхъ дѣтей.»
Но все такъ же звучалъ: «Проходите»,
Имъ давно ужъ знакомый отвѣтъ:
«Дальше, братцы, а здѣсь не ищите,
«Тутъ все занято, мѣста здѣсь нѣтъ.»

IV.

И шли снова по дебрямъ пустыннымъ,
По широкимъ сибирскимъ странамъ,
И дивились, что мѣсто есть ссыльнымъ,
А нѣтъ мѣста крестьянскимъ душамъ.
Дальше шли на востокъ непроглядный
Всей деревней скрыпучей своей,
Не смотрѣли на холодъ нещадный,
Не боялись палящихъ лучей.
И, быть можетъ, весь вѣкъ свой въ смиреньи
Шли бы такъ, все землицы глядя,
И земной шаръ кругомъ въ удивленьи
Обогнули бъ, ея не найдя....
Да, дойдутъ, наконецъ, натерпѣвшись,
До границы россійской земли:
Берегъ тамъ, въ океанъ уперевшись,
Не прикажетъ имъ дальше итти.
Тамъ осядутъ деревнею курской,
Тамъ найдутъ себѣ мѣсто въ поляхъ,
Тамъ имъ скажутъ: «крестьянинъ нашъ русскій
«Нуженъ здѣсь, въ инородныхъ странахъ».
Не стѣсняяся мѣркой урочной,
Ихъ снабдятъ плодородной землей,
И на грани далекой, восточной,
Разрастутся изба за избой.
Голодъ свой мужики позабудутъ,
Приподнимутъ семью для труда,

И глубоко кормилицѣ будутъ
За кусокъ благодарны всегда.

Такъ селятся въ странѣ отдаленной
Піонеры россійскихъ людей,
Грубы съ виду, отъ муки снесенной,
Добродушны,—натурой своей.
Не злобливы къ бѣдамъ пережитымъ,
Они мирятся съ новой судьбой
И безропотно, потомъ пролитымъ,
Русь внѣдряютъ на почвѣ чужой.
И лишь изрѣдка, вечеромъ вольнымъ,
Возвращаясь съ работъ полевыхъ,
Вспоминаютъ со вздохомъ невольнымъ

О могилахъ и нивахъ родныхъ.
Да слѣдя за багрянымъ свѣтиломъ,
Уходящимъ къ далекимъ землямъ,
Говорятъ о томъ краѣ, имъ миломъ,
Гдѣ нѣтъ мѣста крестьянскимъ душамъ.

---

* *
*

Прошло по ней горе широкой волною,
Прошло по ней горе... прошло...
И, бурнаго моря подобно прибою,
У ногъ ея тихо легло.
И также блестятъ ея очи порою,
Ланиты румянцемъ горятъ,
Но въ сердцѣ, избитомъ тяжелой борьбою,
Глубокія раны болятъ.
Такъ гордая пальма, плѣняя красою,
На скалахъ прибрежныхъ стоитъ,
А море къ ней мечетъ волну за волною
И корни отравой поитъ.

ВЕРНУЛСЯ.

Объ рифы, о скалы избитый,
Безъ мачтъ, безъ руля, парусовъ,
Вернулся я въ гавань разбитый,
И сталъ у родныхъ береговъ.
Два года прошло, какъ на горе,
Корму къ берегамъ повернувъ,
Сорвался я съ бурею въ море,
Послѣдній маякъ обогнувъ.
Свободное море плѣнило:
Тамъ, прелестью дикой полна,
Такъ страстно на волю манила
Зеленая въ пѣнѣ волна.
Той чудною пѣной покрыта,
Какъ гривой одѣта она,

Меня закружила, закрыла,
Та львица морская—волна.
Два года я съ бурею бился
И въ битвѣ совсѣмъ изнемогъ,
Я страшно о скалы избился,
Но выбиться долго не могъ...
Вернулся я въ гавань родную,
Но къ берегу трудно пристать:
Прокралося въ гавань глухую
Свободное море, какъ тать.

И въ гавани мирной на диво
Все вдругъ измѣнилось кругомъ,
Узнать невозможно залива
Съ привѣтливымъ мягкимъ пескомъ;
Закутали берегъ туманы,
Сквозь сѣтку ихъ молы блестятъ,
И бьются объ нихъ великаны,
Ихъ брызги на небо летятъ!..
Мелькаютъ, на волнахъ качаясь,
Ряды тамъ чужихъ кораблей,
И флаги на нихъ развѣваясь,
Гордятся красою своей.
Мнѣ страшно на скалы наткнуться,
Маячныхъ не видя огней,
Боюся съ другими столкнуться:
Суда ихъ прочнѣй и новѣй.
И снова въ открытое море
Изъ гавани мирной спѣшу,
Размыкаю горькое горе,
Иль бурей его заглушу.

СЫНУ МОЕМУ.

О, сынъ мой любимый! моею дорогой,
Прошу я тебя, не ходи;
Ведетъ она въ чащу и къ безднѣ глубокой,
Ждетъ гибель на ней впереди.
На поприще жизни своей, когда выйдешь,
Безъ знанія зла и добра,
Ты два пути рядомъ на выборъ увидишь,
Ихъ повѣсть нова и стара.
Одинъ путь тяжелый: тропинкой тернистой
Онъ вьется межъ скалъ, какъ змѣя,
То вверхъ выбѣгаетъ по кручѣ скалистой,
То падаетъ съ русломъ ручья.
Лежатъ по дорогѣ обломки и скалы,
Тѣснины на немъ есть всегда,
Въ нихъ дикіе волки живутъ и шакалы....
Науки то путь и труда.
Другой путь удобный: отлогой долиной
Онъ внизъ незамѣтно скользитъ,
Прельщаетъ всѣ взоры красивой картиной,
Поверхностью гладкой манитъ.
Съ боковъ его рощи деревьевъ тѣнистыхъ,
Межъ ними лужайки, вода,
И слышатся трели пѣвцовъ голосистыхъ...
Наживы то путь—безъ труда.

Коль выберешь первый: пещеру у входа
Увидишь. Надъ книгой старикъ
Сидитъ, наклонившись, подъ тѣнію свода,
И строго глядитъ его ликъ.
Онъ дастъ тебѣ посохъ, одежду простую,
Зажженый фонарь и кирку
И взоръ устремляя на даль голубую,
Подниметъ къ ней руку свою,
И тамъ, указавши звѣзду золотую,
Онъ скажетъ: «Ее достигай!
«Цѣни выше жизни работу святую,
«Фонарь не гаси свой; иди, начинай».

И долго придется тебѣ надъ камнями
Работать, пока ихъ собьешь
И дальше по скаламъ, скользя съ нихъ ногами,
Отъ входа, ты въ путь не пойдешь.
Ты двигаться будешь дорогою горной,
То бойко вершиной идя,
То внизъ опускаясь разсѣлиной черной,
Въ тѣснинѣ безъ свѣта скользя.
Но двигайся все и работай киркою,
Хотя, когда будешь внизу,
Звѣзда ужъ не будетъ сіять надъ тобою,
За ближнюю прячась скалу.
Не бойся: идешь ты прогресса тропою:
Бѣжитъ она часто волной,
И часто звѣзда не видна за скалою,
Но выше все всходитъ горой.
Иди же впередъ, хотя слышать рычанье
Ты будешь шакаловъ, волковъ,
Хоть яростно будетъ ихъ взоровъ блистанье
И щелканье грозно зубовъ.
Не бойся ихъ, сынъ мой: не страшны тѣ звѣри,
Хоть многихъ пугаетъ ихъ видъ,

Въ рукахъ твоихъ сила
науки и вѣры,
Фонарь твой ихъ дикость
смиритъ.
И многихъ людей на дорогѣ
ты встрѣтишь
Такихъ же, и съ ними
пойдешь;
Межъ ними друзей по
работѣ намѣтишь,
Межъ ними подругу найдешь....
Легко станетъ вамъ надъ камнями трудиться,
Легко будетъ камни ломать,
Скорѣй будутъ звѣри отъ васъ сторониться:
Блескъ свѣточей будетъ ихъ гнать.

А если, уставъ отъ трудовъ надъ камнями,
Ты ляжешь на этомъ пути,
То дальше проложатъ дорогу горами
Подруга и дѣти твои.
И путникъ, идя по дорогѣ пробитой,
Гдѣ мирно въ трудѣ ты почилъ,
Пройдетъ надъ тобой съ головой непокрытой
И скажетъ: «Онъ путь облегчилъ!»...

Но если, мой сынъ, ты дорогой широкой
Не внемля мнѣ, хочешь итти,
То вотъ что, скользя прямо къ безднѣ глубокой,
Ты встрѣтишь на этомъ пути:
У входа въ тѣни, среди чуднаго сада,
Красивая дѣва лежитъ,
Въ рукѣ держитъ кубокъ и кисть винограда
И въ очи вакханкой глядитъ.
Она тебѣ скажетъ: «Дорогой большою
«Смѣшно въ такомъ платьѣ ходить.
«Вотъ платье богаче... плѣняя собою,
«Въ немъ можешь ты больше добыть.
«Мы къ юношамъ щедры. Красивъ ты и молодъ,
«Заплатишь потомъ этотъ вздоръ;
«Но помни: терпѣнье, и бѣдность, и голодъ....
«У насъ это только позоръ!
«За глупой звѣздой по горамъ мы не ходимъ,
«Цѣль наша не такъ далека,
«Работою черной себя не изводимъ,
«Видна у насъ цѣль и близка.
«Здѣсь цѣль наша: золото, съ нимъ наслажденье,
«Ихъ можетъ достать всегда тотъ,
«Кто хочетъ ихъ брать у другихъ безъ стѣсненья.
«Иди же. Открытъ у насъ входъ.»
И вотъ ты войдешь, и сейчасъ предъ собою
Увидишь толпу на пути;

Сомкнувшись она, какъ сплошною стѣною,
Идетъ далеко впереди.
Бѣгутъ вслѣдъ за нею отставшіе люди,
Тебя обгоняя бѣгутъ....
И возгласъ все тотъ-же волнуетъ ихъ груди:
«Тамъ золото всѣмъ раздаютъ!»
И ты побѣжишь, не смотря подъ ногами,
Что будешь ты въ бѣгѣ давить;
Одна будетъ мысль у тебя предъ глазами:
«Тамъ золото можно добыть».
Ты скоро догонишь. Ты силенъ и молодъ,
Толпа же не быстро идетъ,
Въ ней каждый такъ жаденъ, какъ будто бы голодъ
Его нестерпимо гнететъ.
Въ срединѣ толпы колесница большая,
Червонцы лежатъ въ ней горой,
Горитъ и сіяетъ казна золотая
И искрится яркой звѣздой.
Кто ближе къ повозкѣ, тотъ жадно горстями
Торопится злата набрать,
И тутъ же роняетъ и топчетъ ногами,
Безсильный всю массу сдержать.

Набившій карманы пробиться обратно
Спѣшитъ изъ ужасной толпы,
Но выйдетъ не скоро, платя многократно
И послѣ ужасной борьбы.

Усталый, разбитый отъ долгихъ терзаній,
Онъ хочетъ забыться и жить,
И жадно бросается въ міръ вакханалій,
Гдѣ можно все златомъ купить.
И быстро проходитъ въ какомъ-то туманѣ
Рядъ чувствъ, ощущеній и лѣтъ,
Пока не услышитъ безъ гроша въ карманѣ:
«Нѣтъ золота—жизни здѣсь нѣтъ!»

И страшно разбитый, съ душою унылой,
Захочешь ты бросить тотъ путь,
Съ борьбою за золото, съ цѣлью постылой...
Но трудно съ него повернуть:
Подняться на гору назадъ—нѣту силы;
Съ боковъ стоитъ страшная глушь,
Ревутъ водопады... при входѣ то были
Ручьи среди розовыхъ кущъ!

И снова гоняясь за жизнью пустою,
Гдѣ только наживы ты ждешь,
Одинъ, безъ друзей, съ той же дикой толпою
На край ты могилы придешь.
Ты ляжешь въ нее. Топча̀ насыпь ногами,
Толпа надъ тобою пройдетъ;
И мѣсто, гдѣ спишь ты, съ дорогой краями
Сравнявшись, на вѣкъ пропадетъ!....

* *
*

У кого въ жизни не было счастья?
На кого не глядѣла весна?
Да задуло все снѣгомъ ненастья,
Затопила все горя волна.
Не вернуться вновь жизни широкой,
Не сіять вновь прошедшей веснѣ,
Какъ не встать изъ могилы глубокой,
Кто лежитъ въ ней недвижно на днѣ.

———

* *
*

Быть иль не быть? сказалъ Гамлетъ
Въ созданьи генія-поэта;
Вопросъ все тотъ же сотни лѣтъ
Стоитъ и ждетъ себѣ отвѣта.
Отвѣта нѣтъ.—«Не стоитъ жить!»
Звучитъ все громче надъ землею,
«Не стоитъ жить, не стоитъ быть
Судьбы игрушкою пустою».
Не стоитъ жить, чтобы страдать,
Чтобъ съ каждымъ днемъ все меньше вѣрить,
Чтобы безсмертія не ждать,
Чтобъ въ вѣчный мракъ одинъ повѣрить.
О, счастливъ, кто рѣшится снять
Нарядъ шута и побрякушки,
И скажетъ кто: «Природа-мать,
«Возьми назадъ твои игрушки».

ДВА УЗНИКА.

Двухъ узниковъ вмѣстѣ рукою съ рукой
Желѣзною цѣпью сковали;
И горе ихъ жизни и радость порой
Той цѣпью навѣки связали.
Одинъ былъ горячъ: въ непосильномъ трудѣ,
Въ весельѣ и пѣснѣ унылой,
Онъ рвался впередъ, какъ всегда и вездѣ,
Съ какою-то дикою силой.

Другой былъ всегда одинаковъ во всемъ:
Всегда онъ былъ ровный и стойкій;
Онъ шелъ позади, съ недовольнымъ лицомъ
На нравъ сотоварища бойкій.

Шло время... и скоро мелькнули года
(Летятъ они также въ неволѣ),
Горячаго силы скорѣй, какъ всегда,
Ослабли, онъ стихъ поневолѣ.
Пошли теперь оба походкой одной,
Никто позади не тащился;
И шли бы все такъ до доски гробовой:
Когда бы одинъ отдѣлился.

Но старѣетъ тѣло, слабѣетъ отъ лѣтъ,
Душа же всегда молодая;
Пространства и времени вѣчному нѣтъ,
Духъ вѣчный горитъ, не сгорая.

И бойкій товарищъ не старѣлъ душой,
Онъ, силы свои забывая,
Бросался впередъ съ той же страстью былой,
Другого съ собой увлекая.
Грозы такъ затихшей послѣдній раскатъ
Дастъ эху моментъ оживленья;
Такъ судроги въ тѣлѣ на мигъ возбудятъ
Въ безжизненномъ трупѣ движенья.

Затихнулъ горячій. Въ немъ бурный порывъ
Скорѣй убивалъ только силы:
Еще безполезный, безвременный взрывъ,
И стихъ онъ до скорой могилы.
И трудно рѣшить: кто изъ этихъ людей
Отъ цѣпи страдаетъ сильнѣе:
Второй ли, полъ-жизни безъ воли своей,
Бѣжавшій на цѣпи быстрѣе;
Иль первый,—привыкшій итти впереди,
Другого таща за собою,
Какъ бремя, ползущій теперь позади
Безъ силы,—но съ той же душою?

———

* *
*

Когда я умиралъ и ты во прахъ склонилась
И слезъ потокъ лила ко мнѣ на грудь...
Казалося тебѣ, что солнце ужъ затмилось,
И съ смертію моей и твой оконченъ путь.
Прошло немного лѣтъ. Въ могилѣ подъ курганомъ,
Въ забытомъ уголкѣ, подъ сломаннымъ крестомъ,
Я сплю одинъ... и тѣмъ же ураганомъ
Несешься ты, широкимъ жизненнымъ путемъ.
И дѣла нѣтъ тебѣ, гдѣ прахъ мой позабытый.
Къ нему ты не придешь и нѣжною рукой
Не бросишь ты цвѣтокъ, одной слезой облитый,
На память мертвому, дышавшему тобой.

---

* *
*

Жизнь моя, жизнь! почему отлетаешь?
Или неясенъ сталъ свѣтъ,
Или былыхъ въ немъ красотъ не встрѣчаешь?
Дай мнѣ, о дай-же отвѣтъ!
«Нѣтъ, міръ все такъ же, какъ прежде прекрасенъ,
«Такъ же сіяетъ луна,
«Такъ же прибоя звукъ нѣженъ и страстенъ,
«Такъ же игрива волна.
«Такъ же роскошны луга и долины,
«Тотъ же цвѣтовъ ароматъ,
«Такъ же красивы природы картины,
«Звѣзды все такъ же горятъ.
«Только въ людей нѣту вѣры, какъ прежде:
«Опытъ ее изсушилъ;
«Только опущенный факелъ надежды
«Дымомъ своимъ все закрылъ».

ЛИХОРАДКА.

Онъ былъ одинокъ; съ лихорадкою злой
Боролся на койкѣ больницы,
А мозгъ воспаленный изъ жизни былой
Развертывалъ ярко страницы.
Такъ сладко качается люлька его,
Качнется то вправо, то влѣво,
Два добрые глаза глядятъ на него,
И слышатся звуки напѣва!
«Усни же, мой мальчикъ, пора тебѣ спать,
«Усни же, усни поскорѣе,
«Я завтра спою тебѣ пѣсню опять,
«Спою тебѣ пѣсню звучнѣе»...

Смолкаютъ... все тише, и тише ихъ тонъ,
Исчезли видѣньемъ летучимъ;
Картина другая, какъ юности сонъ,
Всплываетъ вновь съ холодомъ жгучимъ.
Топочутъ такъ ножки, снѣгъ громко хруститъ;
Такъ славно ему отъ мороза;
Съ книжкой подъ мышкой онъ въ школу бѣжитъ,
И личико ярко, какъ роза.
Вотъ школа, вотъ дѣти, какъ птички, шумятъ,
Играютъ, поютъ и рѣзвятся,
Снѣжками кидаютъ, ихъ глазки горятъ...
Предъ классномъ порогомъ толпятся...

И снова такъ душно, такъ много сидитъ
Студентовъ, тѣсняся рядами,
Профессора слово съ каѳедры звучитъ
И властно царитъ надъ сердцами:

«Храните науку и твердость идей,
«Трудитесь безъ страсти наживы,
«И пусть всѣ стремленья студенческихъ дней
«До старости будутъ въ васъ живы».

Смолкаетъ студентовъ восторженный крикъ,
Чуть слышны вдали восклицанья;
И новые звуки несетъ новый мигъ,
Слагаются въ хоръ,—поминанья.
Такъ ноютъ напѣвы... такъ мрачно кругомъ...
Снѣгъ валитъ, скрипятъ такъ березы;
Родимую свѣжимъ закрыли холмомъ;
Онъ льетъ надъ могилою слезы...

Изъ облака темнаго яркимъ серпомъ
Вдругъ выглянулъ рогъ серебристый.
И садъ освѣтилъ на обрывѣ крутомъ,
И берегъ далекій, скалистый.
Какъ чудно кругомъ въ этой дремѣ ночной...
Онъ съ ней на ступенькахъ кіоска,
Луна чертитъ профиль съ тяжелой косой,
Въ глазахъ горитъ яркою блесткой.
Прижавшись другъ къ другу, игрою тѣней
Любуясь, задумались оба;
На нихъ смотритъ сумракъ изъ длиныхъ аллей
И звѣзды далекаго свода.
Она прибѣжала украдкой сюда,
Отецъ ея деспотъ упрямый,
Но завтра покончитъ съ отцомъ навсегда:
Она ему скажетъ все прямо.

Чуть-чуть разсвѣтаетъ и брежжится свѣтъ,
Надвинулася туча съ востока,

Ее уже подлѣ въ видѣніи нѣтъ,
Чуть слышно ее издалека....
И снова зима... и все пусто кругомъ...
А вьюга такъ воетъ и рвется:
Съ друзьями въ лѣсу онъ сидитъ предъ костромъ,
Онъ сильно прозябъ и трясется.
Давно они бьются, все меньше ихъ силъ,
А воли все нѣтъ у отчизны.
Кругомъ только больше и больше могилъ,
И чаще печальныя тризны.
Хоронятъ и бьются, родимой странѣ
Дать волю, надеждъ не теряя...
Такъ сладко дремать при бивачномъ огнѣ,
Подъ говоръ друзей, засыпая.

Тревога повсюду раскатомъ гремитъ,
Бойцовъ на борьбу поднимая.
Врагъ близко. На горкѣ, за лѣсомъ, стоитъ
Сомкнувшися рать молодая.
Трещитъ перестрѣлка, ревъ пушекъ такъ дикъ...
За раной наносится рана...
Осилена банда; «за родину» крикъ
Смолкаетъ подъ громъ барабана.

И снова сугробы, и вьюга свиститъ...
Жаръ крови остылъ послѣ сѣчи,
Реветъ непогода, пургою летитъ,
Студитъ ему ноги и плечи.
Онъ стынетъ... онъ мерзнетъ... оковы нести
Не въ силахъ.... измученъ ломотой,
На снѣгъ онъ ложится; что дальше итти?..
Ложится охваченъ дремотой....

И сладко такъ дремлется... стало теплѣй:
Лежитъ онъ въ своемъ кабинетѣ;
По стѣнамъ мелькаютъ полоски тѣней,
Теряясь въ углу въ полусвѣтѣ.
Смеркается... Изрѣдка пламя блеснетъ
Въ каминѣ трепещущимъ свѣтомъ,
И въ комнатѣ все передъ нимъ промелькнетъ,
Окрашено розовымъ цвѣтомъ...
Ему здѣсь все дорого въ этихъ стѣнахъ:
Здѣсь былъ онъ такъ счастливъ душою,
Здѣсь книги,—товарищи въ прежнихъ трудахъ,
Съ товарищемъ лучшимъ,—женою.
Съ натурою нервной и чуткимъ умомъ,
Она его крѣпко любила,
И въ жизни минувшей всегда и во всемъ
Подругою вѣрной слѣдила.
Нагнулась она къ нему съ тихой мольбой
И шепчетъ: «Ну, лучше-ли милый?»
И въ голосѣ, полномъ горячей душой,
Чуть слышно дрожитъ тонъ унылый.

Но новыя волны и образъ жены
И голосъ, все тонетъ тревожно...
Онъ слышитъ: открылись, беззвучья полны
Въ садъ створы дверей осторожно;
И воздухъ холодный изъ сада пахнулъ
Въ лицо ему свѣжей струею,
По комнатѣ кто-то какъ тѣнь промелькнулъ,
Къ нему прикоснулся рукою...
Потомъ жестомъ тихимъ его помани́лъ,
Шепнулъ ему властно: «за мною»...
Онъ всталъ и пошелъ... и въ пространствѣ скользилъ
За тѣнью неслышной стопою...

И чуствуетъ самъ, погружаясь въ туманъ,
Съ волнами мѣшаясь эѳира ....
Какъ тонетъ во мракѣ невѣдомыхъ странъ,
Сливаясь съ матеріей міра...

---

* * *

Быстро время пролетаетъ,
Стынетъ, стынетъ кровь,
Красота ужъ не прельщаетъ,
Не нужна любовь.

ПѢСНЯ СМЕРТИ.

Отъ сна непробуднаго, сердца толчкомъ
Разбуженъ среди полуночи,
Проснулся я. Кто-то во мракѣ ночномъ
Глядѣлъ неотступно мнѣ въ очи.
Глядѣлъ, и такъ властно, чуть слышно, шепталъ:
«Пойдемъ со мной, путникъ усталый,
«Довольно ты жилъ и довольно страдалъ,
«Иль муки тебѣ еще мало?
«Пойдемъ же со мною! Я цѣль бытія,
«Стремленіе цѣлаго міра;
«Дыханьемъ моимъ за столомъ у тебя
«Погашены свѣточи пира.
«Не бойся меня. Въ тихомъ царствѣ моемъ
«Нѣтъ зависти, злобы, желанья;
«Рукой моей властной на ликѣ твоемъ
«Сотру я морщины страданья;
«Сложу твои руки труда на покой,
«Прикрою усталыя вѣжды,
«И въ сердцѣ твоемъ погашу я пустой,
«Обманчивый призракъ надежды.
«И будешь ты тѣломъ—спокойнымъ спать сномъ,
«Сложивъ на груди свои руки,
«А духомъ—носиться въ томъ мірѣ иномъ,
«Гдѣ нѣтъ воздыханья и муки».

---

* *
*

Мать говорила, умирая:
«Тебя не будутъ такъ любить,
«Душой боля... душой страдая...
«Ты одинокимъ будешь жить».
Года идутъ... душой мятежной
Покоя я не нахожу,
И бремя жизни неизбѣжной
На плечахъ нехотя держу.
На мигъ одинъ я вижу счастье,
Когда сижу у милыхъ ногъ,
И снова тьма, души ненастье,
И снова страшно одинокъ.
Одинъ, во власти ночи темной,
Съ моей томительной тоской.
Видѣній рой, толпой огромной,
Царитъ всевластно надъ душой.
Напрасно буду звать я друга,
Отзучья нѣтъ—я все одинъ,
Какъ одинока въ мірѣ вьюга,
Среди роскошнѣйшихъ долинъ.

---

* *
*

Надо мною не пойте вы стихъ погребальный,
Не курите волной ѳиміамъ,
И, склонясь подъ шопотъ молитвы прощальной,
Не давайте вы воли слезамъ.
Нѣтъ! Послѣднимъ лобзаньемъ меня лобызая,
Поемотрите, какъ свѣтелъ мой ликъ,
Будто бренный вашъ міръ навсегда оставляя,
Міра новаго смыслъ я постигъ.
Гдѣ же жизнь и гдѣ смерть? Неужели жъ страданья,
Злобу, зависть, мученья любви,
Жажду вѣчныхъ стремленій, тщету ожиданья,
Называете жизнію вы?
Такъ не пойте-же мнѣ вы молитвъ погребальныхъ:
Я не умеръ, я въ мірѣ иномъ,
Гдѣ нѣтъ муки душевной, нѣтъ стоновъ печальныхъ,
Гдѣ минувшее кажется сномъ.

* *
*

Жить осталося мало,
Сведены ужъ счеты;
Жить начать сначала—
Право нѣтъ охоты.
Нѣтъ ужъ больше вѣры,
Въ сердцѣ нѣтъ надежды,
И любви безъ мѣры
Къ людямъ нѣтъ, какъ прежде.
Черствою рукою
Люди все разбили,
Мертвъ ужъ я душою
И кругомъ могилы...

---

* *
*

Неужели нѣтъ жизни, нѣтъ жизни на вѣкъ?
Неужели за смертной чертою
Исчезаетъ безслѣдно совсѣмъ человѣкъ,
Вмѣстѣ съ тѣломъ и съ вѣчной душою?

ЭПИТАФІЯ СЕБѢ.

Господь! дай жизнь, дай жизнь мнѣ снова,
Какая бъ ни была она!
Пусть жизнь страданьемъ будетъ новымъ,
Но будетъ жизнь, не дрёма сна.

II.

ПѢСНИ ГРЁЗЪ.

Раннею весною
Грезы мнѣ приснились;
Въ пѣсни какъ сложились,
Позабыто мною...

* *
*

Бываютъ минуты, что звуки тѣснятся,
Толпою стоятъ предо мной,
И звонкой волною въ аккорды ложатся,
Идутъ и идутъ чередой...
Слагаются въ звукахъ картины живыя,
Знакомыя лица встаютъ,
Несутся и плачутъ молитвы святыя
И пѣсенъ мотивы поютъ.
Какъ вихорь, летитъ незамѣтное время,
За грёзою мыслью слѣжу,
И тяжкихъ невзгодъ непосильное бремя
Неслышно на плечахъ держу.

Зато, когда въ душу не просятся звуки,
Когда замолкаютъ они...
Такъ пусто кругомъ, опускаются руки,
И жизнь—лишь страданья одни.
И тянется время заржавленной цѣпью,
Едва подвигаясь впередъ...
Идешь будто вѣкъ безотрадною степью,
Минута измучитъ, какъ годъ...
И жаждешь услышать замолкшіе звуки,
Какъ жаждешь въ пустынѣ воды;
И ждешь... и томишься... и страшны такъ муки
Тяжелой душевной страды.

МЕТАЛЛЫ.

Разныхъ металловъ и свойства различныя:
Золото, мѣдь и свинецъ
Плавятся просто и въ формы обычныя
Льются, и дѣлу конецъ.
Ложкой ли чайной, тіарой ли славною,
Или брелокомъ пустымъ,
Всѣмъ отольются съ поспѣшностью равною:
Форма нужна только имъ.
Но есть желѣзо. Ему, не какъ золоту,
Мало въ горну побывать,
Вѣдь еще много работы съ нимъ молоту,
Чтобъ его въ форму сковать;
И чѣмъ ненужнѣй ему назначеніе
Формой желаютъ придать,
Тѣмъ его дольше, съ трудомъ и терпѣніемъ,
Молотомъ будутъ ковать.

Разныхъ людей тоже свойства различныя,
Есть, что изъ школы сейчасъ,
Выльются въ формы и грани практичныя,
Въ нихъ и застынутъ какъ-разъ.
Но есть такіе, что въ формы обычныя
Школѣ не втиснуть никакъ;
Только порядкомъ судьбою избитые
Въ грани ложатся кой-какъ.
И чѣмъ безличнѣй потомъ назначеніе
Жизнь имъ желаетъ придать,
Тѣмъ имъ придется, съ тяжелымъ мученіемъ,
Больше ударовъ принять.

У ЦѢЛИ.

Изъ прежней жизни
дней мятежныхъ,
Прошедшихъ тѣнью сна...
мечтой,
Два моря помню я
безбрежныхъ
Съ ихъ дикой, чудной
красотой.

Одно—то было море степи,
Нѣмое, съ маревомъ, съ пескомъ,
Съ контуромъ дальнимъ снѣжной цѣпи,
Съ горячимъ солнечнымъ лучемъ.
Другое—море голубое,
Съ прибоемъ плещущей волны,
То тихое, то снова злое
Въ лучахъ серебряныхъ луны...
На фонѣ ихъ, какъ бы живыя,
Картины старыя встаютъ,
И яркой краскою, больныя,
Собой мнѣ струны въ сердцѣ рвутъ.
Все блещетъ свѣтомъ въ первомъ морѣ:
То утро юности моей,
Когда невѣріе и горе
Не отравляли моихъ дней.

То было время идеала,
Миража мысли молодой;
Они сіяли, не скрывала
Ихъ тѣнь богини золотой.
Пусть свѣтъ ихъ былъ недосягаемъ,
Пусть онъ былъ призракъ, миѳъ, мечта,
Но онъ былъ дорогъ и желаемъ,
Залогомъ счастья былъ тогда.
И вѣря въ святость идеала,
Я шелъ къ нему, его искалъ,
Душа остуды съ нимъ не знала,
Онъ впереди былъ, онъ все звалъ.
И все въ немъ было: жажда знаній,
На подвигъ смѣлое стремленье,
Идеи чистыя желаній,
И беззавѣтность увлеченья.

Но берегъ вотъ другого моря,
Другія тѣни, свѣтъ другой:
Съ багрянымъ солнцемъ тщетно споря,
Миражъ разсѣялся степной.
Свѣтъ идеала молодого
Жизнь скрыла завѣсой своей:
Рукой кумира золотого.
Погашенъ свѣточъ прежнихъ дней:
Осколки чувствъ, любви надежды,
Лежатъ разбиты и темны,
Нѣтъ чистымъ радостей, какъ прежде,
Реально все, исчезли сны.
И счастья нѣтъ, хоть всѣмъ для счастья
Владѣю я теперь вполнѣ:
Любви, и золота, и власти
Дано все полной чашей мнѣ.
Несчастливъ я, что я у цѣли,
Что больше некуда итти,

Какъ прежде тамъ, когда блестѣли
Вдали надежды на пути.
Несчастливъ тѣмъ, что я рукою
Держу мой новый идеалъ,
Что тѣсенъ кругъ передо мною,
Что цѣль свою я обогналъ.

И я бѣгу на волю къ морю,
Подъ сводъ небесный, голубой,
И тамъ даю свободу горю,
Ищу въ пространствѣ свѣточъ мой.
И чудно море въ дремѣ жаркой,
Окрестность нѣгою полна,
Кругомъ свѣтло, дорогой яркой,
Вдоль по волнамъ скользитъ луна.
Но идеала нѣтъ надъ моремъ:
Онъ затерялся въ вышинѣ,
Онъ утонулъ, съ пучиной споря,
Онъ между звѣздъ или на днѣ.

СЪ СѢВЕРА.

Разскажите скорѣй мнѣ: о чемъ говорятъ,
Нѣжно бьются ли волны прибоя,
И надъ моремъ уснувшимъ, какъ звѣзды горятъ,
Навѣваютъ ли мысли покоя?

Разскажите скорѣй мнѣ: какъ яркимъ лучомъ
Свѣтъ луны пробѣгаетъ вдоль моря,
И мелькаетъ ли парусъ далекій на немъ,
Бѣлизной своей съ сумракомъ споря?

ТИМУРЪ

(Степная легенда).

ПРОЛОГЪ.

Горячее солнце прямыми лучами
Глядитъ на сыпучій песокъ,
На сѣрую степь съ небольшими холмами,
На яркій степной ручеекъ.
Вдали на пригоркѣ стоитъ одиноко,
Какъ будто гигантскій шишакъ,
Свой куполъ арабскій поднявши высоко,
Гробница—пустыни маякъ.
Въ тѣни ея свода султанша младая
Спитъ тихо съ невѣдомыхъ лѣтъ,
И дальній кочевникъ, стада прогоняя,
Приноситъ дары Алиметъ.
Отъ двери гробницы, заросши кустами,
Долина на сѣверъ лежитъ,
Покрыта она странной формы буграми,
Ручей съ ея края бѣжитъ.
Не волей природы, рукой человѣка
Бугры тѣ рядами идутъ,
Тутъ городъ большой былъ забытаго вѣка,
Теперь здѣсь и скотъ не пасутъ.

Но улицъ старинныхъ видны сочетанья,
Дома хоть закрыты пескомъ,
Дворцовъ и мечетей ясны очертанья
Подъ сѣрымъ колючимъ кустомъ.
Большіе арыки мѣста окружаютъ,
Гдѣ были сады и поля,
И мелкой ложбиною въ даль убѣгаютъ,
Туда—гдѣ течетъ Сыръ-Дарья.
То «городъ змѣиный». Его избѣгая,
Киргизы давно такъ зовутъ,
Тамъ змѣи, кочевника ядомъ пугая,
Нашли себѣ вѣрный пріютъ.

А были здѣсь люди.
Мечети святыя
Плѣняли узоромъ камней
И ихъ минареты, какъ стрѣлы большія,
Дивили красою своей.
Тѣснилась толпа на обширныхъ базарахъ,
Болтала, творила намазъ;
Таинственно женщины въ чадрахъ, въ шальварахъ,
Скользили, закрывшись до глазъ.
На улицахъ тѣнь отъ деревьевъ лежала,
Вездѣ было вдоволь воды,
Ручьями она по арыкамъ бѣжала,
Дворы орошая, сады...
Средь тополей стройныхъ, чинаръ и яворовъ
Ютились красиво дома,
Закутавшись въ зелень стыдливо отъ взоровъ,
Какъ въ чадру хозяйка сама.
Встрѣчались межъ улицъ посѣвы и пашни,
Шли грозныя стѣны кругомъ,
Надъ рвами стояли съ бойницами башни,
Сжимая весь городъ кольцомъ.

А въ центрѣ виднѣлся съ большими зубцами
Дворецъ среди пышныхъ садовъ,
Пестрѣя лазури различной цвѣтами,
Блестя серебромъ куполовъ.

I.

Давно это было.....
Отсюда далеко
На югъ, ближе къ снѣжнымъ горамъ,
Сидѣла однажды Керимъ одиноко,
Предавшись печальнымъ мечтамъ.
Грустила султанша; на шеѣ монеты
Рукою тихонько вертя,
Роптала, что Богъ не пріемлетъ обѣты:
Не шлетъ ей отраду—дитя.
Кругомъ вечерѣло; съ лазурнаго свода
За пологъ краснѣющихъ тучъ
Спускалося солнце и въ завѣсу входа,
Въ кибитку забросило лучъ.
И въ этотъ же мигъ, какъ мечта въ сновидѣньи,
Сіяя небеснымъ огнемъ,
Явился ей юноша чуднымъ видѣньемъ,
Окрашенъ вечернимъ лучомъ.

«Великій Аллахъ и Пророкъ его властный
«Мольбамъ вняли жаркимъ твоимъ:
«Ты матерью будешь; ребенокъ прекрасный
«Родится», сказалъ онъ Керимъ.
«Но то будетъ дѣвочка; доля большая
«Отдѣлитъ ее отъ людей:
«Когда она вырастетъ, мужа не зная,
«Зачнетъ, и отъ солнца лучей
«Родитъ она сына. Тимура названье

«Не даромъ ему дастъ народъ:
«Исполнитъ онъ въ мірѣ желѣза призванье,
«Прославивъ Исламъ и свой родъ.
«Онъ будетъ обширной страны повелитель,
«Войдетъ онъ небеснымъ бичомъ
«Въ далекія страны, какъ грозный воитель,
«Карая невѣрнымъ мечомъ.
«Чрезъ сѣти колодцевъ, въ горахъ по долинамъ,
«Онъ волей единой своей,
«Межъ новыхъ большихъ городовъ, по пустынямъ,
«Проложитъ рядъ торныхъ путей.
«Онъ будетъ великъ, онъ грозой будетъ вѣка;
«Потомокъ отца своего,
«Онъ взглядомъ однимъ будетъ жечь человѣка,
«Губить будетъ слово его.
«Но мать сына Солнца увидѣть не можетъ,
«И въ мигъ, какъ родиться ему,
«Твоя дочь, Керимъ, среди мукъ изнеможетъ:
«Посланію вѣрь моему».
Сказалъ и исчезнулъ... А лучъ, умирая,
Султаншу за станъ обнималъ,
И будто бы старецъ, подъ лаской стихая,
Глаза ея тихо лобзалъ.

II.

Темнѣло все больше и ночь торопилась,
Совсѣмъ ужъ потухла заря...
«Аллахъ всемогущій», султанша молилась,
«Не надо мнѣ внука—царя.
«Великій Пророкъ! Я грѣшна предъ тобою,
«Я знаю, что вѣры святой
«Далеко онъ сѣмя посѣетъ войною,
«Исламъ прославляя собой.
«Я вѣрю тебѣ, что онъ грады построитъ

«Что голую степь оживитъ,
«Что храмы святые, колодцы устроитъ,
«Что имя его прогремитъ...
«Но пусть онъ не будетъ мнѣ внукомъ.
«Такъ страстно,
«Средь тихихъ и звѣздныхъ ночей,
«Средь бурь, урагановъ, когда небо страшно,
«Средь ясныхъ и солнечныхъ дней
«Ждала я и слушала: нѣтъ ли біенья
«Другого подъ сердцемъ моимъ;
«Несла я такъ долго безплодья мученья,
«Позоръ предъ народомъ своимъ...
«Что милость твоя для меня всеобильна,
«Что благъ она болѣе всѣхъ...
«Но эту награду нести я безсильна,
«И ропотъ великій хоть грѣхъ,
«Но буду я мать, и мученье ужасно
«Родить лишь за тѣмъ, чтобы ждать,
«Какъ дочь моя милая, думать мнѣ страшно,
«Въ страданьяхъ должна умирать.
«Всесильный Аллахъ, примѣни свою волю
«Не къ намъ, а къ семействамъ другимъ;
«Оставь моей дочери тихую долю
«И жизнь подъ шатромъ кочевымъ».
Такъ долго молилась Керимъ со слезами,
На небо взирая съ тоской,
Но сводъ его темный съ большими звѣздами
Былъ холоденъ къ скорби людской.

III.

Промчалися годы обычной чредою:
Минуло четырнадцать лѣтъ,
Дитя страны юга, совсѣмъ ужъ большою
Была дочь Керимъ—Алиметъ.

Далеко отъ матери, въ городѣ душномъ,
Янъ-Кентомъ онъ звался тогда,
Росла Алиметъ во дворцѣ своемъ грустномъ,
Не видѣвши дня никогда.
Задолго еще до рожденія дочки,
Лай-Ханъ, мужъ султанши, рѣшилъ,
Что нѣту спасенья среди ихъ кочевки
Отъ страсти небесныхъ свѣтилъ.
И вотъ, помоливши усердно съ муллою,
И мздою его одаривъ,
Совѣтъ Лай-Ханъ принялъ, чтобы дочь свою тьмою
Спасти, во дворцѣ поселивъ.
Дворецъ тотъ быть долженъ безъ свѣта дневного,
Чтобъ лучъ даже мелькомъ не могъ
Пробраться во внутрь и ребенка родного
Убить, какъ рѣшилъ страшный рокъ.
Тамъ дочь пусть родится и жить поселится,
Пока отъ молитвъ и даровъ
Пророка всесильнаго ухо склонится
На просьбу презрѣнныхъ рабовъ.
И поднялъ Лай-Ханъ свое племя большое,
Аулы его и стада,
И шелъ онъ на сѣверъ чрезъ море степное
Къ Джанъ-Кенту, гдѣ ханомъ тогда
Его былъ союзникъ по смѣлымъ налетамъ
На земли враговъ съ дальнихъ лѣтъ;
Ему онъ довѣрилъ и отдалъ заботамъ
Семьи его жизнь Алиметъ.

IV.

И выросъ въ садахъ, подлѣ рѣчки струистой,
Дворецъ, рядомъ съ старымъ, другой;
Стоялъ онъ въ глуши, въ самой чащѣ тѣнистой,
Какъ будто совсѣмъ не жилой.

Средь зелени темныхъ деревьевъ бѣлѣли,
Какъ кружево, арки стрѣлой;
Колонны витыя, держа капители,
Лѣпились воздушной семьей.
Надъ зданіемъ ярко глава—тюбитейка
Сіяла своимъ серебромъ;
Изъ буквъ мавританскихъ была ея шейка
Обвита плетенымъ кольцомъ.
Два льва мозаичныхъ надъ входомъ держали
Огромное солнце въ зубахъ,
Какъ будто-бы неба свѣтило пугали,
Мученіемъ въ этихъ стѣнахъ.

Дворецъ былъ безъ оконъ; большіе каналы
Несли ему воздухъ садовъ;
Плѣняя отдѣлкой роскошною, залы
Тонули средь мягкихъ ковровъ.
Вездѣ съ ароматной мастикой горѣли
Свѣтильники яркихъ огней,
Дрожали въ фонтанахъ, на стѣнахъ блестѣли
Въ гирляндахъ бирюзъ, янтарей.
По заламъ аркады, подковой сгибаясь,
Шли, сказочнымъ лѣсомъ тѣснясь,
Горя позолотой, въ узоры свиваясь,
Причудливо вверхъ уносясь.
Воздушные своды казалися слиты
Изъ чудныхъ кристальныхъ камней;
Въ паденьи своемъ будто ихъ сталактиты
Застыли, увидѣвъ людей.

Прекрасенъ дворецъ былъ, слылъ чудомъ вселенной;
Едва ли въ раю Магометъ
Дастъ праведнымъ лучше,—въ немъ гуріей плѣнной
Хозяйка была—Алиметъ.

Не слишкомъ высокая, стройная станомъ,
Съ роскошною черной косой,
Съ глазами какъ угли, какъ глубь океана,
Была она серной степной.
Въ лицѣ отражая свой міръ идеальный
И южную страстность въ чертахъ,
Носила она всегда обликъ печальный
И думу на сжатыхъ устахъ.
Къ глубокому взгляду младой одалиски,
Къ оливковой блѣдности щекъ
Шло дивно ей платье богатой киргизки,
Съ финифтью браслетъ и серегъ.
Цвѣтныя шальвары изъ ткани восточной,
Рубашка съ шитьемъ золотымъ,
Бешметъ изъ парчи, и покровъ непорочный—
Фата съ жемчугомъ дорогимъ.
Сапожки съ подковками, кольца, поднизки
И нити монистъ безъ конца,
Таковъ былъ нарядъ этой юной киргизки,
Скучавшей въ покояхъ дворца.

V.

Съ тѣхъ поръ, какъ волненіе крови кипучей
Эѳирною грезой во снахъ,
Предъ ней проносило картиной летучей
Міръ новый въ неясныхъ чертахъ;
И рой безтѣлесныхъ дѣвичьихъ видѣній
Смущать сталъ ей тихій покой,
Никто у нея, даже въ мигъ сновидѣній,
Не видѣлъ улыбки простой.
Постыли подругъ ея игры и пляски,
Услуги рабынь ей скучны,
Не нравятся нянины лучшія сказки,
Веселыя пѣсни странны.

Она ужъ со смѣхомъ по заламъ не скачетъ
На бѣломъ арабскомъ конѣ,
О смерти любимой овечки не плачетъ...
Все ходитъ, какъ будто во снѣ.
И каждый разъ съ матерью снова встрѣчаясь
(Лай-Ханъ на кочевку всегда,
Изъ горъ на равнину къ зимѣ опускаясь,
Являлся съ женою сюда),
Она все сильнѣй свою мать умоляла
Съ собою ее увезти,
И каждый разъ съ большимъ страданьемъ рыдала,
Прощаясь, у ней на груди.

Она тосковала, хоть міръ не видала,
Природы не знала красотъ,
И, точно слѣпая, себѣ представляла
Свѣтила небесныхъ высотъ.
Изъ пѣсенъ, что пѣла пѣстунья киргизка,
Изъ тихихъ товарокъ рѣчей,
Въ умѣ ея чуткомъ понятія близко
Слагались о шири степей.
Фантазіей пылкой она рисовала
Всю землю огромнымъ дворцомъ,
И, слыша о небѣ, его замѣняла
Лазурнымъ атласнымъ шатромъ.
Не чудны казались ей звѣзды съ луною:
Свѣтильники были они;
Видала ихъ много всегда предъ собою;
Простые съ мастикой огни!
Высокія горы, озера, поляны
Ей не были дивны совсѣмъ:
Въ гаремѣ есть также лужайки, фонтаны,
Кіоски вверху надо всѣмъ!
Ковры изъ цвѣтовъ и деревьевъ лѣсъ темный

Красой не манили своей:
Рабыни ей въ залахъ не разъ садъ огромный
Садили изъ длинныхъ вѣтвей!

Но солнце великое ей не являлось
Въ мечтахъ только яркимъ огнемъ,
Ей чѣмъ то съ душою оно представлялось,
Какимъ-то всесильнымъ царемъ!
Плѣнялъ этотъ царь ее мощью духовной:
Онъ былъ даже хановъ сильнѣй;
Ей онъ запретилъ своей властью верховной
Жить вмѣстѣ съ семьею своей.
И волю его нарушать не дерзали
Ни мать, ни отецъ Алиметъ
И, плача хотя, но всегда оставляли
Одну ее сколько ужъ лѣтъ.
Кругомъ говорили, что «солнце прекрасно»,
Но съ тайной, какъ вѣчно во всемъ,
Пугали ее его злобой ужасной
И гнѣвнымъ стращали лицомъ.
Онъ—геній таинственный! миѳъ непонятный!
Владыка живого всего;
Злой духъ для нея; для другихъ благодатный...
Ей видѣть хотѣлось его!

VI.

Велите весною не трескаться почкѣ,
Когда она сокомъ полна;
Скажите тычинкѣ, что къ чашкѣ въ цвѣточкѣ
Склоняться она не должна!
Устройте—червякъ чтобъ не могъ изъ кокона
На свѣтъ выходить мотылькомъ,

И съ пестрою бабочкой, въ силу закона,
Не смѣлъ бы играть надъ цвѣткомъ!
Велите—чтобъ кровь молодыхъ не кипѣла,
Не стыла на склонѣ годовъ;
Скажите, чтобъ сердце любить бы не смѣло,
Не рвало запретныхъ оковъ!...

...Не зная сама, Алиметъ ужъ любила;
По «немъ» тосковала она,
О «немъ» лишь мечтала, о «немъ» говорила,
Была ея жизнь «имъ» полна.
Она полюбила того, чьимъ пугали
Ее съ малолѣтства лицомъ;
«Его» полюбила, хотя запрещали
Ей даже и думать о «немъ».

Онъ къ ней приходилъ подъ крыломъ сновидѣнья,
Жегъ огненнымъ блескомъ лучей;
Палилъ ея сердце летучимъ видѣньемъ,
Ласкалъ ее звукомъ рѣчей.
Онъ ей говорилъ:
«Подъ лазурнымъ наметомъ
«Въ чертогѣ роскошномъ моемъ,
«Гдѣ звѣзды сіяютъ несмѣтныя счетомъ,
«Гдѣ мѣсяцъ играетъ лучомъ...
«Гдѣ зори пурпурныя спорятъ съ туманомъ...
«Живетъ все однимъ только мной;
«Я царь каждой мошки, какъ царь и надъ ханомъ,
«Я царь надъ землей и водой.
«Я брошу лишь взоръ,—и кругомъ все проснется
«Средь залъ моихъ дивной красы,
«Съ видѣньями мрачными мракъ унесется,

«И слезы исчезнутъ росы.
«Взгляну—и луга запестрѣютъ цвѣтами,
«Лить будутъ кругомъ ароматъ;
«Деревья зашепчутъ привѣтно листами,
«Плодами покроется садъ.
«Я кину улыбку,—польются рулады,
«Звукъ пѣсенъ безчисленныхъ птицъ,
«Имъ снизу отвѣтитъ на разные лады
«Хоръ мелкихъ пѣвцовъ и пѣвицъ!
«Я щедръ ко всему моей царскою волей,
«Я жизнь даю каждымъ лучомъ,
«Я радость и счастье лью равною долей
«На всѣхъ подъ лазурнымъ шатромъ.
«Растетъ мною дубъ, и былинка простая,
«Мной дышатъ овца и верблюдъ,
«Блеститъ мной ночникъ и звѣзда золотая,
«Мной рыбы, мной птицы живутъ!
«Пугали тебя моей злобой напрасно,
«Стращали напрасно лицомъ,
«Я также привѣтливъ и къ дѣвѣ прекрасной,
«Какъ добръ и съ сѣдымъ старикомъ.
«Приди же ко мнѣ подъ мой пологъ нетлѣнный,
«Одной тебя только тамъ нѣтъ;
«Не бойся меня, хоть и царь я вселенной,
«Приди же, моя Алиметъ!»

...И съ душнаго ложа на голосъ видѣнья,
Волною закрыта волосъ,
Встаетъ она тихо, полна треволненья,
Полна фантастическихъ грезъ...
Прислужницъ гаремныхъ неслышно минула,
Боясь разбудить ихъ отъ сна;
Но спятъ онѣ крѣпко, и няня уснула,
Кругомъ во дворцѣ тишина.

Не слышно скользитъ по палатамъ узорнымъ
Въ сорочкѣ прозрачной своей,
И, тѣнью мелькнувши по заламъ просторнымъ,
Стоитъ у наружныхъ дверей.
Не громко скрипя, поддаются затворы
Подъ нѣжной рукой Алиметъ,
Минута еще... распахнулися створы,
И ночь ей послала привѣтъ.

VII.

...Сіяла луна фосфорическимъ свѣтомъ,
Рой звѣздъ усыпалъ сводъ небесъ;
Весь садъ изумруднымъ окрашенъ былъ цвѣтомъ;
Клалъ тѣни вѣтвистый навѣсъ.
Средь розовыхъ кущъ неподвижно лежали
Бассейны съ сапфирной водой;
Не били фонтаны, вдали исчезали
Веранды съ душистой лозой.
Не двигались листья и робкимъ движеньемъ
Не гнали молчанія прочь,
Какъ будто бы тайнымъ томясь вожделѣньемъ,
Задумалась южная ночь...

Предъ міра красой Алиметъ въ обаяньи
Стояла статуей нѣмой,
А міръ отражался въ живомъ изваяньи
Всей чудной своей красотой.
Вотъ кровь подступила ей къ сердцу волною,
Глубоко вздохнула она,
И вдоль по аллеѣ неслышной стопою
Пошла, созерцанья полна.
Чрезъ кущу деревьевъ лучи проникали,
Скользили, какъ блестки, по ней,

Какъ змѣйки за ней по аллеѣ бѣжали,
Играли въ просвѣтахъ вѣтвей.
Серебряныхъ тополей зелень мѣшалась
Съ окраскою темной листвы,
И въ воздухѣ пряной струей поднималась
Къ ней одурь цвѣтовъ и травы.
Дышать было нечѣмъ въ волнѣ ароматной.
Горѣла какъ пламенемъ грудь,
Болѣло все тѣло истомой пріятной,
Прохладу искало вдохнуть...
Подъ тихимъ покровомъ блѣднѣющей ночи
Бассейны такъ манятъ собой,
И вотъ Алиметъ, опустивши внизъ очи,
Богиней стоитъ надъ водой.

Походкою медленной къ влагѣ студеной
По каменнымъ плитамъ сошла,
И внутрь засмотрѣлась гирлянды зеленой,
Гдѣ неба картина легла...

А ночь все бѣлѣла...
Завѣсы восточной
Окраина стала яснѣй,
Звѣзда за звѣздой отъ страны полуночной
Все меркли быстрѣй и быстрѣй...
Заря занималась. Зарницей далекой
Горѣли слои темныхъ тучъ;
И вдругъ, разорвавъ ихъ, изъ бездны глубокой
По небу блеснулъ яркій лучъ;
Пронзилъ Алиметъ, какъ каленой стрѣлою,
Туманомъ глаза ей закрылъ,
Изъ груди крикъ вырвалъ, залилъ всю собою...
И въ кущу цвѣтовъ уронилъ...
. . . . . .

Деревья склонялись надъ нею вѣтвями,
Шептались зеленой листвой,
Тихонько качали вверху головами;
Журчалъ вѣтерокъ надъ водой,
Проснулися птицы, и грумко звучала
Ихъ пѣснь животворнымъ лучамъ:
Природа съ улыбкою солнце встрѣчала,
Свой гимнъ вознося къ небесамъ.
Лежала одна Алиметъ безъ движенья,
Въ сіяньи своей красоты,
Не видя, какъ Царь, среди гимновъ и пѣнья,
Жегъ взглядомъ ее съ высоты...
. . . . . .

Свершились Святого Аллаха велѣнья;
Молитвамъ не внялъ Магометъ:
Зимой умерла среди ада мученья,
Тимура родивъ, Алиметъ.

VIII.

Въ далекой кочевкѣ на горной долинѣ,
Не вѣдалъ Лай-Ханъ ничего;
До смерти киргизки въ Джанкентской равнинѣ
Хотѣли все скрыть отъ него.
И даже ребенка, боясь предсказаній,
Коварный владыка рѣшилъ,
Какъ только родится, не ждавъ приказаній,
Секретно, чтобъ рабъ задушилъ.
Велѣлъ рокъ иначе: вдохнулъ сожалѣнье
Онъ въ сердце безвольныхъ рабовъ,
И выросъ Тимуръ—въ отдаленномъ селеньи
Безвѣстный въ семьѣ пастуховъ.

Нѣтъ звуковъ, нѣтъ словъ чтобъ размѣры бы горя
Султанши Керимъ передать:
Нашъ бѣденъ языкъ и душевнаго моря
Не въ силахъ онъ бурь рисовать,
Одной только музыкой можемъ мы ясно
Съ душой о душѣ говорить;
Но рѣдокъ даръ чудный; и мыслить напрасно,
Чтобъ ею языкъ замѣнить.
Напрасно гордимся мы такъ предъ звѣрями
Раздѣльною рѣчью своей;
Собака о горѣ, не фразой съ словами,
А воемъ разскажетъ полнѣй.

Придя на равнину ужъ поздно зимою,
Лай-Ханъ былъ на старости лѣтъ
Тяжелою скорбью убитъ какъ стрѣлою,
Узнавши про смерть Алиметъ.
Однако оплакавши дочь свою вволю
И пиръ учинивъ въ ея честь,
Онъ руку Аллаха призналъ въ ея долѣ,
Забывши про кровную месть.
Но вѣсть получивъ о погибели внука,
(Рабъ правду открыть не посмѣлъ)
Лай-Ханъ поклялся, что Джанкентскій владыка
Получитъ достойный удѣлъ.
За внука союзнику кровь не спуская,
Старикъ къ нему злобу питалъ,
Хоть мирно простился, къ себѣ уѣзжая,
Какъ будто о внукѣ не зналъ.

Собралъ на кочевкѣ онъ біевъ великихъ,
Сказалъ имъ обиду свою,
И двинулись тучи наѣздниковъ дикихъ,
Чтобъ мстить за Лай-хана семью.

Стеревши со степи, горячей волною,
Стада, караваны, людей,
Джанъ-Кентъ обложили живою стѣною
Кочевники массой своей.

Предмѣстья легли среди крови потоковъ,
Исчезли подъ пепломъ костровъ,
Запрудою воды изъ главныхъ потоковъ
Повернуты въ степь отъ валовъ.
Ждалъ приступа городъ; но ханъ не корился,
Онъ зналъ, что не будетъ шутить
Его старый другъ, когда съ войскомъ явился
За внука, за родъ свой отмстить.
Завалены были всѣ входы землею,
Не спалъ на стѣнахъ караулъ;
Боясь нападенья, ночною порою
Огнемъ жгли во рвахъ саксаулъ.
И ярко зубчатыя стѣны смотрѣли
Изъ тьмы на кочевниковъ станъ,
На страхъ непріятелю громко звенѣли
Размѣрно—удары въ тимпанъ.
Мѣшаяся съ ними, неслись пѣснопѣнья
Во мракѣ, какъ съ неба звуча:
То звали муллы свой народъ на моленья
Пророку за крѣпость меча.

Но ночью дремали спокойно номады
На кошмахъ, при свѣтѣ костровъ,
И днемъ только слали подъ стѣны отряды,
Толпы изъ лихихъ удальцовъ.
Манили войска изъ ограды на поле,
Дразнили на стѣнахъ бойцовъ,
Помѣриться силою звали на волѣ
По правиламъ старыхъ боевъ.

Въ халатѣ расшитомъ, съ высокою пикой,
Блестя золотымъ чепракомъ,
Въ кольчугѣ и шлемѣ, съ отвагою дикой,
Играя степнымъ скакуномъ,
Впередъ выдѣлялся подъ самыя стѣны
Испытанный батырь—киргизъ;
Маячилъ, вертѣлся, пускалъ ловко стрѣлы,
Сойти звалъ защитниковъ внизъ...

Такъ шли дни за днями. Джанкентцы держались
Упорно въ стѣнахъ городскихъ,
Хоть ѣли ужъ плохо; хотя истощались
Все больше колодцы у нихъ.
Но вотъ, утомившись въ напрасной осадѣ,
Рѣшился на приступъ Лай-ханъ,
И двинулись ближе киргизцы къ оградѣ,
Оставивши сзади свой станъ.

Кольцо все сжималось. Какъ темныя тучи,
Отвсюду номады идутъ,
Какъ будто потоки сорвалися съ кручи
И съ воемъ въ долину текутъ.
У рвовъ собралися несмѣтной толпою,
Ложатся подъ градомъ камней,
Но лѣзутъ и лѣзутъ, все давятъ собою
Подъ массой огромной своей.
По трупамъ товарищей входятъ въ ограду,
Сбиваютъ войска горожанъ,
Лавиною въ улицы льются. Въ награду
Весь городъ имъ отдалъ Лай-ханъ.
Пощады не знаетъ степной побѣдитель:
Онъ колетъ... онъ рубитъ... онъ жжетъ...
Какъ буря несется воинственный мститель,
Пылаютъ дома... кровь течетъ.

БР. СР. И ЗАНЦ.

Страстей безобразныхъ бушуетъ стихія,
Кровавый реветъ ураганъ,
Пируютъ и празднуютъ орды степныя...
По трупамъ въѣзжаетъ Лай-Ханъ.

Давно ужъ растерзанъ Джанкентскій владыка,
Огнемъ давно городъ объятъ,
Но месть не стихаетъ. Аккордами дико
Проклятья на небо летятъ.
А небо такъ мрачно! Пологомъ свинцовымъ
Тяжелыя тучи висятъ;
Минута еще—онѣ словомъ громовымъ
На вопли людей загремятъ...

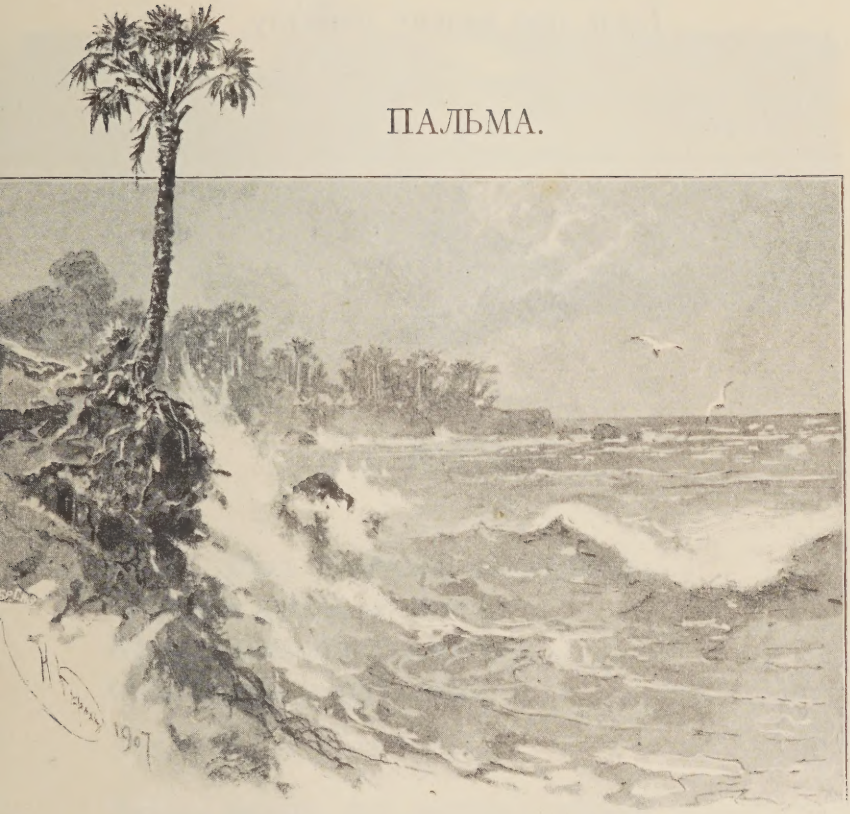
IX.

Одна, во дворцѣ, на террасѣ открытой,
Съ распущенной черной косой,
Пожара окраскою яркой залита,
Султанша стоитъ надъ толпой.
Что ей до внука, до мести, до Хана,
Ей—горемъ убитой своимъ?
Но здѣсь умерла ея дочка такъ рано,
И мѣсто клянетъ то Керимъ:

«О, падайте, рушитесь крыши и зданья...
«Мечети пылайте сильнѣй!
«Давите людей, заглушайте рыданья
«И вѣйтеся пепломъ скорѣй!..
«Пескомъ занесите весь городъ бураны,
«Засохни въ арыкахъ вода;
«Колючкой негодной покройтесь бурханы...
«Съ отравой родися трава!..

«Исчезни отсюда слѣды человѣка,
«Чтобъ родина змѣй здѣсь была..:
«Будь проклято мѣсто отъ вѣка до вѣка,
«Гдѣ смерть Алиметъ унесла!»

ПАЛЬМА.



На скалистомъ побережьѣ
Пальма гордая стоитъ
И съ высокаго прибрежья
Въ воды черныя глядитъ.
И смѣется надъ волнами,
Что внизу къ ея корнямъ,
Валъ за валомъ шлютъ рядами,
Брызги мечутъ къ небесамъ.

Но завоетъ громко вьюга,
Броситъ грозную волну,
Съ корнемъ вырветъ пальму юга
И уронитъ въ глубину...
Стихнетъ буря... тихо волны
Будутъ биться о скалу,
И разскажутъ, грезы полны,
Быль про пальму и волну.

НА ЮГѢ.

Ночь... надъ берегомъ скалистымъ,
Силуэты кущъ, кустовъ,
Вѣетъ запахомъ душистымъ
Отъ акацій и цвѣтовъ

Здѣсь, вверху, все смутно... тѣнью
Каждый кажется контуръ,
Нѣтъ границъ воображенью;
Нѣтъ размѣровъ, нѣтъ фигуръ.

Подъ обрывомъ море грозно
Бьетъ прибойною волной,
И во мракѣ граціозно
Домикъ виденъ надъ скалой.

На его неясномъ фонѣ
Выступаетъ свѣтъ окна,
А вверху, на небосклонѣ,
Твердь сіяніемъ полна.

Вѣтерокъ чуть-чуть вздыхаетъ,
Трель соловушки слышна,
И надъ моремъ выступаетъ
Дискомъ пламеннымъ луна.—

СОМНѢНІЕ.

Чрезъ дебри большія,
Чрезъ чащи густыя,
Преграды ломая упрямо,
Подъ тяжкой нуждою,
Съ надеждой святою,
Онъ къ цѣли шелъ смѣло и прямо.

Терпѣлъ лютый холодъ,
И жажду и голодъ,
Объ камни рвалъ клочьями тѣло,
Но чувствовалъ бодрость
И силу и гордость:
Его цѣль питала и грѣла.

И вотъ по дорогѣ,
Въ рабочей тревогѣ,
Онъ видитъ двухъ путниковъ встрѣчныхъ;
Одинъ былъ здоровый,
Плечистый, суровый,
Другой—старецъ лѣтъ безконечныхъ.

И первый—могучій,
Съ насмѣшкою жгучей,
Сказалъ такъ: «Тебѣ не пробиться:
«Преграды стѣною
«Идутъ предъ тобою,
«Вернися—не стоитъ трудиться».

И ласковымъ тономъ,
Такъ тихо, какъ стономъ,
Старикъ повторилъ, будто эхо,
«Не стоитъ трудиться»...
И дальше—«Пробиться...
«Пробьешься,—да что за утѣха?»...

«И я съ мукой бился,
«И къ цѣли стремился,
«Достигъ ее.... ждалъ-успокоитъ...
«Я долго ей въ очи
«Смотрѣлъ дни и ночи,
«Вернися... Итти къ ней не стоитъ»...

Сказалъ и такъ чинно,
Дорогою длинной,
Пошелъ старецъ поступью мѣрной;
И снова за дѣло,
Ретиво и смѣло,
Принялся работникъ усердный.—

И слыша все слово,
И рѣчь молодого,
Какъ левъ, онъ ломалъ всѣ преграды;
«Съ моимъ ли желаньемъ,
«Энергіей, знаньемъ,
«Не ждать, говорилъ онъ, награды?»

«Снесу всѣ невзгоды
«И лучшіе годы
«Отдамъ на борьбу достиженья;
«Хоть въ рубищѣ бѣдномъ,
«Да съ кликомъ побѣднымъ
«Все-жъ буду у цѣли стремленья».

И дальше съ борьбою,
Подъ тяжкой нуждою,
Онъ шелъ, себѣ путь пролагая;
Терпѣлъ снова голодъ,
И жажду и холодъ,
Всю душу въ работу влагая...

Но все предъ очами,
Тѣснились толпами
Сомнѣнья холоднаго звуки,
И въ душу вползали,
И внизъ опускали,
Подъ думой тяжелою, руки.

И слышались тише,
Вдали... гдѣ-то выше...
Безсильно слова молодого;
Но громче звучала
И дѣлу мѣшала
Сомнѣнья рѣчь старца сѣдого.

До грознаго тона
Изъ тихаго стона
Достигла она въ заключенье...
И руки упали,
Работать не стали;
Въ душѣ было только сомнѣнье...

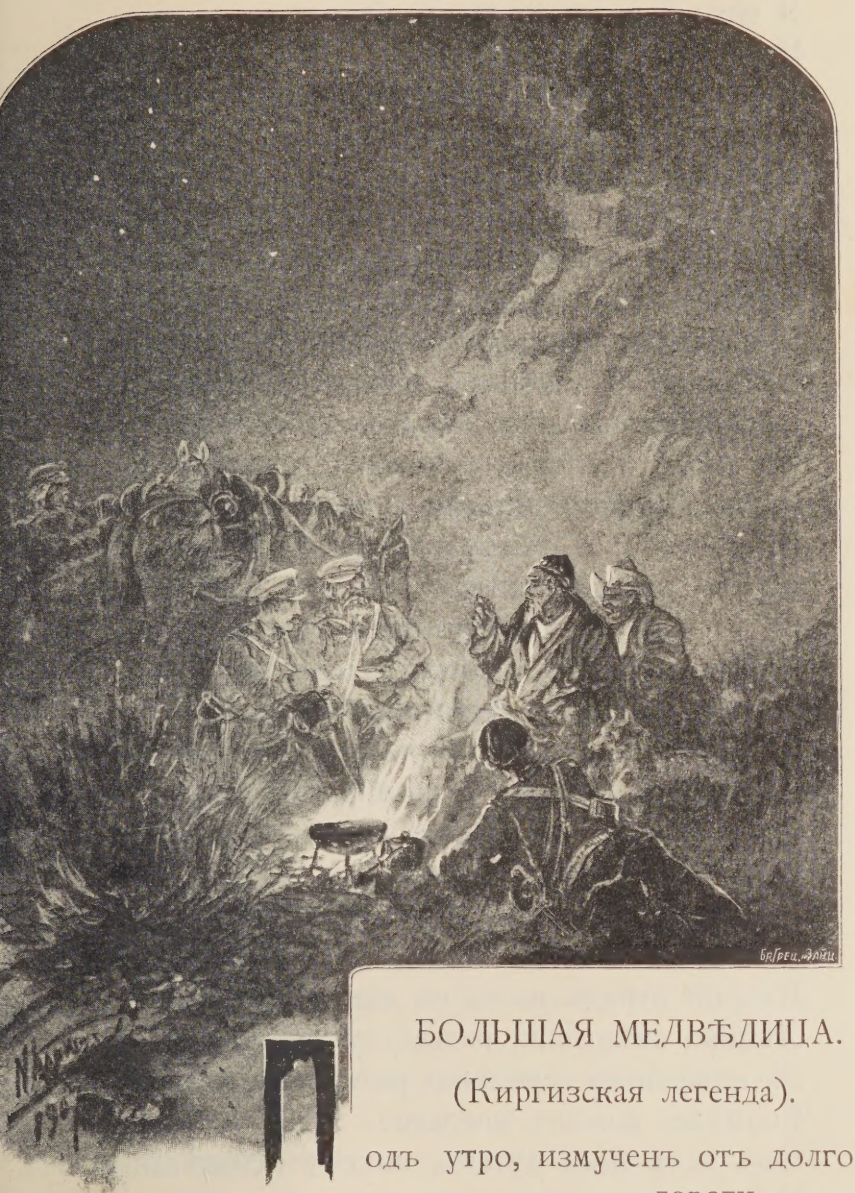
* *
*

Опять на югѣ, тѣ же ночи,
Миріады блещущихъ огней,
Какъ будто пламенныя очи,
Глядятъ изъ мрака на людей.
И снова слышу звукъ прибоя
И ароматъ акацій, розъ,
Въ тиши прохладной послѣ зноя
И послѣ блеска дальнихъ грозъ.
Но въ сердцѣ нѣтъ былыхъ мученій,
Душа покойна и ясна,
И рой тяжелыхъ сновидѣній
Мнѣ не смущаетъ уже сна.
Такъ море грозно, бури вторя,
Кидаетъ пѣну къ небесамъ.
Но вѣтеръ стихъ—и то же море
Чуть катитъ волны къ берегамъ.

ЖѢЛАННОЕ СЧАСТЬЕ.

Ко мнѣ въ мою келью убогую
Ужъ поздней осенней порой,
Покой мной нарушивъ тревогою,
Стучалъ кто-то властной рукой.
«Стукъ, стукъ! Отворяй-же проворнѣе,
«Желанное счастье пришло!
«Дверь настежь, склоняйся покорнѣе:
«Я злато тебѣ принесло.
«Бери его, сколько задумаешь,
„Бери и будь счастливъ со мной.
«Что только умомъ не придумаешь
«Все купишь казной золотой!»

Но дверь въ мою келью убогую
Не отперъ на счастья я зовъ.
«Ступай своей торной дорогою»
Сказалъ я, «не трать со мной словъ;
«Тебя съ покупными соблазнами
«Чуждаюсь я чуткой душой,
«Задавишь горами алмазными,
«Задушишь тяжелой казной.
«Приди ко мнѣ съ долей избранника,
«Ту долю ты мнѣ подари,
«Съ которой счастливы изгнанники,
«Но часто ей чужды цари.
«Дай цѣль мнѣ къ стремленью достойную,
«Дай къ ближнимъ святую любовь,
«Дай совѣсть мнѣ вѣчно спокойную,
«Страстями не жги мою кровь.
«Дай то, что на злато не мѣрено,
«Нельзя что за деньги достать,
«И смѣло, рукою увѣренной,
«Ты въ дверь мою можешь стучать».



БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА.

(Киргизская легенда).

Подъ утро, измученъ отъ долгой дороги,
Ретивый мой конь задремалъ
И, голову свѣсивъ, усталыя ноги
Едва отъ земли поднималъ.

Подъ тактъ его шага, осиленъ дремою,
Подъ властью могучею сна,
Я тихо качался, отдавши рукою
Натянутый поводъ коня.
Кругомъ шла безлюдная степь, будто море,
Безбрежная, съ тощей травой,
Сливаяся съ небомъ въ далекомъ просторѣ
Чуть видной, неясной чертой.
Огромныя звѣзды снопами горѣли,
Блестя словно пламя костровъ,
И млечнымъ путемъ, какъ дорогой, бѣлѣли
Мильярды безвѣстныхъ міровъ.
Кругъ мѣсяца ясный, борясь съ облаками,
Все ниже спускался съ небесъ,
Мѣняя былинки косыми лучами
Въ дремучій и сказочный лѣсъ.
Далеко ползли тѣневые контуры
Въ расплывчатыхъ, странныхъ чертахъ,
И края ужъ степи достигли фигуры:
Гиганты на страшныхъ звѣряхъ.
Отъ ногъ ихъ вставали, чертясь силуэтомъ,
На мелкихъ коняхъ казаки,
И въ темномъ ихъ фонѣ, подъ мѣсячнымъ свѣтомъ,
Играли на пикахъ верхи.

Казачій отрядъ шелъ по степи походомъ,
Лѣниво смѣшавши ряды;
За нимъ шли верблюды размѣреннымъ ходомъ,
Виднѣлся вожакъ впереди.
Онъ велъ насъ путемъ, никому неизвѣстнымъ,
По степи идя цѣликомъ,
Впередъ направляясь по звѣздамъ небеснымъ,
Свѣряяся съ рѣдкимъ холмомъ.
Кругомъ все молчало. Безмолвно мелькали
На сѣдлахъ фигуры людей,

И изрѣдка только верблюды кричали,
Иль храпъ раздавался коней.

Дремала вся степь будто мертвой дремотой,
Но вдругъ издали понеслись
Дрожащіе звуки протяжною нотой
И въ долгую пѣсню слились.
Мелодіи странной шли медленно волны,
Напѣвъ ихъ такъ рѣзко гудѣлъ,
Въ той пѣснѣ все было фантазіей полно:
Дикарь проводникъ ее пѣлъ.
Онъ пѣлъ о безбрежномъ широкомъ просторѣ,
Обширныхъ зеленыхъ лугахъ,
О вольныхъ кочевкахъ въ степномъ своемъ морѣ,
О чудныхъ коняхъ и стадахъ.
Онъ пѣлъ въ ней о дѣвѣ, какъ солнце прекрасной,
Съ алмазами въ черныхъ очахъ;
О битвахъ за власть надъ наѣздницей страстной,
О дикой съ ней скачкѣ въ степяхъ.
Онъ пѣлъ о набѣгахъ, военной работѣ,
О смѣлой ночной барантѣ,
Добычѣ богатой, сокольей охотѣ,
Объ отдыхѣ, сладкой ѣдѣ.
О небѣ, о звѣздахъ, прохладныхъ криницахъ,
Роскошныхъ кибиткахъ, шатрахъ,
Обильно дающихъ кумысъ кобылицахъ,
О жаркихъ зимою кострахъ.
Онъ пѣлъ о потомствѣ, внучатахъ здоровыхъ,
О почести въ старости лѣтъ,
О дѣвахъ въ раю, вѣчно юныхъ и новыхъ,
Какъ то обѣщалъ Магометъ...

Была эта пѣсня, какъ степь безгранична,
Мотивомъ уныла, грустна,

Но въ образахъ такъ же была поэтична,
Какъ звѣзды въ степи, какъ луна!..
Душа въ ней звучала степного народа,
Въ ней билась кочевника кровь,
То гимнъ былъ, въ немъ славилась громко свобода,
Въ немъ славилась къ волѣ любовь.

Задумчиво слушалъ напѣвы степные
Другой нашъ вожакъ—Марамъ-бей;
То былъ сѣдой батырь и въ годы былые
Не мало зналъ тягостныхъ дней.
«Да, славно поетъ Калышъ-бей про свободу»,
Вздохнулъ этотъ старый джигитъ,
«Но только ее не увидѣть народу,
Пока міръ подлунный стоитъ!
«Узналъ я то вѣрно!
Давно это было»,
Такъ мнѣ говорилъ Марамъ-бей,
«Сюда въ первый разъ тогда войско вступило,
«Чтобъ волю взять нашихъ семей.
«Мы дань вамъ платили съ временъ отдаленныхъ,
«Но были свободны въ степяхъ,
«Никто не стѣснялъ нашихъ пастбищъ привольныхъ
«И жизни въ отцовскихъ шатрахъ.
«Но новый порядокъ вводился войсками:
«Кочевки давили въ межахъ,
«Султановъ смѣняли вездѣ казаками,
«Хотѣли селить насъ въ домахъ.

«Мы встали, мы дрались, ложились костями,
«Бѣжали отъ васъ на востокъ,
«Насъ вновь догоняли и вмѣстѣ съ стадами
«Садили опять на песокъ.

«Не могъ я снести это рабство народа,
«Я бросилъ стада и ушелъ
«Искать, гдѣ жила еще въ мірѣ свобода,
«Гдѣ воли цвѣтокъ еще цвѣлъ.
«Я былъ уже батырь, хотя еще молодъ,
«И былъ ужъ израненъ въ бояхъ;
«Я смѣло пошелъ и, забывъ жаръ и голодъ,
«Пустыню минулъ въ тѣхъ краяхъ.
«Тогда я увидѣлъ другіе народы:
«Въ Коканѣ, Хивѣ, и вездѣ
«Гдѣ только ни шелъ я... но только свободы
«Не встрѣтилъ въ поляхъ ихъ нигдѣ.
«Я дальше бы шелъ. Но однажды въ долинѣ
«Подъ вечеръ прилегъ у ручья,
«И, звѣзднаго неба дивяся картинѣ,
«Глаза закрывалъ уже я...
«Какъ вдругъ увидалъ, что съ горы надо мною
«Спускается дряхлый старикъ;
«То былъ святой дервишъ. Усталой стопою
«Онъ шелъ за водой на родникъ.
«Въ горахъ онъ тѣхъ жилъ; изнурялъ свое тѣло,
«Лишеньямъ отдавшись душой,
«Питался лишь горсточкой риса въ недѣлю,
«Пилъ кружку воды ключевой;
«Но могъ онъ за святость, во славу Пророку,
«На пользу для темныхъ людей,
«Читать въ книгѣ міра великую строку
«И видѣть грядущее въ ней.

«Узнавши, зачѣмъ я пришелъ въ эти страны,
«Сказалъ онъ мнѣ: «Сынъ мой, вернись
«Изъ горъ нашихъ вновь на степныя поляны,
«Межъ стадъ своихъ воли дождись;
«Ея нѣтъ нигдѣ! Она смѣнитъ неволю

«Не скоро, но все же придетъ.
«Я дамъ тебѣ признакъ узнать, когда волю
«Судьба всему міру пошлетъ.
«Вонъ тамъ», онъ сказалъ, «отъ зари до денницы,
«Смотри, въ лучезарныхъ поляхъ
«Двѣ бѣлыя ходятъ, какъ снѣгъ, кобылицы,
«Какихъ нѣтъ нигдѣ въ табунахъ.
«Свободой» и «Волей» зовутъ ихъ отъ вѣка,
«Имъ поле—небесъ океанъ,
«Но ихъ защищаетъ отъ рукъ человѣка
«Къ колу прикрѣпленный арканъ.
«Тотъ колъ весь въ алмазахъ, воды блѣдноалой,
«Арканъ—серебро съ бирюзой»
(Найдя тутъ созвѣздье Медвѣдицы малой,
Вожакъ указалъ мнѣ рукой).

«Царь Солнце, желая коней тѣхъ навѣки
«Въ владѣньяхъ своихъ уберечь,
«Велѣло всѣмъ звѣздамъ, отъ рукъ человѣка,
«Пока оно спитъ—ихъ стеречь.
«И даже Лунѣ, своей дочери нѣжной,
«Сказало, чтобъ меньше спала,
«А больше гуляла, смотрѣла прилежнѣй,
«Чтобъ стража исправнѣй была.

«И ходятъ кругомъ на узорномъ арканѣ
«Тѣ бѣлые кони всю ночь,
«А слѣдомъ за ними по ясной полянѣ
«Всѣ звѣзды и царская дочь...
«Но только Луна караулить лѣнива,
«Ей любо подольше поспать,
«Да внизъ опускаясь, предъ сномъ шаловливо,
«Тѣнями людей попугать.

«А между звѣздами есть семь,—ихъ желанье
«Похитить тѣхъ дивныхъ коней,
«Пригнать ихъ на землю и неба созданье
«Отдать полной власти людей.
«И кажду ночь эти звѣзды толпою
«Все ближе подходятъ къ конямъ,
«Но солнце встаетъ съ яркокрасной зарею
«И свѣтомъ мѣшаетъ ворамъ».
(«Большая Медвѣдица» ваше названье
Тѣмъ звѣздамъ,—у насъ: «Семь воровъ»
Теперь тебѣ ясно дервиша сказанье,
Сказалъ Марамъ-бей между словъ).

«И вотъ, когда ночью замѣтишь въ смятеньѣ,
«Что нѣтъ кобылицъ на мѣстахъ,
«То скоро «Свободы и Воли» явленье
«Удивишь въ родимыхъ степяхъ.
«И будутъ на землю нестись эти кони,
«Какъ молнія, бѣлымъ путемъ,
«За ними помчатся всѣ звѣзды въ погоню
«И солнце съ луною вдвоемъ.
«Но будетъ ужъ поздно. На землю примчатся
«Тѣ кони, неся ураганъ,
«И, солнца страшась, будто вихорь, помчатся
«Съ землей въ міровой океанъ!...»

«Не все понимая, я слушалъ дервиша,
«Я былъ слишкомъ юный умомъ,
«Но истину сердцемъ въ рѣчахъ его слыша
«И въ ликѣ читая святомъ,
«Домой я съ надеждой въ душѣ возвращался»,
Такъ кончилъ разсказъ Марамъ-бей,
«И много лѣтъ каждую ночь дожидался
«Пропажи на небѣ коней».

...Бѣлѣло кругомъ, а на облачномъ морѣ
Все крались на радость людей
Семь хитрыхъ воровъ и въ лазурномъ просторѣ
Добрались совсѣмъ до коней...
Но вдругъ весь востокъ загорѣлся зарею,
Огромное солнце въ лучахъ
Глянуло на небо, блестя надъ землею,
И смѣлость потухла въ ворахъ...
А пѣсня звучала все такъ же чудесно,
Встрѣчая блескъ первыхъ лучей,
И пѣніе птицъ съ высоты поднебесной,
И утренній шопотъ степей...

---

* *
*

Вы говорите: «Бога нѣтъ».
И убѣжденья дорогія,
Въ теченьи долгихъ, долгихъ лѣтъ
Святою вѣрой привитыя,
Считать хотите вы за бредъ.

Я вѣрю вамъ, что Бога нѣтъ.
Пусть Бога нѣтъ, но объясните
Рожденье солнца и планетъ,
Въ холодный камень жизнь вложите
И перестройте сами свѣтъ.

Пусть Бога нѣтъ. Собранье силъ
Царитъ надъ міромъ вамъ въ угоду;
Но кто въ тѣ силы смыслъ вложилъ,
Кто такъ устроилъ всю природу,
Чтобы надъ тѣломъ духъ царилъ?

Нѣтъ, есть Господь. Онъ сила—силъ,
Онъ Царь всевластный надъ мірами,
Онъ солнца лучъ, Онъ свѣтъ могилъ,
Власть Онъ далъ духу надъ тѣлами,
Владѣетъ всѣмъ Онъ, что творитъ.

* *
*

Прошли года, всегда, какъ нынѣ,
Творцу курился фиміамъ
И въ весяхъ, градахъ и пустынѣ
Мольбы неслися къ небесамъ.

Пройдутъ года... и въ новомъ храмѣ
На языкахъ безвѣстныхъ намъ,
Нестися будутъ въ фиміамѣ
Мольбы все тѣ же къ небесамъ.

О, нѣтъ! Москву....
съ ея стѣнами,
Гдѣ каждый камень дорогъ намъ,
Съ ея могилами, церквами
За Петербургъ я не отдамъ.
Пускай, застывшее отъ страха,
Подъ взглядомъ грознаго Петра,
Его болото вмигъ, съ размаха,
По повелѣнію Царя,
Покрылось чудными дворцами,
Пусть блещетъ тамъ Нева красой,
Пусть улицъ рядъ блеститъ огнями,
Кипитъ народною толпой;

Пусть стройныхъ войскъ пестрятъ мундиры,
Плеяды рѣютъ лентъ и звѣздъ,
И монументы, какъ кумиры,
Твердятъ про нашъ поспѣшный ростъ...
Пускай тамъ все богато, чинно,
Сіяетъ роскошь на показъ,
И декораціи картинно
Скрываютъ тѣнь отъ нашихъ глазъ...
Но все-жъ Москва съ толпою сѣрой,
Не показная—мнѣ роднѣй,
И въ сердцѣ русскомъ, съ русской вѣрой,
Любовь къ ней крѣпче и нѣжнѣй!

---

* *
*

Звонкое эхо несется,
Гулко надъ лѣсомъ стоитъ,
Русская пѣсня поется,
Сила и грусть въ ней звучитъ.
Парни и дѣвки гурьбою
Вышли вершить сѣнокосъ,
Пѣсни звучатъ надъ толпою
Съ стукомъ и лязганьемъ косъ.

Старые русскіе лады,
Лады далекой поры,
Такъ въ васъ и слышатся склады
Юной народной зари.

Нѣтъ въ васъ словечекъ фабричныхъ,
Нѣтъ городскихъ въ васъ затѣй,
Нѣтъ въ васъ руладъ заграничныхъ,
Нѣтъ современныхъ идей.
Все въ васъ наивно и ясно,
Просты сравненья и тонъ,
Все безыскусно прекрасно,
Злата въ васъ чистаго звонъ.

Старые русскіе лады,
Лады далекой поры,
Такъ въ васъ и слышатся склады
Юной народной зари.

Громкое эхо несется,
Гулко надъ лѣсомъ стоитъ,
Русская пѣсня поется,
Сила и мощь въ ней звучитъ.
Парни и дѣвки гурьбою
Вышли вершить сѣнокосъ,
Пѣсни звучатъ надъ толпою
Съ стукомъ и лязганьемъ косъ.

КОМЕТА.

Въ глубокомъ, безбрежномъ
пространствѣ эѳира,
Среди миліардовъ планетъ,
Путемъ необычнымъ, капризница міра,
Комета чертила свой слѣдъ.
Размѣренно тихо созвѣздья мерцали
И, хвостъ изогнувъ золотой,
Неслася комета... ей путь уступали
На небѣ звѣзда за звѣздой.
Все ниже и ниже... и въ грязь безъ просвѣта
Въ объятья холодной земли
Съ лазурнаго свода упала комета,
Лучи погасивши свои.

. . . . . .

Въ глубокомъ пространствѣ безбрежнаго міра,
Среди миліардовъ планетъ,
Мерцаютъ все также созвѣздья въ эѳирѣ...
Кометы забытъ даже слѣдъ.

ГИРЛЯНДА РОЗЪ

(вальсъ).

Тихіе звуки несутся,
Полные страсти и грезъ,
Нѣжно сплетаются... вьются...
Будто гирлянды изъ розъ.

То вдругъ совсѣмъ замираютъ,
Роемъ далекимъ жужжатъ,
То вновь гремятъ... прилетаютъ...
Плачутъ, смѣются, звенятъ.

Льются волшебные звуки,
Полные страсти и грёзъ,
Полные счастья и муки...
Звуки гирлянды изъ розъ.

РОМАНСЪ

(съ румынскаго).

Что за чудная головка,
Что за мягкія черты,
Что за милая плутовка
Полудѣтской красоты.

Только взглядъ совсѣмъ не дѣтскій
Ея вдумчивыхъ очей:
Смотрятъ нѣгою и лаской
Изъ-подъ бархатныхъ бровей.

Много счастья, больше горя
Этимъ взглядомъ натворишь,
И взволнуешь жизни море
Тѣхъ, что̀ лаской подаришь.

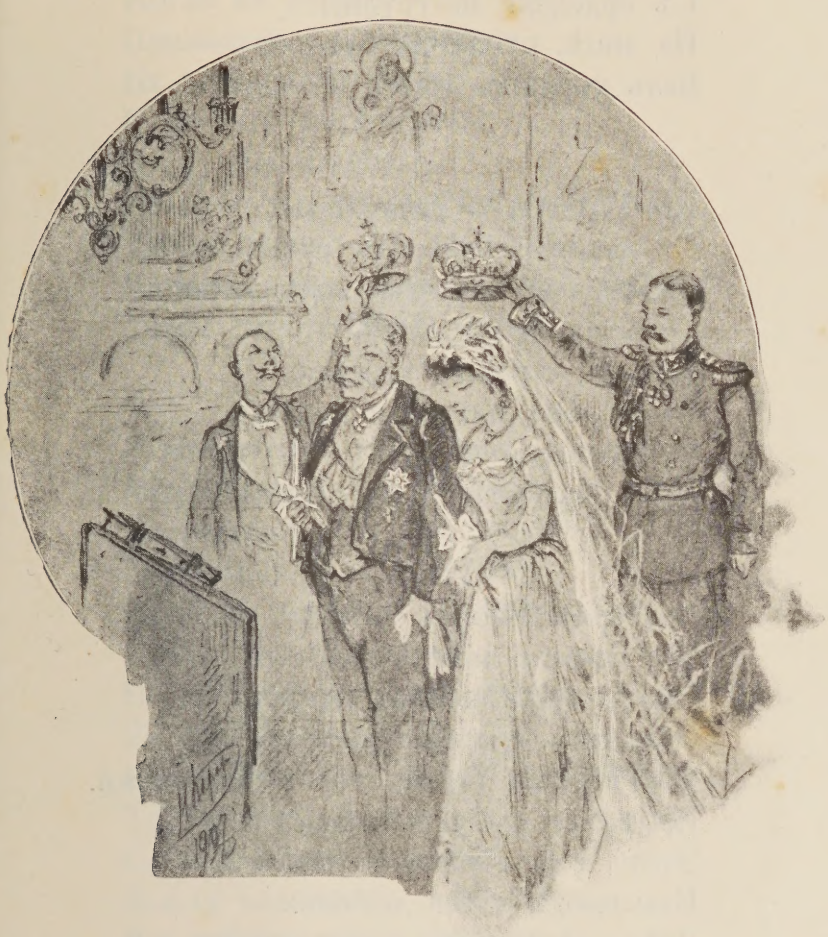
---

* *
*

Вчера сказала ты мнѣ: «время
«Идетъ тоскливо такъ и вяло,
«Что и тебя ужъ жизни бремя
«Гнести тоской и скукой стало».
Ты мнѣ сказала: «море даже
«Болотомъ смотритъ безъ волненья,
«И жизнь трясина будетъ та же,
«Безъ бурь, безъ страстныхъ увлеченій.»

Хотѣлъ бы я, мой другъ прекрасный,
Нахмуривъ лобъ, серьезнымъ тономъ
Сказать тебѣ: «цѣни день ясный,
«Имъ лучше жить, чѣмъ бурей, громомъ.»

Но лгать тебѣ зачѣмъ я стану,
Когда самъ, бурею избитый,
Я все жъ любить не перестану
Меня избившій валъ сердитый.
Такъ и тебѣ скажу я прямо:
«Бѣги затишья—оно губитъ,
«Борьбы ищи, борись упрямо:
«Живетъ лишь тотъ, кто бурю любитъ.»



БРАКЪ.

Окна залиты всѣ свѣтомъ,
Подлѣ церкви съѣздъ каретъ,
А внутри большимъ букетомъ
Львовъ и львицъ собрался цвѣтъ.
По срединѣ у налоя
Въ облаченьи іерей,
И женихъ, въ сторонкѣ стоя,
Ждетъ невѣсту у дверей.

Старъ и лысъ, въ мундирѣ шитомъ,
Съ орденами на груди,
На лицѣ, прилично бритомъ,
Безъ морщинъ мѣстъ не найти.

Хоръ поетъ, и „голубица“,
Съ женихомъ рука съ рукой
Входитъ въ церковь, какъ денница,
Освѣтивши все собой.
Молода, стройна, красива,
Въ бѣломъ платьѣ и цвѣтахъ,
И кокетливо игриво
Лучъ блеститъ въ ея глазахъ.

Что свело обоихъ вмѣстѣ?
Что связало вмѣстѣ ихъ?
Ищетъ бури взглядъ невѣсты,
Жаждетъ пристани женихъ.
Торгъ здѣсь гадкій, торгъ постыдный.
Продается плоть и кровь,
Этотъ торгъ, отлично видный,
Называютъ здѣсь любовь!
Здѣсь вѣнчаютъ сладострастье
Съ тяжкой, горькою нуждой
И у Бога просятъ счастья
Имъ молитвою святой.

Подъ аккорды пѣснопѣнья
Лгали Господу въ глаза,
Вознося Ему моленья.
Не упали образа
Съ высоты иконостаса,
Не погаснулъ свѣтъ свѣчей,

И не слышно было гласа,
Когда въ церкви іерей
Призывалъ благословенье
На завѣдомый обманъ,
И неслися пѣснопѣнья
И курился фиміамъ...
Не пришелъ во храмъ Спаситель,
Чтобы плетью изъ ремней
Выгнать вонъ, какъ грозный Мститель,
Торгъ позорнѣйшій людей.

И сектантовъ убѣжденье
Вспомнилъ я: что утомленъ
На седьмой день отъ творенья,
Богъ почилъ, и погруженъ
Въ сонъ глубокій. Тщетны слезы,
Стонъ, моленія дѣтей;
Не гремятъ Господни грозы
За пороки на людей.
Спитъ Господь. Царитъ всевластно
Торжествующій порокъ,
Сатаны законъ ужасный
Всюду властвуетъ, какъ Богъ.
Все забыто: нѣтъ святыни
Жизни истинной, душой;
Высоко стоитъ въ гордынѣ
Надо всѣмъ кумиръ златой.
Но проснется грозный Мститель
И погибнетъ старый строй,
Онъ придетъ, придетъ Спаситель,
Возродится міръ другой.
Міръ нетлѣнный, міръ духовный,
Съ чувствомъ братства и любви,
И потонетъ людъ грѣховный
Въ своей собственной крови.

* *
*

Я уснулъ молодымъ, полный страсти и силъ,
Обнимая станъ милой рукою;
И во снѣ той-же радостной жизнью я жилъ:
Я былъ молодъ и счастливъ душою.

Я уснулъ молодымъ... быстро мчался мой сонъ,
За видѣньемъ бѣжали видѣнья,
И казалось, что радость одинъ мнѣ законъ,
Лишь ея мнѣ понятны велѣнья.

Я уснулъ молодымъ... быстро мчался мой сонъ,
Цѣлый вѣкъ я не думалъ очнуться,
Но надъ ухомъ вдругъ голосъ раздался какъ стонъ:
„Ужъ пора, старина, и проснуться!“

Я уснулъ молодымъ... я не понялъ тѣхъ словъ,
Моя жизнь будто сонъ проходила,
Я проснулся безъ силъ; какъ тяжелый покровъ,
Предо мною все старость закрыла.

III.

ПѢСНИ НЕВОЛИ.

„Homo homini lupus".

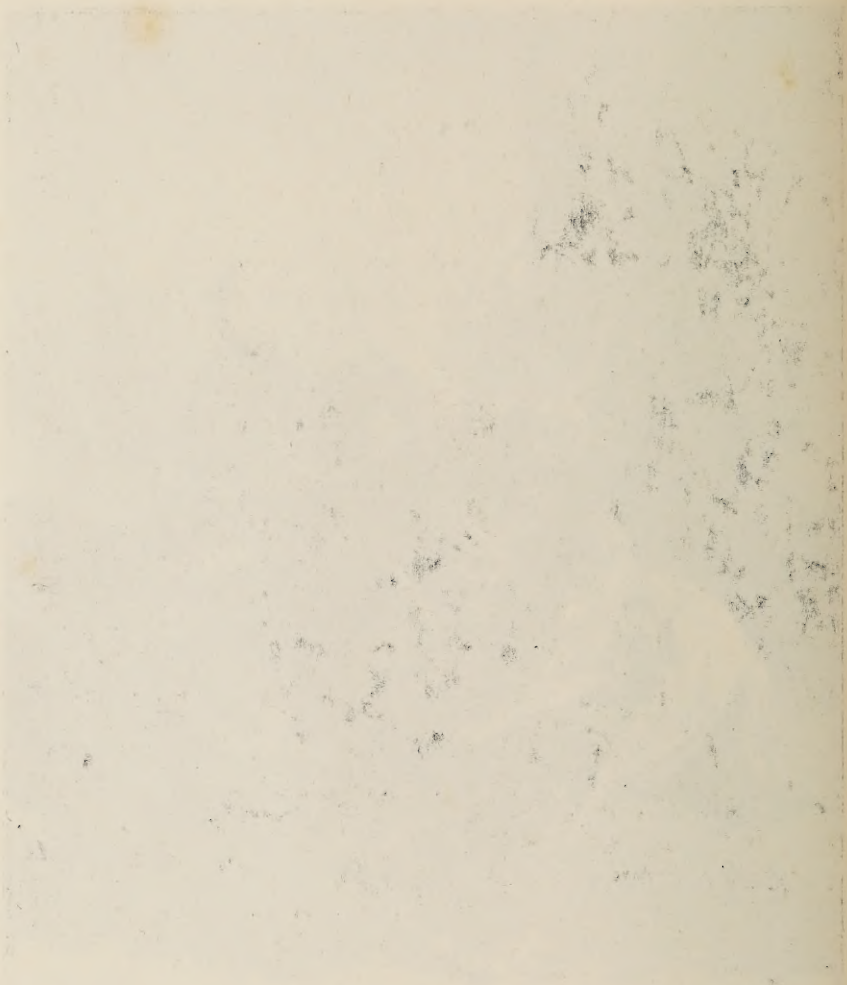
Преступникъ, грѣшникъ иль больной?...

* *
*

Въ долгіе годы тяжелой недолюшки,
Въ кельѣ печальной, въ тюрьмѣ,
Сны безпросвѣтные, думы неволюшки
Снились мнѣ въ сумрачной тьмѣ.
Въ пѣсни негромкія, въ лады согласные
Я, какъ умѣлъ, ихъ собралъ;
Вамъ ихъ дарю, мои братья несчастные:
Тотъ ихъ поймет, кто страдалъ.

ВОЛКЪ.

Голоднаго, сѣраго волка собаки
Огромною стаей поймали,
И съ дикою яростью бѣшеной драки
И тѣло, и шерсть его рвали.
Волкъ, въ уголъ прижавшись косматой спиною,
Отстаивалъ жизнь, какъ безумный,
А люди, собравшись на травлю толпою,
Смѣялись... спектакль былъ разумный.
Не смогъ одолѣть... И терзали собаки
Трупъ волка надъ лужей кровавой,
Но такъ же, какъ прежде, смѣялись зѣваки:
Волкъ мертвый все былъ имъ забавой!



* *
*

Когда во прахъ, какъ червь, поверженъ,
Придавленъ злостною судьбой,
Лежитъ безъ силъ, людьми отверженъ,
Преступникъ, грѣшникъ иль больной;
И, забывая рокъ постылый,
На небо взоръ вперивши свой,
Мечтаетъ къ жизни съ новой силой
Воспрянуть тѣломъ и душой...
О, удержи сомнѣнья слово,
Мечты его не разрушай,
И рѣчью трезвой, но суровой,
Надежды въ немъ не убивай.
Онъ съ ней, какъ путникъ въ знойной степи,
Быть-можетъ, къ мареву идетъ,
Оставь его... Несчастья цѣпи
Съ миражемъ легче онъ несетъ.

---

* *
*

Когда въ день жаркій солнце юга
Горитъ надъ чудною страной,
И человѣкъ не видитъ друга,
Чтобы итти рука съ рукой...
То что ему краса весны,
Вся жизнь роскошная природы,
Онъ одинокъ, и мрачны дни,
И въ сердцѣ плачутъ непогоды.

Когда жъ, подъ бурею ненастья
И подъ ударами судьбы,
Есть рядомъ другъ и взоръ участья
Среди холодныхъ лицъ толпы...
То пусть несчастій грозныхъ вьюга
Несется тучей громовой...
Но жить свѣтло подъ взоромъ друга,
Какъ подъ блестящею звѣздой.

НА ТРАВЛѢ.

Оконченъ былъ судъ, и прочли приговоръ:
Въ Сибирь въ рудники присудили,
Пока же, до ссылки, подъ крѣпкій затворъ
Его посадить порѣшили.
Хоть кара страшна, хоть и тяжекъ былъ срокъ,
Всему онъ рѣшилъ покориться;
Но звѣремъ засѣсть подъ желѣзный замокъ
Онъ волей не могъ согласиться.

И онъ убѣжалъ; а за нимъ по пятамъ
Ищеекъ погналася стая,
И съ мѣста на мѣсто его по слѣдамъ
Гоняла, озлобленно лая.

И долго травила, пока потерялъ
Онъ въ травлѣ разсудокъ и волю;
Заснулъ человѣкъ въ немъ, и звѣремъ онъ сталъ,
И самъ онъ отдался въ неволю.
И въ клѣткѣ сидитъ на цѣпи онъ теперь,
Онъ сытъ и доволенъ судьбою;
Въ немъ нѣтъ человѣка, въ немъ живъ только звѣрь,
И счастливъ звѣрь пищей одною.

* *
*

За прошлый грѣхъ, за грѣхъ невольный,
За грѣхъ не свой, не для себя,
Въ снѣгахъ Сибири погребенный,
Умру я скоро для тебя.
Умру, но смерти утѣшенье
Не дастся мнѣ судьбою злой,
Покой и вѣчное забвенье
Не осѣнятъ души больной.

Давно я ждалъ минуты казни,
Смотрѣлъ спокойно ей въ глаза.
Глядѣлъ безъ страха и боязни,
Какъ надвигалася гроза.
Мнѣ умирать было такъ сладко
Подъ крикъ озлобленной толпы,
Міръ оставлять было не жалко,
Гдѣ всѣ ко мнѣ такъ были злы.

Но среди криковъ озлобленья
Раздался голосъ нѣжный твой,
Явилась ты мнѣ въ утѣшенье
И съ теплой лаской, и слезой.
Тобою къ жизни возвращенный,
Я полной жизнью снова жилъ,
И, яркой цѣлью увлеченный,
Толпѣ я казнь мою простилъ.

ВЪ СКЛЕПѢ.

Склонившись подъ ивой унылою,
На насыпь припавъ головой,
Рыдаетъ она надъ могилою,
Льетъ слезы горячей волной.
И, падая лавой кипучею
Сквозь землю на грудь мертвеца,
Спалить можетъ болію жгучею
Родной дорогая слеза.
Но спящій изъ мрака могильнаго
Не слышитъ тѣхъ слезъ человѣкъ;
Судьба не терзаетъ безсильнаго:
Нѣтъ воли, покой есть навѣкъ.

А здѣсь, подъ холодными сводами,
Въ тюрьмѣ, средь желѣзныхъ оковъ,
Зачѣмъ меня мучаешь стонами
Мнѣ близкихъ и смѣхомъ враговъ?
Зачѣмъ мнѣ доносишь рыданія,
Шумъ жизни, звукъ пѣсни порой;
И новыя съ ними терзанія
Льешь въ душу широкой волной?
Зачѣмъ же ты милость неравную,
Судьба, двумъ могиламъ даешь:
Покоемъ даришь насыпь хладную,
А склепу—мученія шлешь?

ПТИЦА.

Отъ стаи родимой, на югъ улетѣвшей,
Безъ силы усталая птица отбилась,
И шумной ватагѣ дѣтей подоспѣвшей
На радость и муки она полюбилась.
И рада теперь своей клѣткѣ закрытой,
Поетъ въ ней такъ весело вольная птица:
Ей, голодомъ, жаждой и лаской избитой,
Покоемъ люба запертая темница.
Куда ей на волю: тамъ холодъ, ненастье,
Тамъ корма зимою не сыщешь ни крошки,
Тамъ снѣгъ на землѣ, тамъ одно лишь несчастье,
Враги тамъ ей страшные: дѣти да кошки.

И нравится ей, когда буря застонетъ,
А здѣсь у нея и тепло, и привольно,
И корма есть вдоволь, и врагъ здѣсь не тронетъ;
И въ клѣткѣ зимой сидитъ птица спокойно.
Но вотъ, когда снова весны благодатной
Тепло и довольство на землю польются,
А съ юга раздастся крикъ стаи возвратной,
И жизнью свободной поля отзовутся...
Тогда-то тюрьма ей покажется скучной,
Замечется птица по клѣткѣ до боли,
Уйдетъ или силой, или пѣснью докучной
Умолитъ, упроситъ не мучить въ неволѣ.

Весною ей всюду пріютъ есть радушный,
Весною найдетъ она корма, летая,
Весною не страшенъ и врагъ ей бездушный,
И ждетъ весны птица въ тюрьмѣ, распѣвая.

ВЪ ХАНДРѢ.

О чемъ говорить? Когда мракъ надъ душой,
Когда нѣтъ и мысли безъ боли,
Когда темный призракъ закрылъ все собой,—
Могила милѣй такой доли!
О чемъ говорить? Когда замерло все,
Борьба когда кажется лишней,
Когда и вести невозможно ее
Со страшною силою вышней!
Насмѣшка судьбы! Всегда щедрой рукой,
Безъ всякаго смысла рѣшенья,

Дающей тамъ муки, гдѣ ищутъ покой,
Затишье,—гдѣ ищутъ волненья!
Иль мало вложилъ я терпѣнья въ борьбу,
Работы и твердости воли,
Чтобъ правъ не имѣлъ пересилить судьбу
И сбросить гнетъ тяжкой недоли?
Всей силой душевной ни разу, ни въ чемъ
Не бралъ я такого участья,
И ты же, судьба, мнѣ давала во всемъ
Успѣха всегдашняго счастье!
Не думать ли мнѣ, что твой рогъ опустѣлъ?
Не думать ли вмѣстѣ съ другими,
Что во время я удержать не сумѣлъ
Удачу руками моими?
Ужели жъ повѣрю, что можно тебя
Трудомъ взять иль долгимъ терпѣньемъ,
Что можно ударъ отстранить отъ себя
Мольбою, покорнымъ смиреньемъ?

Стихіи безумная, глупая сила!
Ты страшнымъ бѣжишь колесомъ,
Не видишь, не знаешь, кого придавила,
Къ землѣ, въ своемъ бѣгѣ слѣпомъ.
Кто въ центрѣ сидитъ, ухватившись рукою,
Еще тотъ съ тобою бѣжитъ;
Но мѣста тамъ мало... и съ вѣчной борьбою...
Ослабъ,—и во прахѣ лежитъ!
На ободъ же кто прицѣпляется въ бѣгѣ,
Напрасно тотъ будетъ молить:
Коль сзади возьмется,—подыметъ въ разбѣгѣ,
Чтобъ послѣ его раздавить...
А кто горячѣе,—тебя обгоняетъ,
И спереди ободъ беретъ....
Скорѣе еще подъ тобой погибаетъ,
На верхъ и на мигъ не взойдетъ.

Что значатъ отдѣльныхъ людей тутъ мученья?
Что значатъ труды ихъ, мольбы?
Когда ты не слышишь въ стихійномъ движеньѣ
Какъ давишь народы... толпы...

* *
*

Если близкій тебѣ, иль чужой,
Или другъ, или врагъ твой единый,
На борьбу съ безпощадной судьбой
И съ тяжелою въ жизни годиной,
Израсходовавъ силы и трудъ,
Тонетъ въ морѣ безбрежномъ несчастья
И къ тебѣ припадая на грудь,
Проситъ помощи, проситъ участья...
Не раздумывай, силенъ ли ты;
Протяни свою руку смѣлѣе,
И изъ страшной пучины нужды
Помоги ему выплыть скорѣе...

———

БЕЗЪ ПРОСВѢТА.

При вѣсти новой о мученьѣ
И вновь постигнувшей бѣдѣ
Я не прошу о снисхожденьѣ
И не ищу его нигдѣ.
Сношу судьбы ударъ тяжелый,
Живу днемъ сѣренькимъ, какъ жилъ,
И жребій жизни невеселой
Не почитаю выше силъ.
Но когда яркими лучами
Зачѣмъ-то рокъ освѣтитъ путь,
Блеснетъ звѣздой передъ очами,
Мечтой живой взволнуетъ грудь,
И, вслѣдъ затѣмъ, день каждый яду
Начнетъ къ надеждѣ прибавлять
И ожиданія отраду
По каплѣ съ горечью мѣшать...
Нѣтъ силъ тогда: не дли страданій,
Молю, лей горечь до конца,
Но не плети изъ ожиданій
И мукъ—терноваго вѣнца!

ОТВѢТЪ.

Желала ты, чтобъ пѣснью звучной
Я разсказалъ мечту мою,
Которой грёжу въ клѣткѣ скучной,
Которой душу отдаю.

Прости, мой другъ, привычнымъ строемъ
Я пѣсенъ больше не пою:
Начну я словомъ, кончу воемъ,
И лютню кровью оболью.
Забылъ я все, что было прежде,
Считаю прошлое за сонъ,
И даже будущей надеждѣ
Отвѣтъ во мнѣ есть только стонъ!
Я вещью сталъ въ мѣшкѣ ужасномъ,
Я номеръ камеры моей,
Я склепъ на кладбищѣ безгласномъ,
Я звѣрь безъ общества людей.
Лишенный главнаго—свободы,
Я вида вольнаго боюсь;
Луны, и звѣздъ, и всей природы,
Какъ мрачной бездны, сторонюсь.
Отъ дѣтскихъ криковъ, пѣнья птицы,
Деревьевъ шопота въ саду,
И шума дальняго столицы,
Душою мучусь, какъ въ аду.

Дверей открытыхъ, каждой встрѣчи
Готовъ, какъ призрака, бѣжать,
А отъ простой привѣтной рѣчи
Способенъ только зарыдать.
Я радъ уткнуться въ уголъ душный,
Чтобъ тамъ сидѣть, о всемъ забывъ;
Давно я трупъ уже бездушный,
Хотя по виду еще живъ.

Такъ мнѣ ли пѣть людскимъ напѣвомъ;
Подъ пыткой волкомъ я кричу!
А пѣть тебѣ слезой и гнѣвомъ
И сердце рвать—я не хочу.

ПОЗДНО!

Онъ такъ желалъ освобожденья,
Объ немъ такъ страстно онъ мечталъ,
Какъ въ мракѣ солнца появленья,
Онъ мига воли ожидалъ.
Одною мыслью о свободѣ
Была душа его полна;
Та мысль была въ его невзгодѣ
И думой дня... и грезой сна...
Но годы шли—а власть неволи
Его давила темнотой,
И онъ привыкнулъ къ рабской долѣ:
Считалъ блескъ цѣпи—красотой!
Когда же свѣтъ освобожденья
Предъ нимъ зарею заблисталъ,
То ужъ не вызвалъ въ немъ волненья:
Свободы рабъ не понималъ!

ПѢСНЯ.

(Сыну).

Сквозь тучи свѣтитъ мѣсяцъ блѣдный,
Уснулъ тюрьмы печальный шумъ;
Въ каморкѣ тѣсной узникъ бѣдный
Поетъ слова тяжелыхъ думъ:
. . . . . .

«Я не жалѣю прежней доли,
Не надо мнѣ полей, лѣсовъ,
Не надо радости и воли,
Мнѣ не смущаютъ они сновъ.
И тамъ мнѣ рѣдокъ день былъ ясный,
Среди заботъ, среди нужды,
И тамъ, какъ здѣсь, я былъ несчастный,
Среди житейской суеты.
Я не грущу отъ стѣнъ унылыхъ,
Отъ кельи сумрачной моей,
Не вижу я оковъ постылыхъ,
Забылъ про лязгъ моихъ цѣпей.

Но мысль одна, какъ червь могилы,
Мнѣ сердце гложетъ злой тоской:
Остался тамъ мой мальчикъ милый,
Мой сынъ—малютка дорогой.
Расти онъ будетъ сиротою,
Мнѣ не подслушать его грезъ,
Мнѣ не смѣяться съ нимъ порою,
Не осушать невинныхъ слезъ,
Мнѣ головы его ребячьей
Къ своей груди не прижимать
И не слѣдить душой горячей,
Какъ мысль въ немъ будетъ созрѣвать.
Мнѣ не итти охраной властной
Съ нимъ рядомъ жизненной тропой,
Не остеречь предъ вспышкой страстной,
Не поддержать въ бѣдѣ лихой.
Не передать ему завѣтныхъ,
Во мнѣ заглохнувшихъ, идей,
Не указать трясинъ несмѣтныхъ,
Гдѣ гибнутъ тысячи людей.
Ему мнѣ сердца ранъ глубокихъ
Въ лучѣ любви не показать,
И отъ рѣчей людскихъ, жестокихъ,
Себя предъ нимъ не оправдать.
Меня забудетъ сынъ любимый,
И, подъ житейскою молвой,
Онъ не пойметъ мой адъ незримый,
И проклянетъ меня съ толпой.

Одинъ, безъ нити путеводной,
Несчастный мальчикъ поплыветъ,
И, какъ и я, о рифъ подводный
Челнокъ свой утлый разобьетъ.
О, Боже правый, Боже сильный!
Твой судъ великій, не людской;
Карай меня, Господь всесильный,

Любовью сына Ты покрой.
Господь прощеньемъ всеобильный!
Не дай мнѣ отдыха на мигъ,
Но дай, чтобъ мальчикъ мой безсильный
На скалахъ жизни не погибъ!»...

. . . . . .

...Онъ смолкъ... Не свѣтитъ мѣсяцъ блѣдный,
И плачетъ дождь подъ вѣтра шумъ;
Въ каморкѣ тѣсной узникъ бѣдный
Сидитъ задумчивъ и угрюмъ.

НОВАЯ ТЮРЬМА.

Тюрьмы на открытіи новой
Мы были на дняхъ, и къ концу
Примкнувши комиссіи строгой,
Ходили, дивяся дворцу.
Потомъ насъ тюремный смотритель
На завтракъ къ себѣ пригласилъ
И, спичей должно-быть любитель,
Намъ къ случаю рѣчь говорилъ.
Тюремное старое зданье
Онъ сравнивалъ съ новой тюрьмой,
Онъ звалъ ее «чуднымъ созданьемъ»
Науки новѣйшей—«звѣздой».
...«Прогрессъ, говорилъ онъ, возможный
«Достигнутъ вполнѣ той страной,
«Которая замокъ острожный

«Смѣняетъ такою тюрьмой.
«Здѣсь, въ кельѣ, забывши заботы,
«Преступникъ жизнь мирно ведетъ,
«Не зная тяжелой работы,
«Онъ лучше, чѣмъ дома, живетъ.
«Въ размѣрѣ полезномъ для жизни
«Имѣетъ онъ пищу и сонъ;
«Не слышитъ ничьей укоризны:
«Прислуги любезенъ съ нимъ тонъ.
«Въ жилище его масса свѣта
«Проходитъ снаружи тюрьмы,
«И келья прекрасно нагрѣта
«Съ расчетомъ для всякой зимы.
«При этомъ и воздухъ съ излишкомъ
«По кельямъ безплатно идетъ:
«Въ часъ каждому, щедро, хоть слишкомъ,
«Пять саженъ казна здѣсь даетъ.
«У всѣхъ есть отличныя койки,
«Для газа рожокъ и вода,
«Есть мебель, и роскошь постройки,
«Есть даже звонокъ—господа!
«Нашъ домъ сталъ не карою жуткой,
«Пріютомъ покойнымъ онъ сталъ,
Тюрьма такъ прекрасна!» И шуткой
Онъ кончилъ, поднявши бокалъ,
Прибавивъ: «Къ тому жъ часового
Здѣсь нѣту съ луной на штыкѣ,
Мы грѣшника держимъ любого
Свободно совсѣмъ:—на замкѣ».

. . . . . .

Тюрьма такъ прекрасна!
Онъ можетъ шутить!
Хвалить блескъ научныхъ мученій!
Я кубокъ мой бросилъ,—могу ль его пить
Во славу постыдныхъ ученій?

. . . . . .

Изъ юности ранней
я вспомнилъ картины:
Подъ солнцемъ горячимъ
востока,
Палъ городъ, среди азіатской равнины,
Съ святою мечетью пророка.
То городъ былъ варваровъ. Въ жизни ихъ странной
Намъ все необычнымъ казалось;
Костюмы и нравы, все далью туманной
Прошедшихъ вѣковъ отзывалось.
Какъ чуденъ тамъ былъ—посреди эшафотовъ,
Дворецъ фантастичный владыки:
Чертился онъ въ небѣ аркадами сводовъ,
Узоромъ пестрѣлъ мозаики,
Колоссомъ вставалъ, и съ холоднымъ презрѣньемъ
Глядѣлъ на лачужки изъ праха,
На жалкій народъ подъ тяжелымъ давленьемъ,
На жизнь его, полную страха.

Но деспотъ бѣжалъ... И мы дружно валили
При крикахъ веселья невольныхъ,
На мѣстѣ, гдѣ казни на-дняхъ еще были,
Рядъ висѣлицъ грязныхъ, безмолвныхъ.

. . . . . .

О, могъ ли я думать, «ура» тамъ крича,
Столбы топоромъ подрубая,
Увидѣть ихъ снова, съ рукой палача,
На почвѣ родного мнѣ края...

. . . . . .

И подлѣ тѣхъ висѣлицъ, въ башнѣ дворцовой,
Стоялъ я надъ ямою грязной;
Отвѣсно шли стѣнки, подъ мглою суровой,
Въ глубь этой тюрьмы безобразной.
Тамъ узники были. Ихъ вмѣстѣ держали,
Но вѣчно подъ строгою стражей;
Наверхъ, на допросы, канатомъ таскали,
Едва ли кормили ихъ даже.
Тамъ было и хуже: была даже пытка.
Одинъ, какъ изъ ямы подняли,
Корсетомъ былъ стянутъ; засохшіе шибко
Ремни ему въ тѣло вростали.
Да, въ Азіи дикой, среди всякой муки
Казнили и въ ямы садили...
Но только по правиламъ точной науки
Съ ума никого не сводили!
А здѣсь, гдѣ даете вы все заключеннымъ,
Гдѣ узника держатъ гуманно,
Гдѣ жизнь вы снабдили комфортомъ казеннымъ,
Гдѣ все такъ роскошно, такъ чванно,—
Вы каждый день больше начтете безумныхъ
Изъ тѣхъ, что сидятъ въ вашихъ кельяхъ,
Одни безъ другихъ, въ этихъ склепахъ безшумныхъ,
Научныхъ, но все жъ подземельяхъ!
Въ нихъ дѣлаютъ тѣлу немало, конечно,
У духа же все отнимаютъ;

Его здѣсь мученьемъ гнетутъ безсердечно,
И пытку къ душѣ примѣняютъ.
Предъ пыткой же этой, предъ этимъ страданьемъ
Блѣднѣютъ тягчайшія муки,
И келья не даромъ зовется: созданьемъ
Новѣйшей и точной науки.
Гордитесь же новой прогресса чертою,
Могилы румянами красьте,
И, съ казнями рядомъ, душевной тюрьмою
Нашъ вѣкъ въ память дѣтямъ украсьте.

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Когда годъ новый съ тайной ночи
Заглянетъ въ кругъ твоихъ друзей,
И зазвучатъ подъ бой полночи
Желанья счастья, долгихъ дней,
И вдругъ къ тебѣ, чрезъ гулъ шумливый,
Откуда, знаетъ одинъ Богъ,
Домчится жалкій и фальшивый
Аккордъ печальный, тихій вздохъ...
Знай, это я, въ каморкѣ душной
Вздохнулъ о встрѣчѣ прежнихъ лѣтъ;
Знай, это я, мечтой воздушной
Тебѣ шлю ласку и привѣтъ.

Быть-можетъ, ты ко мнѣ душою,
Покинувъ пиръ, придешь въ тотъ часъ,
И проживешь хоть мигъ со мною,
Со мной кляня, со мной молясь.
Потомъ, къ гостямъ вернувшись, взглядомъ
Не выдашь міра грустныхъ грезъ,
И безъ труда сосѣду рядомъ
Отвѣтишь съ смѣхомъ на вопросъ.
Пусть такъ! Минутное видѣнье
Забудь; веселье раздѣляй,
И даже слабость и паденье
Въ кругу друзей во мнѣ карай.
Но надъ кроваткою ребячьей,
Въ ту ночь, лицо свое склоня,
Молю тебя, слезой горячей
Замолви слово за меня.

---

* *
*

Дверь тюрьмы моей желѣзную
Не старайтесь запирать:
Этой мѣрой безполезною
Вамъ меня не удержать.

Чрезъ рѣшетку некрушимую,
Черезъ стѣны, черезъ сводъ,
Черезъ стражу несчислимую
Всюду вольный мнѣ проходъ.

Будто шапкой-невидимкою
Я, прикрывшися, лечу,
И отъ васъ, незримой дымкою,
Ухожу, когда хочу.

Я душой моей мятежною,
Мыслью вольною моей,
Уношуся въ даль безбрежную
На просторъ родныхъ полей.

Я вдыхаю воздухъ сладостный,
Ароматъ лѣсовъ и горъ,
Слышу шумный, жизнерадостный
Моихъ дѣтокъ разговоръ.

Съ міромъ ближнихъ въ единеніи
Жизнью внутренней живу,
Счастью общему, мученію
Мое сердце отдаю.

И хоть вы, какъ власть побѣдная,
Меня держите въ цѣпяхъ,
Но лишь тѣло мое бѣдное,
А не духъ у васъ въ рукахъ.

Такъ не тщитесь дверь желѣзную
Такъ усердно запирать:
Этой мѣрой безполезною
Вамъ меня не удержать.

———

БРАТЬЯМЪ

(Съ болгарскаго).

Семьи одной родные братья,
Не кровью близкіе—душой,
Мы вышли всѣ, всѣ безъ изъятья,
На жизнь и смерть въ кровавый бой.
Мы бьемся дружными полками
За возвращенье правъ народу,
И гибнемъ цѣлыми рядами
Въ борьбѣ за правду и свободу.
Но гибнемъ, братья, не безплодно,
Гніемъ не даромъ въ рудникахъ,
Идеи свѣточъ всенародный
Не гасимъ въ тюрьмахъ и цѣпяхъ.
Нѣтъ, въ смерти братьевъ, въ ихъ мученьѣ
Мы силы свѣжія беремъ
И за народъ и для отмщенья
Ихъ въ битвы новыя несемъ.
И съ груды тѣлъ подъ страхомъ казни,
Свободы флагъ блеститъ яснѣй,
И съ каждой смертью, безъ боязни,
Народный кликъ звучитъ грознѣй!

ОЛЕНЬ.

Закинувъ на спину лѣсъ цѣлый роговъ,
Красивымъ и смѣлымъ движеніемъ
Съ скалы на скалу, длиннымъ рядомъ скачковъ
Олень мчится легкимъ видѣньемъ.
Картиной недвижной—съ отвѣсной скалы
Бросаетъ онъ бѣглые взоры,
И снова скачекъ съ быстротою стрѣлы:
Кругомъ встаютъ новыя горы.
Но вотъ отъ обрыва вдругъ камень большой
Сорвался надъ горной тѣсниной,
И вмѣстѣ съ оленемъ съ вершины крутой
Скатился въ стремнину лавиной.
Разбился олень.
Но недѣли прошли,
И зажили раны ушибовъ,
Отъ смерти вода и луга упасли,
Но выйти нельзя изъ обрывовъ.
Какъ грозныя стѣны, стояли кругомъ
Постройки подземныхъ гигантовъ,
Вода сверху била шумящимъ ключомъ,
Играя лучами брильянтовъ.
Въ тѣснинѣ бѣжалъ, извиваясь, ручей,
Трава вся пестрѣла цвѣтами;
И было закрыто отъ взоровъ людей
Богатство то Альповъ снѣгами.
Довольствомъ роскошнымъ долина полна:
Въ ней тѣнь есть, и травы, и воды,
Но жизнь въ ней оленю пуста и скучна:
Тамъ нѣтъ ему милой: свободы.

ТЬМА.

Небо покрылося темными тучами,
Свѣта совсѣмъ не видать,
Темень да стужа, реветъ непогодушка;
Видно, ужъ солнца не ждать.
Съ дерева крѣпкаго, стужей побитые,
Падаютъ наземь листы;
Скоро и мы спрячемъ въ землю холодную
Мысли, надежды, мечты...
Только основа великаго дерева,
Крѣпко корнями держась,
Будетъ стоять подъ грозой непогодушкой,
Вьюги и тьмы не страшась.

Быстро летитъ безустанное времячко,
Дни незамѣтно бѣгутъ,
Скоро мелькнутъ безконечныя сумерки,
Долгія ночи пройдутъ.
Снова проглянетъ блестящее солнышко,
Яркимъ засвѣтитъ огнемъ;
Въ деревѣ новомъ жизнь новую, сильную,
Вызоветъ яркимъ лучомъ.
Вверхъ отъ корней, гдѣ лежатъ листья падшіе,
Соки весной потекутъ;
Новой листвою покроется дерево,
Ярко цвѣты зацвѣтутъ.

Новые люди, какъ поросль зеленая,
Въ болѣе свѣтлые дни
Наши надежды, идеи, стремленія,
Вызовутъ вновь изъ земли.

СЪ ПАРТІЕЙ.

I.

Объ камни бьютъ кони стальными ногами,
Размашистой рысью бѣгутъ,
Рвутъ кучеру руки тугими вожжами,
Храпятъ и желѣзо грызутъ.
Коляска качается мѣрнымъ движеніемъ,
По камнямъ неслышно скользитъ,—
На мягкихъ резинахъ, беззвучнымъ видѣньемъ
За парою бойкой летитъ.
А въ ней, развалясь на подушкахъ атласныхъ,
Два баловня счастья сидятъ:
Мужчина и женщина, въ платьяхъ изящныхъ,
Красивые, бойко глядятъ,
Болтаютъ, смѣются, знакомымъ киваютъ,
Кидаютъ имъ фразу мелькомъ,
И бѣшенымъ бѣгомъ другихъ обгоняютъ,
Обдавши ихъ пыльнымъ столбомъ.
Но вдругъ остановка. Назадъ нагибаясь,
Сдержалъ едва кучеръ звѣрей,
И кони танцуютъ, бѣжать порываясь,
Всѣ въ мылѣ, и паръ изъ ноздрей.

. . . . . .

....Чрезъ улицу тихо, идя шагъ за шагомъ,
Со звономъ и лязгомъ цѣпей,
Одѣтая въ сѣромъ, какъ крытая прахомъ,
Тянулась колонна людей.
Шла партія ссыльныхъ. Подъ платьемъ сермяжнымъ,
Равняющимъ видомъ своимъ,
Черты проникались безличнымъ, неяснымъ
Для всѣхъ колоритомъ однимъ.
Безсильныя жертвы общественной нивы,
Борцы за свободу идей,
Искатели счастья и легкой наживы,
И мстители чести своей,—
Сливались здѣсь всѣ подъ клеймомъ однороднымъ,
Законъ ихъ всѣхъ въ кучу смѣшалъ,
И, равно считая отбросомъ негоднымъ,
Отъ общества прочь отрубалъ.
И только неясно совсѣмъ для понятья,
О прошломъ ихъ приговоръ свой
Отмѣтилъ,—имъ сзади нашивши на платья
Тузъ желтый, двѣ буквы порой....

И тихо ступая идутъ и идутъ,
За рядомъ ихъ движется рядъ,
Конвойные строго порядокъ блюдутъ,
Какъ будто ведя на парадъ.
Прошли..... а за ними въ телѣгахъ, подъ стоны,
На грудѣ котомокъ, узловъ,
Такою же грудой, семейства и жены
Вслѣдъ ѣдутъ мужей и отцовъ.

Прошли, и коляска промчалася снова,
Прошли, и чужая бѣда
Ни облачкомъ грусти, ни тѣнью суровой
На лица другихъ не легла.
Не встала, какъ призракъ, въ сравненьяхъ тревожныхъ,
Не вызвала думы простой,

Что внутренній міръ этихъ ссыльныхъ, острожныхъ,
Міръ близкій для насъ и родной.
Продуктъ они нашъ: всѣ ихъ страсти, пороки,
Всѣ здѣсь между нами живутъ,
И многихъ тамъ мѣсто изъ тѣхъ, что какъ боги
Другимъ едва руку даютъ.
Стара эта правда, и всѣмъ надоѣла,
Да какъ-то черкнулась перомъ;
Оставимъ мораль, до нея намъ нѣтъ дѣла,
И съ партіей лучше пойдемъ.

Въ ней мало печальныхъ, убитыхъ не видно,
На лицахъ нѣтъ грусти слѣда,
Въ иныхъ даже радость блеститъ очевидно,
И слышится смѣхъ иногда.
Изъ душной тюрьмы всѣ на воздухъ привольный
Какъ будто на волю идутъ,
Всѣ рады, что конченъ срокъ жизни невольной,
Что новыя кары не ждутъ.
Всѣ счастливы полемъ, просторомъ, движеньемъ,
Всѣмъ дышется какъ-то легко;
Довольны разстаться съ тюремнымъ сидѣньемъ,
У всѣхъ какъ съ души отлегло.
Но каждый еще занятъ думой сокрытой,
Богатъ каждый счастьемъ своимъ....
Кто много страдалъ, тотъ душою избитой
Знакомъ съ этимъ счастьемъ больнымъ;

Такъ, раненый счастливъ съ ногой перебитой,
Когда, подъ пилою врача,
Отдѣлится органъ, гангреной покрытый,
И свалится на полъ, стуча.
То счастье больное изъ муки родится,
Въ несчастьѣ начало беретъ,
Но парій имъ дышетъ и имъ онъ гордится,
Какъ знамя свое бережетъ.

На немъ, какъ на волосѣ тонкомъ, нерѣдко
Вся жизнь человѣка виситъ,
То пленка пустая на ранѣ, но крѣпко
Душѣ ею выходъ закрытъ.

II.

Вонъ тотъ, напримѣръ: неказистый, нескладный,
Проходитъ онъ здѣсь не впервой,
Этаповъ знакомъ ему путь безотрадный,
Онъ въ партіи дома, онъ свой.
Въ Сибирь онъ былъ сосланъ сначала за дѣло:
За землю съ дубьемъ воевалъ,
Но сердце по родинѣ сильно болѣло,
И съ мѣста онъ скоро сбѣжалъ.
Сослали опять со внушеньемъ пригоднымъ,
И съ тѣхъ поръ ссылаютъ всегда,
И сталъ изъ Кузьмы онъ Иваномъ безроднымъ,
Не знавшимъ родства никогда.
И ловятъ его и въ Москвѣ, и въ Соловкахъ,
И въ Кіевѣ подлѣ мощей,
Ходилъ на Кавказъ онъ, бывалъ на кочевкахъ,
Вездѣ жилъ по нѣсколько дней.

Давно въ немъ ужъ умеръ осѣдлый крестьянинъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ съ родного гнѣзда,
Съ земли и отъ хаты, онъ, полный хозяинъ,
Былъ сорванъ судьбой навсегда.
Давно его сердце, облитое кровью,
Забыло о счастьѣ семьи,
Давно бы проникнулось страшной любовью
Къ отмщенью за раны свои....
Но счастье больное его осѣнило,
Надъ прошлымъ спустило покровъ,
И въ волка на травлѣ его обратило;
Богатъ онъ сталъ счастьемъ волковъ.

И тихо, подъ звонъ своей цѣпи желѣзной,
Онъ думаетъ думу свою,
Идетъ онъ тайгою сибирской, безбрежной,
Невѣдомыхъ рѣкъ пьетъ струю;
Стоитъ на обрывистомъ склонѣ Алтая,
Плыветъ онъ Байкаломъ святымъ,
Смѣется, казачью погоню сбивая,
Сидитъ надъ костромъ полевымъ;
Бѣжитъ отъ бурятъ и ихъ травли бездушной
И къ русскимъ, во мракѣ ночномъ,
Приходитъ въ деревни и хлѣбъ тамъ насущный
Находитъ подъ каждымъ окномъ.
Зимой, отъ дороги проѣзжей въ сторонкѣ,
Въ безвѣстномъ поселкѣ живетъ,
Трудится, какъ волъ, и утѣху въ ребенкѣ
На время себѣ онъ беретъ.
Съ проталинкой первой, съ водою текучей,
Какъ птица, пускается въ путь,
Идетъ и идетъ, пока Богъ или случай
Заставятъ его повернуть.

III.

А этотъ, какъ будто усталый, съ нимъ рядомъ,
Высокій, красивый лицомъ,
Съ походкою медленной, съ пристальнымъ взглядомъ,
Съ открытымъ и яснымъ челомъ,
Идетъ безъ цѣпей онъ, по праву дворянства,
Хоть въ ту же сермягу одѣтъ,
Остатокъ отличій былыхъ отъ крестьянства,
Правъ барскихъ мерцающій свѣтъ.

Онъ много даровъ получилъ отъ природы,
Но мало познаній имѣлъ,

И въ жизнь выступалъ, не бояся невзгоды,
Шелъ прямо и гордо смотрѣлъ.

Но въ планѣ широкомъ его обученья,
Среди всѣхъ искусствъ и наукъ,
Едва ли намекъ хотя былъ про лишенья,
Про волю одинъ хотя звукъ.
И жизнь ему также про нихъ не сказала,
Когда, при началѣ пути,
По гладкой дорогѣ ему предлагала
Съ удачею полной пойти.
Казалось, не будетъ конца его счастью,
Онъ жилъ подъ счастливой звѣздой,
Но скоро, какъ всѣ, повстрѣчался со страстью,
Безъ воли,—окончилъ тюрьмой.

Что пользы писать о картинѣ паденья,
Комедіи старой, какъ свѣтъ,
Мѣняются тѣни, рисунокъ крушенья
Все тотъ же,—различія нѣтъ.
На жизненномъ морѣ чредою обычной
Всегда тѣ же волны встаютъ;
Пріятна ихъ зыбь подъ бризой романичной,
А далѣе бури идутъ.
Въ началѣ борьбы не хватаетъ познанья,
Нѣтъ кормчаго качествъ въ пловцѣ,
А тамъ нѣту воли, охоты, желанья,
Усталость всегда при концѣ.
Возьмутъ сперва волны безъ спроса, конечно,
Легко, что отнять имъ самимъ,
А тамъ и пловецъ имъ кидать будетъ спѣшно,
Что раньше считалъ онъ святымъ.
И скоро одинъ только остовъ нестройный
По морю волна будетъ бить,
Чтобъ, выбросивъ позже съ водою прибойной,
Оставить въ пустынѣ догнить.

Когда въ своей кельѣ, бѣдой озаренный,
Онъ бросилъ назадъ бѣглый взоръ,
То тамъ не замѣтилъ въ дорогѣ пройденной
И точки безъ слова: позоръ!
Чего не бросалъ онъ въ затменьѣ обидномъ,
Какихъ чувствъ души не попралъ,
Кого не обманывалъ въ прошломъ—постыдномъ,
Ногами чего не топталъ?
Онъ въ первые дни на рѣшетки бросался,
Метался, какъ раненый звѣрь,
Кричалъ, какъ безумный, на стѣны кидался,
Бѣжать хотѣлъ, выломать дверь....
Потомъ онъ стихалъ, и въ апатіи черной,
Какъ мертвый, сидѣлъ и молчалъ,
Не пилъ и не ѣлъ, пока съ думой упорной,
Вновь въ бѣшеный бредъ не впадалъ.

Помѣшанъ онъ былъ въ это время? Едва ли,
Сознанія онъ не терялъ,
Предъ нимъ всѣ подробности ясно вставали:
Онъ съ разумомъ больше страдалъ.
А, впрочемъ, и край даже завѣсы плотной
Не поднятъ въ болѣзняхъ души,
Рѣшеній здѣсь нѣтъ на аренѣ безплотной;
Гипотезы всѣ хороши.
Врачамъ психіатрамъ не будетъ обидно
Не новую мысль услыхать,
Что времени много пройдетъ еще, видно,
Чтобъ имъ научиться читать.
Но дѣло не въ томъ.
Арестантъ этотъ странный,
Здоровый ли былъ, иль больной,
Но муки не снесъ бы, и случай желанный
Найдя, онъ бы кончилъ съ собой.
Быть можно убійцей, грабителемъ, воромъ,
И жить, позабывъ разсуждать.

Тому жизнь возможна подъ вѣчнымъ позоромъ,
Кто можетъ себя извинять;
Но разъ въ свою душу взглянувши, прощенья
Въ душѣ своей кто не найдетъ,
Тотъ даже на крайнихъ ступеняхъ паденья
Едва ль жизнь возможной почтетъ.
Онъ умеръ бы тоже, когда осужденье
Прошедшему призналъ душой....
Но счастье больное ему утѣшенье
Послало, какъ месть надъ собой.
Всѣмъ, волей богатымъ, безстрастнымъ, безкровнымъ,
Смѣшно будетъ счастье его,
Но онъ имъ живетъ и бальзамомъ духовнымъ
Оно ему въ душу легло.

Въ тюрьмѣ онъ работалъ всегда съ увлеченьемъ,
Гордился мозолями рукъ,
Надсмотрщика брань и слова униженья
Онъ слушалъ, какъ музыки звукъ.
Онъ жаждалъ мученья, физической боли,
Страданій тѣлесныхъ искалъ,
Себя пріучая къ случайностямъ доли,
Недѣлями онъ голодалъ.
Сермяжное платье надѣлъ онъ съ охотой,
Онъ съ партіей радъ былъ итти,
Тяжелую кару считалъ себѣ льготой,
Оковы желалъ бы нести.
Онъ счастливъ былъ въ дни, когда прежняго друга
Ему приходилось встрѣчать,
И другъ отвернуться спѣшилъ отъ испуга,
Чтобъ только его не узнать.

Спокойно онъ шелъ по этапной дорогѣ,
Спокойно Сибири онъ ждалъ,
И вѣка сынъ слабый, безсильный, какъ многіе,
Аскетомъ суровымъ онъ сталъ.

Но каждый намекъ на прошедшее счастье
Ему душу пламенемъ жегъ:
На взглядъ снисхожденья, на слово участья,
Рыданьемъ отвѣтить онъ могъ.

И даже, когда подъ крыломъ сновидѣнья
Онъ грезилъ о прошломъ хоть мигъ,
То страшно звучалъ, полонъ боли, мученья,
Его, будто сдавленный, крикъ.
И только вернувшися къ жизни реальной,
Понявъ, что то былъ одинъ сонъ,
Вздыхалъ онъ спокойнѣе въ кельѣ печальной,
Тюрьмѣ улыбаясь сквозь стонъ.
И эта улыбка глядѣла такъ странно,
Какъ солнца лучъ въ темномъ гробу;
Какъ яркія розы, прикрывши случайно,
Морщины на старческомъ лбу.

IV.

А вотъ изъ послѣднихъ идетъ свѣтлорусый,
Совсѣмъ молодой человѣкъ:
Что могъ совершить этотъ мальчикъ безусый
Въ короткій и дѣтскій свой вѣкъ?
Кто бъ вздумалъ сравнить въ немъ восторженность слова,
Взглядъ глазъ его мечущихъ свѣтъ,—
Съ презрѣніемъ къ жизни, какъ тяжко больного,
Тотъ, вѣрно, сказалъ бы: «поэтъ».
И вѣрно, къ нему это имя подходитъ,
Конечно, не въ смыслѣ стиховъ
(Не пишетъ онъ ихъ и смѣшными находитъ),
А въ смыслѣ житейскихъ основъ.

Студентъ этотъ юноша. Въ словѣ научномъ,
Съ каѳедры звучавшемъ предъ нимъ,

Въ раздумьѣ надъ книгой, въ житьѣ злополучномъ,
Въ бесѣдѣ горячей съ другимъ,
Вездѣ онъ встрѣчалъ то чудовище вѣка:
Строй жизни, смѣшавшій права,
Который даетъ за всю кровь человѣка,
Лишь кормъ, какъ машинѣ дрова.
И участь мильоновъ работниковъ вѣчныхъ
Низводитъ на степень скотовъ,
Чтобъ кучка счастливцевъ, въ пирахъ безконечныхъ,
Тонуть могла въ нѣгѣ дворцовъ.
Онъ зналъ, что на Западѣ дружной толпою,
Сплотившись въ союзы борьбы,
Работникъ изъ рукъ капитала войною
Права вырываетъ свои.

И видѣлъ кругомъ, что на почвѣ родимой
Не меньше униженъ бѣднякъ,
Что слабъ онъ предъ силой мошны некрушимой,
Что жметъ его каждый кулакъ.
Что такъ же подъ гнетомъ бѣднякъ нашъ страдаетъ,
Считаетъ весь вѣкъ на гроши,
И такъ же отъ пота другихъ забираетъ
Хозяинъ себѣ барыши.
Онъ думалъ, что нашимъ работникамъ хуже,
Чѣмъ тамъ, въ одиночку итти,
Что малоразвитымъ и выходъ къ тому же
Безъ помощи имъ не найти.

И въ сердцѣ его, всегда горю открытомъ,
Несчастный отзвучье нашелъ,
И съ рядомъ теорій, путемъ не пробитымъ
Онъ въ помощь народу пошелъ.
Недолго ходилъ онъ: въ селѣ гдѣ-то, въ праздникъ,
Онъ сталъ объ землѣ толковать,
Не понялъ народъ, да случился тутъ стражникъ,
И тотчасъ рѣшилъ задержать.

Нашли при немъ книжки и паспортъ поддѣльный,
Какихъ-то листковъ цѣлый пудъ,
Признали опаснымъ, и скоро отдѣльный
Увидѣлъ въ стѣнахъ его судъ.

Сослали его, не въ работы на Кару,
А въ дальній на сѣверѣ чумъ,
Гдѣ онъ могъ дать волю природному дару,
Безъ страха смутить ближнихъ умъ.
Тамъ дикіе чукчи по-русски не знали,
Платили ясакъ мѣховой,
И только одно про Россію слыхали,
Что гдѣ-то Якутскъ есть большой.

Казалось, чѣмъ дальше тутъ жить человѣку,
Онъ зналъ, что въ могилу идетъ,
Что даже бѣжавши, по тундрамъ и снѣгу,
Едва ли сюда добредетъ....

Но черпалъ онъ въ счастьѣ больномъ жизни силу
И былъ этимъ счастьемъ богатъ:
Онъ думалъ, что служитъ великому дѣлу,
Свершенному долгу былъ радъ.
Боецъ онъ, упавшій въ началѣ сраженья,
Но сдѣлавшій, что только могъ;
Работникъ, погибшій, не кончивъ строенья,
Но камень его уже легъ.

Онъ вѣрилъ: за нимъ безконечно, рядами,
Огромное войско идетъ,
Покроетъ все поле своими тѣлами,
Но все же побѣду возьметъ.
И если удастся ему возвратиться,
Онъ снова въ работу пойдетъ,
Опять въ свою армію, встанетъ онъ биться,
Пока вновь со славой падетъ.

Тогда-то, быть-можетъ, онъ будетъ опасный,
Вернувшись, чтобъ подвигъ свершить,
Чтобъ на смерть сразиться за весь людъ безгласный,
Чтобъ силѣ давящей отмстить.

Ему ужъ мерещится массы народной
На площади говоръ, какъ стонъ,
И самъ онъ на казни, маякъ путеводный,
И возгласъ: «смотрите, вотъ онъ!»
Онъ храбро умретъ, негодуя душою,
Что больше не жгутъ на кострахъ,
Какъ жгли прежде всѣхъ, кто, царя надъ толпою,
Свободу могъ сѣять въ умахъ.

И выросъ фанатикъ, въ протестъ подъ ударомъ,
Спокойно въ Сибирь онъ идетъ,
И вѣру свою между ссыльными съ жаромъ
Онъ сѣетъ, гдѣ почву найдетъ;
А почва богата, удобрена злобой
На сущій порядокъ вещей,
И въ дѣтяхъ взойдетъ она жатвой особой:
Борьбой противъ всякихъ властей.

V.

Успѣли мы трехъ, намъ случайно попавшихъ,
Въ контурахъ слегка набросать,
И многихъ еще изъ людей проходящихъ
Могли бы мы здѣсь описать;
Но въ этотъ разъ будетъ: тутъ типовъ различныхъ,
Конечно, есть выборъ большой,
Немало совсѣмъ къ преступленью привычныхъ,
Но типъ ихъ главнѣйшій—больной.
Да, масса этапныхъ, при взглядѣ глубокомъ,
Больные, хоть странно сказать;

Болѣзнь ихъ не лѣчатъ, считая порокомъ,
Порокъ остается карать;
Отсутствіе воли и твердости взгляда
Болѣзни названіе той;
Болѣть ею можно, не выйдя изъ ряда,
Кто вышелъ, тотъ сталъ не больной.
Болѣзнь эта—язва текущаго вѣка,
Больныхъ ею много людей,
Но какъ же виновнымъ считать человѣка,
Кто ею страдаетъ сильнѣй!

Не встрѣтимъ же злобой идущихъ въ изгнанье,
Не кинемъ имъ камня вослѣдъ,
Но вмѣстѣ съ народомъ «несчастныхъ» названье
Пошлемъ проходящимъ въ привѣтъ.

ПѢСНЯ КАНДАЛЬНИКОВЪ.

То не поѣздъ свадебный,
То не сила ратная,
Издалека слышится,
Надъ землей колышется,
Подымаетъ пыль,
Подымаетъ пыль.
И не звонъ бубенчиковъ,
И не громъ оружія,
Издали доносятся
По полямъ разносятся
Странный гулъ и шумъ,
Странный гулъ и шумъ.
То идетъ сермяжная
Арестантовъ партія,
Издалека слышится
Надъ землей колышется
Длинною змѣей,
Длинною змѣей.
То гремятъ наручники,
Кандалы желѣзные,
Издали доносятся,
По полямъ разносятся,
Лязгъ и звонъ цѣпей,
Лязгъ и звонъ цѣпей.
Горе да несчастіе,
Страсти неповадныя,
Намъ скрутили рученьки,
И на муки-мученьки
Завели въ острогъ,
Завели въ острогъ.

Отъ родимыхъ матушекъ,
Отъ ребятокъ маленькихъ,
Отъ красавицъ женушекъ,
Изъ родныхъ сторонушекъ
Гонятъ насъ въ Сибирь,
Гонятъ насъ въ Сибирь.
Серебро да золото,
Мѣдь руду тяжелую,
Въ рудникахъ раскапывать,
Изъ земли выкапывать
Посылаютъ насъ!
Посылаютъ насъ!
И по свѣту Божьему
Мѣдь, сребро да золото,
Плодъ чужой недолюшки
Да труда-неволюшки,
Потекутъ рѣкой,
Потекутъ рѣкой.
И по свѣту Божьему,
Съ серебромъ, съ червонцами,
И съ копейкой грязною,
Слезы съ скорбью разною
Побѣгутъ волной,
Побѣгутъ волной.
Съ яркими червонцами,
Цѣнными, тяжелыми,
По свѣту покатятся,
До всѣхъ душъ докатятся,
Слезы матерей,
Слезы матерей.
Разойдутся съ серебромъ
Мелкою монеткою,
Будто тучки съ зорькою,
Плачъ съ насмѣшкой горькою
Слезы нашихъ женъ,
Слезы нашихъ женъ.

А съ копейкой мѣдною
Побѣгутъ по дѣточкамъ
Слезы наши бѣдныя
Темныя, безслѣдныя,
Много только ихъ,
Много только ихъ.
И кто больше золота,
Мѣди, чиста-серебра,
Въ руки заберетъ,
Въ руки заберетъ,
Тому больше горюшка
Наша грусть-недолюшка
На душу пошлетъ,
На душу пошлетъ.

БѢГУНЫ.

Эхъ, ты жизнь, бѣда-недолюшка,
Жизнь урмана и тайги,
Варнаковъ несчастныхъ долюшка,
Жизнь «непомнящей семьи».
Жизнь холодная, голодная,
Безъ пріюта и друзей,
Лишь звѣрью лѣсному годная,
Съ вѣчнымъ страхомъ отъ людей.
Жизнь, украдкою добытая,
Жизнь безъ вѣрнаго куска,
Только чащей темной скрытая
Отъ налета казака.
Охъ, черна ты горе-долюшка,
Но неволи все краснѣй,
Хоть и краденая волюшка,
Сребра, золота милѣй.

Отъ погони укрываючись,
Какъ взойдешь подъ сѣнь тайги,
Гдѣ тропа идетъ плутаючись,
Гдѣ звучатъ, какъ громъ, шаги;
Гдѣ царитъ то тишь могильная,
То, какъ въ пеклѣ, дикій вой;
Объ стволы пурга всесильная
Бьется въ заросли густой;
Гдѣ подъ деревомъ уляжется
Вся усадьба мужика,
Гдѣ вверху твердь неба кажется
Меньше бабьяго платка,
Гдѣ, какъ моря-океана,
Не извѣдано границъ.

Царство Мишки-великана,
Всякой твари, всякихъ птицъ;
Гдѣ въ пескахъ лежатъ зарытыя
Много чести, много грезъ,
И пришли на свѣтъ намытыя
Груды золота... и слезъ.

Будто въ землю недоступную
Вступишь съ трепетной душой,
Будто въ крѣпость неприступную
Заберешься на покой.
Всѣ намъ тропки, шляхи торные,
Всякій кустикъ здѣсь, какъ свой;
Въ чащѣ темной—пункты сборные,
Каждый бѣглый—братъ родной.
Здѣсь у насъ свое правленіе,
Свой неписаный законъ,
Странъ Сибирскихъ уложеніе
Отъ прадѣдовскихъ временъ.
Русь бродячая составила
Его искони вѣковъ,
И хранимъ мы твердо правила
Стародавнихъ бѣгуновъ.

Не туманенъ для понятія
Нашъ неписаный укладъ;
Вся отверженная братія
Его знаетъ весь подъ рядъ:
«Другъ за дружку стой громадою,
Голосъ вѣча уважай;
Будь для слабаго оградою,
И измѣнника карай.
Не покинь въ тайгѣ усталаго,
Хлѣбомъ съ братомъ подѣлись,
Не тревожь въ душѣ бывалаго,
Выдать бѣглаго страшись».

Ясенъ, простъ безъ разъясненія,
Безъ добавочныхъ статей,
Не юристовъ изложеніе,
Нѣтъ ученыхъ въ немъ затѣй.
Но имъ наша рать опальная,
Рать безправныхъ бѣглецовъ,
Варнаковъ семья печальная,
Живетъ искони вѣковъ.
Наше царство имъ смыкается,
Имъ стоитъ противъ тайги;
Противъ звѣря отбивается,
Съ нимъ не страшны намъ враги.
Весь народъ-то нашъ преступники,
Нѣтъ министровъ и князей,
Отъ закона все отступники,
Все подонки отъ людей...
А предъ властью, всюду-зрячею,
На семь тысячъ верстъ въ длину,
Мы, республикой бродячею,
Крѣпко заняли страну.
И пока укладъ преданія
Будетъ жить средь варнаковъ,
Не падетъ въ странѣ изгнанія
Царство вольныхъ бѣгуновъ.

Эхъ, ты жизнь, ты горе-горюшко,
Въ царствѣ нашемъ нелегка;
Но все лучше, чѣмъ неволюшка
Да острожная тоска.

«НА КРЕСТѢ»

Днесь будеши въ раю
(Еванг. отъ Луки кѓ—мг).

I.

Іерейскаго Царства столица
Тонула подъ сумрачной мглой,
И только изъ тьмы, какъ денница,
Сіялъ храма верхъ золотой.
Внѣ стѣнъ, по садамъ и равнинѣ
Тянулися кучки людей:
Всѣ шли къ отдаленной картинѣ,
Ужасной по злобѣ своей:
На фонѣ зари угасавшей,
Высоко надъ гребнемъ хребта,
Со стражею, ихъ окружавшей,
Вставали три темныхъ креста.

Разбойникъ висѣлъ одесную,
Ошуйю другой умиралъ,
Въ срединѣ, за правду святую,
Христосъ пригвожденный страдалъ.
Подошву холма окружала
Народа густая толпа,
И лживую надпись читала,
Вверху, надъ главою Христа.
Испуганы страшною казнью,
Оставивъ Равви своего,
Вдали жались, полны боязнью,
Наслѣдники слова Его.
И только Пречистая Дѣва,
Съ Маріей другою придя,
Проникли къ подножію древа,
Безъ страха чрезъ войско пройдя.
Одна—Его сердцемъ любила,
Въ немъ Богъ для нея умиралъ;
Другая—подъ сердцемъ носила:
Здѣсь Сынъ Ея смерть принималъ.

II.

На казнь Христа и на страданья
Одинъ изъ распятыхъ смотрѣлъ;
То былъ убійца, для стяжанья
Онъ жизнь чужую не жалѣлъ.
Теперь, съ послѣднею зарею,
Со смертью вмѣстѣ, на него
Смотрѣли длинною толпою
Дѣла ужасныя его.
Онъ видѣлъ рядъ убійствъ, страданій,
Онъ слышалъ вопли женъ, дѣтей,
Картины шли его дѣяній,
Залиты кровію людей.

Себя онъ видѣлъ съ сердцемъ хладнымъ,
Давно закрытымъ для любви,
Какъ волкъ, бездомнымъ, кровожаднымъ,
Подъ вѣчной травлею толпы.
Онъ проклиналъ его поймавшихъ,
Его осилившихъ людей,
На крестъ на смерть его распявшихъ;
Палачъ клялъ громко палачей!
Онъ землю клялъ и всю природу,
Онъ проклиналъ судьбу свою,
Проклятье слалъ онъ неба своду,
Онъ скрежеталъ на Іегову.
Хуля весь міръ, въ безсильѣ злобномъ,
Гремѣлъ коснѣющій языкъ,
И страшенъ былъ на мѣстѣ лобномъ
Убійца въ этотъ смертный мигъ. . .

III.

И видитъ онъ невольнымъ взглядомъ
Лицо распятаго Христа;
И слышитъ здѣсь, съ собою рядомъ,
Слова прощенья со креста.
Распятый Тотъ былъ не грабитель,
Не врагъ властямъ, не несъ разладъ,
То словъ любви былъ Возвѣститель,
Другъ міра и несчастнымъ братъ.
И понялъ извергъ безсердечный,
Кто на крестѣ былъ и страдалъ,
И Кто любовью безконечной
Врагамъ на муку отвѣчалъ.

И понялъ силу искупленья
Въ порокъ погрязнувшій злодѣй.

Предъ словомъ чуднымъ всепрощенья,
Передъ страданьемъ за людей,
Потухло въ сердцѣ озлобленье,
Зажглася искра въ немъ любви,
И смертью, полною смиренья,
Онъ искупилъ грѣхи свои.

ПѢСНЯ РАЗБОЙНИКА.

Братья-товарищи, хищные во́роны!
Всѣ вы вернулись опять;
Съ пира роскошнаго въ разныя стороны
Чуть васъ успѣли согнать.
Здѣсь все попрежнему: съ той же повадкою,
Выбравъ любой уголокъ,
Стаей сбирайтесь надъ трапезой сладкою,
Сочный тащите кусокъ.
Смѣло спускайтеся: люди, васъ гнавшіе,
Съ вами породы одной,
Только куски еще раньше урвавшіе,
Раньше,—на травлѣ былой.
Вотъ, хоть спросите: ихъ родичи, присные,
Предки ихъ, дѣды, отцы,
Были ли люди всегда безкорыстные,
Дѣтямъ оставивъ дворцы.
Можетъ, и ваши потомки недальніе,
Вашимъ запасшись кускомъ,
Будутъ созданья совсѣмъ идеальныя,
Будутъ для всѣхъ образцомъ.

Празднуйте жъ, други, свое возвращеніе,
Только не ждите меня,
Вдаль унесла меня, силой теченія,
Бурнаго вихря струя.

Съ душныхъ долинъ мои крылья направила,
Вверхъ отъ земли къ вышинѣ,
Въ области горной на скалахъ оставила,
Въ дикой, но чудной странѣ.
Жаль мнѣ разстаться съ роскошной картиною,
Съ видомъ далекимъ кругомъ,
Съ воздухомъ чистымъ надъ горной вершиною,
Съ солнечнымъ яркимъ лучемъ.
Празднуйте жъ, други, свое возвращеніе,
Только не ждите меня,
Вдаль унесла меня, силой теченія,
Бурнаго вихря струя.

НА МОЛИТВѢ.

Въ кельѣ, одинъ передъ окомъ всевидящимъ,
Скорбью душевной томимъ,
Рядомъ съ свидѣтелемъ, ложь ненавидящимъ,
Долго стоялъ я нѣмымъ.
Долго я слушалъ съ душевнымъ мученіемъ
Совѣсти рѣзкій укоръ,
Слуху не вѣря, искалъ облегченія,
Тщетно ведя съ нею споръ.
Все я прозрѣлъ въ себѣ: лѣни безславіе,
Слабую къ ближнимъ любовь,
Сердца гордыню, надменность тщеславія,
Страсти, мутящія кровь.
Но Всеблагій мнѣ послалъ испытаніе:
Долгую муку тюрьмы;
Тамъ получилъ я души врачеваніе,
Свѣтъ воспріялъ среди тьмы.
Тамъ научился къ себѣ быть безжалостнымъ,
Гордость и страсти карать,
Быть для другихъ утѣшителемъ жалостнымъ,
Ближнихъ любить и прощать.

ОТЧЕ НАШЪ.

Отецъ небесный, будь хвалимый,
Приди къ намъ царствовать въ сердца,
И на землѣ, какъ въ небѣ, чтимый,
Будь намъ Владыкой безъ конца.
На пищу хлѣбъ лишь на день сущій
Дай здѣсь, стоящимъ предъ Тобой.
И отпусти намъ долгъ текущій,
Какъ мы отпустимъ долгъ чужой.
Для слабой воли, искушеній
Не посылай намъ, Всеблагой,
И отъ лукавыхъ навожденій
Избавь всесильною рукой.

ДВОЕ ПОХОРОНЪ.

(Подраж. François Coppée).

Подъ высокимъ парчевымъ наметомъ,
Утопавшій въ роскошныхъ цвѣтахъ
Гробъ везли; и несмѣтные счетомъ
Люди шли и безъ слезъ, и въ слезахъ;

Сзади двигался рядъ экипажей,
Надо всѣмъ хоръ соборный гудѣлъ,
А въ концѣ, окруженнаго стражей,
Арестанта везли на разстрѣлъ.

Мысль слагалась въ вопросѣ несмѣломъ:
Для кого погребальный канонъ:
Для того ль, кто въ гробу только тѣломъ,
Иль тому, кто душой погребенъ?

СВОБОДА ШЕСТВУЕТЪ!

(Изъ Richpain).

Свобода шествуетъ! идетъ она всевластно
Вездѣ по городамъ, по весямъ, средь народа,
И хоръ друзей свободы громогласно
Поетъ ей гимнъ одинъ, но вѣчный, какъ природа.
Свобода шествуетъ
Громадными шагами!..

Свобода шествуетъ—ни острыми штыками,
Ни залпомъ громовымъ безчисленныхъ орудій,
Ни каменной стѣной, воздвигнутой врагами,
Ее не удержать; и громъ мильоновъ грудей
Поетъ ей гимнъ одинъ:
«Иди, иди всевластно!»

Свобода шествуетъ! и горе тѣмъ, кто ясно
Не видитъ власть ея надъ міромъ и душами,
Кто слѣпъ къ тому, что такъ она всевластна,
Что силы нѣтъ другой такой подъ небесами.
Свобода шествуетъ,
Идетъ! идетъ всевластно!

IV.

ПѢСНИ СЕРДЦА.

Возьми мое сердце, оно все такъ черно;
Въ немъ кровь запеклася отъ бѣдъ,
Отъ жизненной бури съ борьбою упорной
Въ немъ свѣта давно уже нѣтъ.

* *
*

Тебѣ, моя муза, мечты и желанья,
Тебѣ мое сердце и умъ,
И проблески счастья и муки страданья,
И рядъ меня мучившихъ думъ.
Возьми эти думы; ихъ ты же вложила,
Ихъ тѣлу ты душу дала,
Мечта о тебѣ ихъ во мнѣ зародила,
Ихъ жизнь ты сама создала.

---

* *
*

Въ роскошномъ саду, на красивой куртинѣ,
Удачно борясь съ сентябремъ,
Пунцовый цвѣточекъ, сынъ горной долины,
Расцвѣлъ подъ холоднымъ дождемъ.
Онъ знаетъ, что ночь эта будетъ ночлегомъ
Послѣднимъ при свѣтѣ луны,
Какъ саваномъ, завтра закроется снѣгомъ,
Что дни его всѣ сочтены...
Онъ знаетъ, что завтра съ трескучимъ морозомъ
Исчезнетъ и память объ немъ,
Но все же цвѣтетъ и алѣетъ, какъ роза,
Подъ вешнимъ горячимъ лучемъ.
...Такъ въ сердцѣ моемъ, твоимъ свѣтомъ согрѣто,
Горячее чувство цвѣтетъ,
И нѣтъ ему дѣла, что минуло лѣто,
Что смерть уже къ сердцу идетъ...

* *
*

По виду ты полна кокетства,
Съ горячимъ призывомъ: «приди»!
И будто жаркій югъ въ наслѣдство
Зажегъ лучемъ глаза твои...

На дѣлѣ—ты совсѣмъ иная:
Ты сердцемъ вѣрная, ты другъ,
Мила тебѣ и жизнь простая,
И твой домашній, тихій кругъ.

КУЗИНЫ.

Кузины двѣ: одна блондинка,
Другая—съ темною косой;
Одна, какъ южная картинка,
Другая—съ нѣжною душой.
Одна—отъ жизни проситъ много,
Но въ жизни много не даетъ;
Другой—житейская дорога
Тропинкой узкою идетъ.
Одной глаза, какъ серны юга,
Блестятъ туманною красой;
Другой—улыбка манитъ друга,
Прельщаетъ сердце простотой;
Одна—боится «крѣпкимъ чаемъ
Смутить душевный свой покой»,
Другая—вѣрно хоть не знаемъ,
Покой утратила ужъ свой.
Одна, конечно, «кисокъ любитъ»,
Хоть, «бѣлыхъ, съ глазомъ голубымъ»;
Другая—шавку приголубитъ,
Вздохнетъ и съ бѣднымъ, и съ больнымъ.
Костюмъ обѣихъ своимъ цвѣтомъ
Ихъ свойство вѣрно оттѣнилъ;
Одну—покрылъ горячимъ свѣтомъ,
Другой—надежду отдѣлилъ.

* * *

Я разсмотрѣлъ васъ: въ васъ красивы
Контуры больше, чѣмъ черты,
Походка, мягкіе изгибы,
Съ оттѣнкомъ южной красоты.
Какъ мнѣ ни странно, но не скрою:
Вы мнѣ давно уже своя;
Давно, давно моей душою
Я называю васъ—моя.
Когда, подчасъ, глаза закрою
И слышу фразу вашу вдругъ,
Какъ будто издали, волною
Плыветъ ко мнѣ знакомый звукъ.
Руки пожатье, смѣхъ случайный,
И блѣдность щекъ, и тѣнь рѣсницъ,
Все мнѣ сейчасъ, какъ сонъ желанный,
На мигъ одинъ, какъ блескъ зарницъ,
Вернетъ какой-то образъ жгучій,
Знакомый звукъ, знакомый тонъ...
Вы мнѣ своя въ мечтѣ летучей,
Ей все возможно, все законъ.
...Но вы чужая мнѣ—я знаю:
У васъ есть дѣти, мужъ, семья,
Но знать я это не желаю,
Въ мечтѣ вы все же вѣдь моя.
Вѣдь голосъ вашъ ночной порою
Влагаетъ въ стихъ мой юный жаръ,
И въ лунномъ свѣтѣ предо мною
Стоитъ вашъ образъ, полный чаръ.

* * *

Зачѣмъ вамъ пѣть мнѣ пѣсенъ звуки:
Вамъ не понятенъ мой языкъ,
Когда на сердцѣ только муки,
Когда отъ счастья я отвыкъ?

Меня не слышатъ счастья люди:
Моя имъ лира не звучитъ,
Но вздохъ разбитой сердцемъ груди
Мой стихъ навѣрно облегчитъ.

Я имъ пою; а вы счастливы;
Вы, какъ капризное дитя,
Вы, какъ ребенокъ, прихотливы,
Вся ваша жизнь прошла шутя.

ВОПРОСЪ.

Подчасъ, когда ночной порою,
Когда стихаетъ шумъ людской,
И вы, усталой головою,
Уже склонились на покой,
И вдругъ, для васъ совсѣмъ нежданно,
Мой стихъ про васъ, мой стихъ шальной
Придетъ на умъ, и какъ-то странно
Онъ зазвучитъ въ тиши ночной...
Скажите мнѣ, вопросъ невольный
Себѣ вы ставите-ль тогда:
«Зачѣмъ стихомъ и риѳмой вольной
Я васъ преслѣдую всегда?»
Влюбленъ ли я, забывши годы,
Люблю ли шутку, маскарадъ?
Или, отъ жизненной невзгоды,
Я каждой легкой ласкѣ радъ?
Что мнѣ въ васъ дорого и мило?
Вы сами, мой ли идеалъ,
Который, тратя умъ и силы,
Полжизни тщетно я искалъ?

ЧУМА.

Повстрѣчался какъ съ чумою
Бѣдный мой пѣвецъ,
Тѣломъ, сердцемъ и душою
Извелся въ конецъ.
По ночамъ не спитъ, все пишетъ,
И на зло уму,
Ни о чемъ не хочетъ слышать:
«Дай ему чуму!»
И во снѣ чуму все видитъ,
Все чуму зоветъ,
Сны другіе ненавидитъ,
Отъ чумы умретъ.
А чума въ капотѣ красномъ
Плавно ходитъ, губки жметъ,
Глазки щуритъ такъ опасно,
Ухомъ не ведетъ.
Посмѣюсь, чума кокетка,
Послѣ надъ тобой,
Какъ тебя захватитъ цѣпко
Карачунъ лихой.

---

* *
*

Душою и тѣломъ избитый,
Лежалъ я больной, одинокъ,
Кошмаромъ тяжелымъ разбитый
Мой разумъ совсѣмъ изнемогъ.
Казался мнѣ міръ весь ужасенъ,
Нельзя было дальше итти,
Хоть свѣтъ былъ все такъ же прекрасенъ,
И были на выборъ пути.
Казалось, надъ пропастью темной
Стою я и смерти лишь жду,
Казалось, подъ массой огромной
Въ могилѣ я страшной лежу.

И вдругъ ты ко мнѣ заглянула,
Какъ свѣтлая зорька блестя,
Ты нищему грошъ протянула
И взглядомъ согрѣла шутя.
И все вдругъ тобой заблистало
Въ укромномъ моемъ уголкѣ,
Тобою все полно вдругъ стало,
Ты въ шорохѣ, звукѣ, мечтѣ...
Весь воздухъ наполненъ тобою,
Тобою наполненъ весь свѣтъ,
Тебя ощущаю душою,
Хотя тебя больше ужъ нѣтъ...

Ты въ душу мою безъ надежды
Надежды вдругъ влила струю,
И жить хочу больше, чѣмъ прежде,
Чтобъ звѣздочку видѣть мою.

---

* * *

Какъ мнѣ трудно васъ представить
Окруженную дѣтьми,
Въ міръ пеленокъ васъ поставить,
Вмѣсто яркихъ грёзъ любви.
Васъ-то, васъ-то, мою музу,
Мой воздушный идеалъ,
Чадомъ кухни, бранью съ мужемъ,
Обставлять я бъ не желалъ.
Вы мой богъ—а тамъ рабыня,
Вы мой свѣточъ—тамъ жена,
Даровая благостыня
Подъ рукою, среди сна.
Лучше я, глаза зяжмуря,
Буду лишь о васъ мечтать,
Чѣмъ, чело напрасно хмуря,
Васъ реальной представлять.

———

* * *

Еще съ днями могу помириться,
Боли сердца могу выносить,
Но лишь звѣздами ночь загорится...
Не могу я ни думать, ни жить.
Разсказать, какъ страдаю, нѣтъ мочи,
Нѣту воли, сознанія нѣтъ,
Но хочу въ эти страшныя ночи
Крикомъ боли наполнить весь свѣтъ.
И лежу, какъ мертвецъ, безъ движенья;
Но при мысли единой о ней,
Выношу я такія мученья
Что страданія ада—сноснѣй.
Длиннымъ свиткомъ одна за другою
Предо мною картины бѣгутъ,
Надъ моею смѣются душою,
Меня дразнятъ, и рѣжутъ, и жгутъ.
Я хотѣлъ бы кричать—нѣту силы,
Какъ прикованъ къ постели лежу,
И на смѣхъ надо мной моей милой,
Я, скрежеща зубами, гляжу.

ЗМѢЙКА.

Вамъ сегодня такъ славно, такъ чудно,
Такъ легко и свободно дышать,
Что вамъ кажется странно и трудно,
Какъ другимъ этихъ чувствъ не занять?
Такъ, на солнцѣ рѣзвясь, изумруднымъ
Вьется змѣйка красивымъ кольцомъ,
Но ея настроеніемъ чуднымъ
Мало кто увлечется кругомъ...

* *
*

Бываютъ дни, что злой сатирой
Я исхлесталъ бы больно васъ;
Бываютъ дни—всѣ язвы міра
Я пожелалъ бы вамъ заразъ.
Бываютъ дни, съ ужасной злобой
Я васъ убилъ бы, истерзалъ,
И приговоръ любой суровый
Для васъ съ охотой подписалъ.
То дни, дни темнаго терзанья,
Когда мнѣ свѣтъ,—какъ мракъ, какъ ночь,
Когда душевнаго страданья
Мнѣ не по силамъ превозмочь.
То дни, когда вы не со мною,
Душой ли, тѣломъ,—все равно;
Когда вы жизнію одною
Съ другимъ живете заодно.
То дни, когда любезнымъ взглядомъ
Другихъ вы дарите, шутя,
И въ вашей мысли, съ вами рядомъ,
Стоитъ другой ужъ,—а не я.

---

* *
*

Возьми мое сердце; оно все такъ черно,
Въ немъ кровь запеклася отъ бѣдъ;
Отъ жизненной бури съ борьбою упорной
Въ немъ свѣта давно уже нѣтъ.
И только въ срединѣ, лучами сіяя,
Одна еще искра блеститъ.
То Божія искра. Любовь въ ней святая
Къ тебѣ въ моемъ сердцѣ горитъ.

---

* * *

Нѣтъ, не надо такъ страшно шутить.
Съ этой шутки душа умираетъ,
Съ этой шуткой нельзя больше жить,
Эта шутка весь мозгъ воспаляетъ.
Муки ада, мученья могилы,
Для того, кто живетъ еще въ ней,
Передъ этою шуткою были
Только шуткой наивныхъ дѣтей.
Эти ночи и дни безъ просвѣта
О поруганномъ чувствѣ мечты,
Желчь вопросовъ и муки отвѣта...
Все дала этой шуткою ты.

ВНУЧКА ТАМАРЫ.

Царицу Дарьяла, Тамару,
Поэтъ вдохновенный намъ далъ;
Полвѣка спустя я ей пару
Въ Москвѣ на Никитской узналъ.
Была она тоже царицей,
Не родомъ—своей красотой,
Еще на Кавказѣ, дѣвицей,
Считалася крупной звѣздой.
Тогда еще внучка Тамары
Была въ ней отлично видна,
И каждая жилка, недаромъ,
Кокетствомъ холоднымъ полна.
Тогда еще цѣлой толпою
Водила мужчинъ за собой,
Училась своею красою
Играть надъ чужою душой.
Но ласки дѣвицы—не ласки,
Проходятъ онѣ безъ слѣда:
Поманятъ горячіе глазки,
Потомъ оттолкнутъ иногда;
Все кончится робкимъ свиданьемъ,
Объятьемъ при свѣтѣ луны,
И... мимо! Нѣтъ сильныхъ страданій,
И раны души не сильны.

Играя, шутя и блистая,
Тамара моя такъ жила,
Пока, и сама какъ, не зная,
Согласье кому-то дала.
Роскошенъ обрядъ былъ вѣнчальный,
Невѣсты нарядъ былъ такъ милъ.

Сіяло кругомъ все. Печальный
Одинъ только юноша былъ.
И тотъ не надолго.
Онъ скоро
Красавицу Маню забылъ.
И страсть и любовь въ эту пору
Непрочны, какъ юношей пылъ.

Задернуты дальше туманомъ
Рядъ лѣтъ героини моей;
Балами, да жизненнымъ чадомъ,
Деревней, кормленьемъ дѣтей
Навѣрно наполнены годы
Ея пролетѣвшей весны;
Въ тѣ дни (хоть мѣшали ей роды)
Тамары ужъ снились ей сны.

И вотъ пришло лѣто; горячее лѣто!
Оттѣнокъ легъ жгучій въ красѣ,
И очи манили надеждой отвѣта,
Хоть рѣже сталъ волосъ въ косѣ,
И щечки блѣднѣе.
Но, полная чары,
Она возбуждала любовь,
И жить захотѣлось ей жизнью Тамары,
Но... только текла въ ней не кровь,
А что-то пожиже... Она не платила
Ничѣмъ за любовный пожаръ,
Но ласки чужія, должно-быть, любила,
Считая «за должный ей даръ».
Кокетство свое доведя до искусства,
Она увлекала людей,
Хоть сердце ея было также все пусто,
Влеченье не свойственно ей.
Играла она той всесильной игрою,
Игрою съ рудой кузнеца,

Когда, раскаливши, привычной рукою
Желѣзо, онъ бьетъ безъ конца.

Конечно, года тѣ давно ужъ минули,
Когда, за мгновенье любви,
Поклонники въ безднахъ кипучихъ тонули,
Забывъ увлеченья свои.
Въ нашъ вѣкъ современный жестокость не
въ модѣ,
И львицы, мѣняя друзей,
Не топятъ ихъ больше; совсѣмъ въ иномъ
родѣ
Кончаютъ любовь нашихъ дней:
Играли... шутили... потомъ позабыли,
Забудутъ и львицу тотчасъ;
И случай такой, что «душой полюбили»,
Такъ рѣдокъ, какъ крупный алмазъ.

И долго играть еще будетъ Тамара,
Немало еще чудаковъ
Отвѣтятъ на шутку душевнымъ ей жаромъ,
И смѣхъ возбудятъ ея вновь.
И будетъ опять оскорбленной матроной
Она передъ ними стоять,
И, будто царица, съ высокаго трона,
Молчаньемъ ихъ гордымъ смущать.
Не нуженъ ей тотъ, кто въ игру маскарада,
Рѣшается душу вложить,
И кто, отъ ея охладѣвшаго взгляда,
Ей скажетъ: «что лучше не жить!»

---

* * *

Зачѣмъ нѣтъ силы, нѣтъ желанья
Тебя измѣной наказать,
Когда въ тебѣ нѣтъ состраданья,
Чтобъ душу такъ мою терзать.
Когда ты знаешь, какъ тоскую,
Какъ не живу я безъ тебя,
Какъ я люблю тебя, ревную,
И какъ я мучаюсь, любя.
Ты рядомъ съ нимъ, и все забыла,
Не можешь слова мнѣ сказать;
Моя любовь тебѣ постыла,
Зачѣмъ тебя я буду ждать.

* * *

За красу ея, за очи,
Да за нервный крови жаръ,
Да за тайну темной ночи
Я воздвигнулъ ей алтарь.
И ее на тронъ высокій,
Какъ богиню, посадилъ,
Далъ ей душу, умъ глубокій
Сердце нѣжное вложилъ.
Передъ міра совершенствомъ
Ницъ повергнувшись у ногъ,
Самъ, какъ рабъ, считалъ блаженствомъ,
Что молиться ей я могъ.
Но богиня оказалась
Истуканомъ золотымъ:
Брови хмурила, смѣялась
Подъ вліяніемъ чужимъ.
И, какъ въ древности въ Эфесѣ,
Умъ ея былъ умъ жрецовъ,
И языкъ, какъ эхо въ лѣсѣ,
Пересказчикъ чужихъ словъ.
Я повергнулъ истукана,
Я алтарь его разбилъ,
И, въ душѣ съ тяжелой раной,
Храмъ пустой заколотилъ.

---

* * *

Неужели же это мученье
Можно жизнью по правдѣ назвать,
И себѣ говорить въ утѣшенье:
Лучше жить, хоть и сильно страдать.
Лучше жить! Когда жизнь такъ ужасна,
Когда жить я такъ страшно усталъ,
Когда цѣлую жизнь я напрасно
Проискалъ для души идеалъ.
Когда время тяжелой рукою
Разбивало мечту за мечтой,
И теперь ужъ осенней порою
Надъ моею смѣется душой.
Когда счастье на мигъ лишь поманитъ,
Жизнь окраситъ горячимъ лучомъ
И опять вновь измучитъ, обманетъ,
И исчезнетъ миражемъ и сномъ...

---

* * *

Когда онъ день и ночь покорно
Смотрѣлъ, какъ рабъ, тебѣ въ глаза,
И тѣнь въ нихъ каждой мысли черной
Его пугала, какъ гроза...
Его ты чувства не цѣнила,
Смѣялась ты,—а онъ страдалъ,
Его печаль тебя лишь злила,
А видъ унылый—раздражалъ.
Теперь онъ смотритъ безучастно:
Сердита ты, иль весела,
И не вернешь то лаской страстной,
Что раньше ты не берегла.

* *
*

Не даромъ я съ тоской сердечной,
Едва снося тяжелый гнетъ,
Не въ смѣхѣ, радости безпечной,
Ночь провожу всю напролетъ.
Въ душѣ кипитъ такая злоба,
Что не могу сомкнуть и глазъ,
Что силы нѣтъ промолвить слова,
И утра жду за часомъ... часъ...
Но свѣта нѣтъ... и въ мракѣ ночи
Вся жизнь твоя отъ малыхъ лѣтъ
Встаетъ такъ ясно передъ очи,
Что какъ съ нея пишу портретъ.

Ребенкомъ чуткимъ и пугливымъ
Ты рядомъ съ любящимъ отцомъ,
Въ игрѣ и въ смѣхѣ шаловливомъ,
Въ молитвѣ первой предъ Творцомъ...
...Тяжелой жизненной утраты
Едва понявши ужасъ весь,
Совсѣмъ дитей, одна вошла ты
Въ соблазновъ міръ, какъ въ темный лѣсъ.
. . . . . .

Тебя я вижу въ бальной залѣ
Ужъ окруженную толпой,
Ты феей маленькой мелькала,
Блестя невинной красотой.
Ты все была еще дитею:
Въ романахъ дѣвичьихъ твоихъ,
Въ проказахъ въ паркѣ подъ луною,
Въ затѣяхъ малыхъ и большихъ...
. . . . . .

Цвѣтокъ красивый, беззащитный,
Ты близъ большой дороги цвѣлъ;
Сорвалъ тебя рукой привычной,
Кто былъ грубѣй, кто мимо шелъ.
Еще такъ много было время,
Еще такъ мало ты жила,
Чтобы замужней жизни бремя
Поднять безъ ломки ты могла.

. . . . . .

«Что далъ тебѣ онъ цѣлой жизнью?»
Мнѣ желчь отъ мысли давитъ грудь;
И жажда мести, укоризны,
Мнѣ не даетъ очей сомкнуть.
Проклятье! Страсти утоленье,
Безъ всякой пищи для души,
Рядъ лѣтъ тюрьмы, рядъ лѣтъ мученья...
«Вотъ жизнь твоя—жены паши».

. . . . . .

Теперь, когда годовъ рядъ длинный
Ему ты въ жертву принесла,
Дѣвичью юность, жаръ невинный,
Здоровье, силы отдала...
Когда подрядъ не дни, а годы
Онъ измѣнялъ, а ты одна
Сносила все на зло природѣ
За честь, что ты его жена...
Теперь онъ снова надъ душою
Твоей глумится и коритъ,
И грубой, грязною рукою
Тебѣ отмщеніемъ грозитъ...

Я не могу снести страданья,
Его глумленья надъ тобой,
Въ угоду низкому желанью,
Насмѣшку силы надъ душой.
Воспрянь же, другъ мой, больше воли!

Немного дней осталось ждать,
Съ твоей души я гнетъ неволи
Хочу совсѣмъ, на вѣки, снять.

. . . . . .

Не даромъ я подъ мракомъ ночи
Брожу измученъ и угрюмъ,
Не даромъ вижу твои очи
И взоръ печальный, полный думъ...
Узнаетъ скоро онъ, что сила
Слабѣе любящей души;
И что нельзя къ душѣ постылой
Вернуть насиліемъ паши.

---

* *
*

Я съ тобою прощаюсь невольно,
Но съ тобою прощаюсь навѣкъ,
На душѣ моей смутно и больно,
Я какъ мертвый въ гробу человѣкъ.
Но прощаясь, тебѣ я глубоко
Благодаренъ, что чуднымъ лучомъ
Ты мой духъ подняла такъ высоко
И зажгла мое сердце огнемъ.
Ты, какъ фея изъ сказки,—рукою
Чуть коснулась—и струны звучатъ;
Отошла... и замолкъ за тобою
Чудный гимнъ... и мотивы молчатъ...

---

* *
*

Полночь; уснула столица;
Ѣду стариннымъ кремлемъ;
Стѣны, зубцы и бойницы,
Башни съ двуглавымъ орломъ...
Ярко кресты на соборахъ
Луннымъ отблескомъ горятъ,
Темные лики на створахъ
Входы во храмъ сторожатъ.
Сверху на небѣ мерцаютъ
Чудныя звѣзды кругомъ,
Будто очами мигаютъ,
Трепетнымъ блещутъ лучомъ.
Мѣсяцъ межъ нихъ круторогій
Чертится томнымъ серпомъ;—

Чудныя звѣзды!—ихъ много,
Блещутъ горячимъ огнемъ;
Только до нихъ мнѣ нѣтъ дѣла
Меркнутъ онѣ, иль горятъ:
Яркость ихъ мнѣ надоѣла,
Массы ихъ взоры томятъ.
Черная ль тучка заслонитъ,
Солнце затмитъ ли ихъ свѣтъ,
Сердце ничто мнѣ не тронетъ.
Мысли въ душѣ объ нихъ нѣтъ.
Пусть бы всѣ звѣзды скатились,
Пусть бы померкла луна,
Только одна бы свѣтилась
Звѣздочка, силы полна:
Въ дальнемъ углу небосклона
Свѣтитъ въ созвѣздьѣ всегда,

Свѣтитъ съ лазурнаго фона,
Свѣтитъ одна мнѣ звѣзда!..

Ѣду уснувшей столицей,
Звѣздочка ярко горитъ;
Только ужъ брезжитъ денница,
Внизъ она тихо скользитъ!
Скоро прощусь съ ея свѣтомъ,
Скука за сердце беретъ,
Небо ужъ полно разсвѣтомъ...
Скоро ли ночка придетъ?..

---

* *
*

Громыхая по рельсамъ желѣзнымъ,
Поѣздъ вашъ отходилъ отъ перрона,
И, сливаясь съ пространствомъ безбрежнымъ,
Исчезалъ на краю небосклона.
Я стоялъ и слѣдилъ за нимъ взоромъ:
Чуть виднѣлись прощальные взгляды,
Устъ движенья въ нѣмомъ разговорѣ,
И оттѣнки лица и наряда...
И я думалъ: зарею вечерней
Кто сильнѣе груститъ, разставаясь:
Солнце—бросивши лучъ свой послѣдній,
Иль земля—въ темноту погружаясь?
Кто мнѣ скажетъ? не слышно отвѣта,
И хожу я въ тоскѣ вдоль перрона,
А кругомъ гаснутъ проблески свѣта,
Освѣщая края небосклона.

---

* *
*

Для васъ перо беру охотно,
Хоть вамъ скажу немного словъ:
По виду мирно, беззаботно
Живете вы; густой покровъ
Скрываетъ ваши мнѣ желанья,
Но вижу, чувствую я всѣмъ,
Что ваша жизнь, хоть не страданье,
Но не красна собой ничѣмъ.
Гдѣ одинокъ душой и тѣломъ
Богатый сердцемъ человѣкъ,
Тамъ счастья нѣтъ; хоть въ мірѣ цѣломъ
Владѣй онъ всѣмъ, живи хоть вѣкъ...
Онъ все одинъ; ему безъ друга
Нѣтъ свѣта дней, красы ночей,
И смотритъ сѣрымъ небо юга,
И солнце свѣтитъ безъ лучей.
Но можетъ, въ сердцѣ вашемъ раны
Еще сочатъ живую кровь?
Забудьте все, и поздно ль, рано
Ихъ залѣчить спѣшите вновь.
Спѣшите вновь не быть одною,
Ищите друга поскорѣй,
И въ жизни вашей солнце юга
Блеснетъ опять красой лучей.

ВАЛЬСЪ.

На облачномъ небѣ красиво
За дымкой свѣтила луна
И оперъ любимыхъ мотивы
Несла къ намъ эфира волна.
Мы шли по пустынной дорогѣ
Подъ сѣнью нависшихъ вѣтвей,
Толпилось въ мозгу моемъ много
Различныхъ горячихъ идей.
И всѣ, какъ вкругъ солнца кружились,
Кружились вкругъ мысли одной,
Зачѣмъ мы еще не сроднились,
Еще я тебѣ все чужой?
«Еще»—какъ смѣшно это слово!
«Еще»—зачеркнемъ ли когда,
Иль также ты будешь другого
И тѣломъ и духомъ всегда?
И страстно хотѣлось бы прямо
Спросить обо всемъ у тебя,

Но, скованъ приличьемъ, упрямо
Молчалъ я, робѣлъ, какъ дитя.
Молчалъ я, и фразой пустою
Я страстную рѣчь замѣнялъ
И, вмѣсто вопроса съ душою,
Какъ гостью, тебя занималъ.
...А сверху смотрѣла такъ страстно,
Кокетливо прячась, луна,
И звуки мотивовъ напрасно
Несла къ намъ эфира волна.

---

* *
*

Мой другъ! быть-можетъ, ты больна,
Иль влюблена, иль разлюбила,
Или житейская волна
Прибоемъ грудь твою избила?
Но все равно: страдай, живи,
Пока кровь бьется въ твоихъ жилахъ;
Отъ бѣдъ, отъ боли, отъ любви
Страдаютъ всѣ, кто не въ могилахъ.
Страдай, живи! и счастья лучъ
Считай ошибкой провидѣнья;
Лови его, какъ свѣтъ сквозь тучъ,
Какъ грезу мига сновидѣнья.

ЦАРИЦА МАНЯ.

(Сказка.)

Далеко... далеко... среди океана,
Омытый лазурной волной,
Былъ островъ, красивый какъ перлъ Индостана,
Съ лѣсами, съ роскошной травой.

На островѣ томъ, во дворцѣ изъ агата,
Царица младая жила:
Красива, стройна и, какъ въ сказкѣ, богата,
А все же скучала она.
Царь—мужъ ея—вѣчно въ отъѣздѣ считался,
Любилъ онъ зыбь южныхъ морей,
На срокъ лишь короткій домой возвращался
Къ прекрасной царицѣ своей.
Жила такъ царица, вдовой, не вдовою,
Жила только вѣчно одна,
Хотя окруженная пышной толпою,
Была ея жизнь неполна.
Скучала царица не днями, годами,
Не знала, чѣмъ время убить;
И вотъ порѣшила людей съ головами
Собрать и совѣтъ ихъ спросить.

Собрались ученыхъ различныхъ плеяды:
Кудесники, маги, волхвы.
Ихъ лица, манеры, ихъ взгляды, наряды
Не такъ, какъ у прочей толпы.
Развлечь они скуку царицы старались,
Внушая полезный ей даръ:
Рецепты различные тутъ предлагались
(Рецепты водились и встарь):
Одинъ надѣлялъ ее матери чувствомъ
И страстью къ пеленкамъ дѣтей;
Другой убѣждалъ увлекаться искусствомъ
(Художникъ счастливѣй царей!);
Ее одѣляди къ хозяйству стремленьемъ,
Уходу за птицей, скотомъ...
Совѣтовалъ тотъ заниматься ей чтеньемъ,
А тотъ рукодѣльнымъ трудомъ.
Но всѣ тѣ дары ей казалися скучны.
Одинъ лишь ученый помогъ:

Онъ далъ ей занятье и даръ ненаучный,
Но вѣрный. Рецептъ былъ не строгъ,
Онъ далъ ей искусство плѣнять по желанью,
И волю надъ волей людей;
Отъ мысли ея, какъ отъ силъ чарованья,
Влекло къ ней враговъ и друзей.
Могла она вздумать... и съ моря, какъ птицы,
Сбиваясь съ прямого пути,
На островъ ея, направляясь къ столицѣ,
Бѣжали суда, корабли...
Забросивъ дѣла, позабывши дорогу,
Мечтая лишь только объ ней,
Лежали у ногъ ея, часто подолгу,
Толпы чужеземныхъ царей.
Царицѣ такъ весело, скука забыта,
Объ скукѣ ли думать теперь;
Въ честь мага во храмѣ изъ злата прибита
Доска подлѣ главныхъ дверей.

Но какъ-то однажды, уставши подъ вечеръ,
Царица по берегу шла;
Вблизи, парусъ свой повернувши на вѣтеръ,
Ладья небольшая плыла,
И въ ней былъ рыбакъ. Его пѣсня простая
Неслась надъ пучиной морской:
Онъ пѣлъ и былъ счастливъ; волна голубая
Ласкала челнокъ небольшой.
Онъ пѣлъ: «Что мѣняться за душу душою
Готовъ онъ и жизнь всю отдать,
Но въ игры кокетства, мѣшаясь съ толпою,
Не станетъ, конечно, вступать!»
Все дальше челнокъ, хоть царица глядѣла,
Но чары тутъ были безъ силъ:
У берега много судовъ такъ пестрѣло;
Толпы такъ рыбакъ не любилъ.

Я ЖДУ ТЕБЯ.

Когда ручьи бѣгутъ весною
И въ небѣ тянутъ журавли,
А паръ оттаявшей земли
Льетъ въ души жизнь живой струею...
Я жду тебя,
Я жду тебя.

Когда цвѣтутъ сирень и розы,
И ароматомъ полонъ садъ,
И рои бабочекъ летятъ,
А на душѣ роятся грезы...
Я жду тебя,
Я жду тебя.

Когда зимою злится вьюга,
А въ уголкѣ моемъ тепло,
И такъ уютно и свѣтло,
Какъ будто грѣетъ солнце юга...
Я жду тебя,
Я жду тебя.

* *
*

(Подражаніе Adam'y).

Когда бъ я былъ царемъ, владыкой полновластнымъ,
Клянусь тебя бы я въ подруги взялъ,
И каждый подданный, моей рукѣ подвластный,
Слезу твою, улыбку бъ замѣчалъ.
Чуть улыбнулась ты: и всюду ликованье,
Щедроты сыплются открытою рукой,
Нѣтъ казней, нѣтъ войны, замолкнули страданья,
И счастіе течетъ широкою рѣкой.
Но ты нахмурилась... и поднята сѣкира,
Повсюду стонъ, и въ траурѣ страна,
Сосетъ кровь брата братъ со злобою вампира,
И думой черною душа моя полна.

Когда бъ я Богомъ былъ, властителемъ вселенной,
Была бы ты мой лучшій серафимъ;
Планеты, звѣзды всѣ, міръ тлѣнный и нетлѣнный,
Малѣйшій твой капризъ считали бы святымъ;
Стихіи вольныя и молніи блистанье,
Свѣтъ солнца и луны, задумчивость ночей,
И ароматъ цвѣтовъ и звуковъ сочетанье
Служило бъ все тебѣ, какъ зеркало очей.

---

* *
*

Я отъ тебя бѣжать задумалъ.
Бѣжать, казалось, такъ легко,
Я новой жизни строй придумалъ,
Куда-то въ даль меня влекло.
И я бѣжалъ. Чрезъ горы, степи
Я шелъ впередъ; передо мной
Покой бѣжалъ; и, какъ на цѣпи,
Съ тобой я скованъ былъ душой.
И я опять передъ тобою;
Я снова здѣсь у ногъ твоихъ
Съ моей измученной душою
И съ рядомъ мукъ моихъ глухихъ.
Молю тебя, дай мнѣ забвенье,
Дай отдыхъ ревности больной,
Не мучь меня за наслажденье,
Будь мнѣ подругой, будь женой.
И я къ ногамъ твоимъ съ охотой
Всѣ силы духа положу;
Твой каждый шагъ моей заботой,
Какъ броней крѣпкой, окружу.

---

* *
*

Ты опять больна душою,
Свѣтъ тебѣ не милъ;
Мрачно небо надъ тобою,
Вѣрный другъ постылъ.
Погоди, пройдетъ ненастье,
Будетъ свѣтелъ день,
И съ души прогонитъ счастье
Мрачныхъ мыслей тѣнь.

ПИСЬМО.

И такъ уѣхать, вдругъ, украдкой,
Ни слова даже не сказавъ!
Сказалъ бы просто: это гадко,
Но не скажу. Хоть промолчавъ,
Едва ли выражу вамъ точно,
Что въ сердце хлынуло сейчасъ,
Когда, пріѣхавъ къ вамъ нарочно,
Нашелъ пустыню вмѣсто васъ!
Съ слезою горькой, на диванѣ,
Въ гостиной вашей я сидѣлъ,
И, боль зажавъ въ сердечной ранѣ,
Отъѣзда смыслъ понять хотѣлъ.
Смеркалось, солнце ужъ садилось,
Уже близка была и ночь,
Не слышно время торопилось;
Я думалъ все.

И вотъ, точь въ точь,
Какъ въ сценѣ новаго балета,
Свѣтлѣе стало, и луна
Вдругъ засвѣтила полнымъ свѣтомъ
На стекла вашего окна.
Смѣетесь вы, быть-можетъ, зная,
Что не луна глядитъ въ окно,
А просто, лампой освѣщая,
Свѣтилъ фонарь.

Не все-ль равно?
Фонарь, луна ли иль комета,
Или фантазія моя.
Свѣтило что-то. Точно лѣто
Пришло опять средь сентября.

Тепло такъ стало... такъ привольно...
И вотъ упали стѣны прочь
Съ моей фантазіей невольно
Въ квартирѣ вашей.
Чудо-ночь
Глядѣла яркой, свѣтлоокой
И въ даль манила мысль и взоръ.
Я шелъ поляной, одинокій;
Вдали чернѣла масса горъ.
Мнѣ было сумно, и за мною
Тѣснился рядъ видѣній... лицъ...
Забытыхъ фактовъ... Надъ душою
Они царили безъ границъ.
Тропа все уже, все тѣснѣе...
Идетъ горой, внизу оврагъ;
Кругомъ все сумрачнѣй. Властнѣе
Видѣнья прошлаго, какъ врагъ,
На душу бременемъ ложатся;
Толкаютъ внизъ, съ тропы въ обрывъ.
И хочешь съ жизнію разстаться,
И въ пропасть броситься, закрывъ
Глаза, чтобъ только тѣ видѣнья
Забыть... не чувствовать... не знать...
Исхода нѣтъ—нѣтъ силъ, терпѣнья...
Скорѣе смерть! что разсуждать!..

И вдругъ, звеня веселымъ смѣхомъ,
Окружены большой толпой,
Маня красою и привѣтомъ,
Явились вы передо мной.
И какъ подъ силой чарованья,
Вперивши въ очи ваши взоръ,
Забылъ я быстро всѣ страданья,
И шелъ я смѣло между горъ
По тропамъ узкимъ надъ обрывомъ.
Видѣнья прошлаго безъ силъ

Меня оставили. Счастливымъ
Себя считалъ: я жилъ, любилъ.
Казалось, счастье такъ прекрасно,
И безконечный небосклонъ
Казался яркимъ.

Но напрасно:
Прошли вы мимо, точно сонъ...
И вновь тяжелыя видѣнья
Меня окутали кругомъ,
Вернулись старыя мученья
И муки сердца о былomъ.
Но я проснулся...

На диванѣ
Сидѣлъ въ гостиной я у васъ,
Свѣтъ фонаря въ оконной рамѣ
То ярко вспыхивалъ, то гасъ.
Отъѣзда вашего значенье
Стояло также предо мной...
...Вы дали сонъ мнѣ въ утѣшенье,
Пока вернетесь вы домой.

---

* *
*

Отчего ты такъ печальна,
Такъ уныла и грустна?
Въ морѣ жизни ли реальной
Встала новая волна,
И тебя житейской тиной
Окатила съ головой?
Та—другая ли причина?
Разскажи мнѣ, не укрой.
Или просто безотчетно
Такъ взгрустнулось?.. Такъ порой
Вспоминаетъ мимолетно
Человѣкъ про рай былой.
Разскажи же мнѣ скорѣе,
Почему ты такъ блѣдна,
Отчего твой взоръ темнѣе,
Чѣмъ за дымкою луна?
Но, быть-можетъ, я не стою
Откровенности такой?
Можешь ты вести со мною
Разговоръ одинъ пустой?
Хоть не стою, но облилось
Мое сердце все тоской,
Ну—скажи же: что случилось?
Что случилося съ тобой?

ПЕРЧАТКА.

(Новелла.)

На окнѣ лучшей фирмы столичной,
За блестящимъ зеркальнымъ стекломъ
Рядъ перчатокъ изъ лайки отличной
Былъ разложенъ умѣлымъ купцомъ.
Ихъ по мѣркамъ различнымъ кроили,
Но попарно изъ кожи одной,
И въ окнѣ по сортамъ разложили,
Пара съ парой, одна за другой.
Только пара одна не въ порядкѣ,
Она скроена вовсе не такъ:
Не хватило для правой перчатки
Той же кожи. Конечно, не всякъ
Это могъ бы замѣтить. (Не диво,
Многимъ людямъ не знать въ этомъ толкъ).
Только мягкій, окрашенъ красиво,
Матерьялъ былъ у лѣвой, какъ шелкъ;
На нее пошла кожа левретки,
Стройной, легкой, красивой собой;
Да ошибся, знать, мастеръ въ размѣткѣ,
Пару къ ней прикроилъ отъ другой.
Тотъ же номеръ и цвѣтомъ все то же,
Но по свойствамъ ужъ вовсе не то,
Бегемотъ иль барбосъ этой кожѣ
Подивиться могли бы зато.

Правда, лѣвую часто смущала
Правой грубость, непарная ей,
(И перчатка порой разсуждала,
Хоть тихонько, какъ масса людей);
Но отмѣчены въ книгахъ, какъ пара,
Все жъ лежали перчатки рядкомъ,
Пока франтикъ, спасая отъ жара
Свои руки, взглянулъ ихъ мелькомъ
И купилъ, не помѣривъ, конечно.
Онъ въ трюмо на себя посмотрѣлъ,
И, довольный собой безконечно,
Взялъ въ карманъ ихъ и что-то запѣлъ.
Франтъ мѣнялъ свои часто перчатки,
Какъ мѣнялъ очень часто и дамъ;
Это такъ въ заведенномъ порядкѣ:
Что старѣетъ—мѣнять то не срамъ.
Вотъ, вернувшися какъ-то разъ поздно,
Франтъ усталый перчатки стянулъ
И, не глядя на нихъ, обѣ розно
Въ дальній уголъ комода швырнулъ.
Тамъ лежали среди сувенировъ,
Старыхъ галстуковъ, писемъ, бѣлья,
Какъ остатки отъ свѣтскихъ турниров,
Изъ перчатокъ—немало старья.
Приводилъ ихъ въ порядокъ нечасто
Господина усердный слуга
(Лепорелловъ лѣнивая каста
Будетъ та же вовѣкъ, господа).
Кое-какъ наблюдая порядки,
Камердинеръ случайно смѣшалъ
Пару съ парой и къ лѣвой перчаткѣ
Онъ другую въ старьѣ подыскалъ.
То была дней почтенныхъ перчатка,
Потерявшая пару свою;
Она явный стимулъ безпорядка
Поселяла въ перчатокъ семью.

Но (тутъ вышло престранное дѣло)
Эта сборная пара была
Точно чьей-то рукою умѣлой
Другъ для друга совсѣмъ создана.
Въ ней все общее: кожа и нѣжность,
И мизинца короткій покрой,
Цвѣта та же пріятная блѣдность;
Въ ней перчатки съ одною душой,
Мы могли бы сказать безъ ошибки...
Но въ перчаткахъ какая жъ душа?
А выдумывать слишкомъ ужъ шибко
Даже въ сказкахъ не стоитъ гроша.
Какъ бы ни было, будто родныя
Онѣ крѣпко свернулись клубкомъ
И мечтали; мечты золотыя
Рисовали имъ счастье вдвоемъ.
Онѣ будто совсѣмъ позабыли,
Что ихъ свелъ только случай простой,
Что безъ права онѣ полюбили,
Что безъ права сошлися душой.

Можетъ-быть, когда бъ вѣчно лежали
Такъ перчатки, въ комодѣ на днѣ,
Можетъ-быть, такъ и вѣкъ скоротали,
Провели бы всю жизнь какъ во снѣ.
Но пришло вдругъ на мысль господину
Приказать часть перчатокъ продать;
Отобрать онъ велѣлъ половину,
Торгашу остальныя отдать.
А торгашъ, своимъ опытнымъ глазомъ,
Все замѣтилъ, все взвѣсилъ, собралъ,
И законную пару онъ разомъ
Къ лѣвой нѣжной перчаткѣ прибралъ.

И пошла вновь житейской дорогой,
За непарною парой своей,

Такъ мечтавшая раньше о многомъ
Героиня новеллы моей.

И пошла... А случайная пара,
Какъ и прежде, осталась одна.
Не дивитесь исторіи старой,
Она жизненной правдѣ вѣрна:
«Вѣдь перчатка и будетъ перчаткой!»
Ей итти ли дорогой другой;
Міра строй только тѣмъ и въ порядкѣ,
Что тѣла въ немъ безъ воли большой.
Идеалъ вѣковѣчный планеты,
Идеалъ, какъ вверху въ небесахъ,
Такъ и здѣсь на землѣ, и кометы
Намъ внушаютъ паническій страхъ.
Намъ завидна ихъ вольная воля,
Ихъ широкій свободный полетъ,
Но спокойнѣй для жизни неволя
И планеты размѣренный ходъ.

---

* *
*

Мы съ тобою сошлися случайно,
И случайно разстанемся вновь,
И для всѣхъ будетъ вѣчная тайна
Мимолетная наша любовь.

Такъ двѣ черныя тучи порою,
Повстрѣчавшись на мигъ въ небесахъ,
Обмѣняются свѣтомъ, грозою,
Всѣ сольются въ игристыхъ лучахъ...

И опять по лазурному своду,
По капризу эфирной волны,
Жизнь вдвоемъ промѣнявъ на свободу,
Понесутся темны... холодны...

И никто въ этихъ тучахъ холодныхъ,
Какъ и въ насъ, разошедшихся вдаль,
Не подмѣтитъ волненій тревожныхъ,
Не подсмотритъ разлуки печаль.

---

* * *

Еще лѣтъ десять, можетъ пять,
Быть-можетъ часъ, быть-можетъ день,
И вѣчнымъ сномъ я буду спать,
Мелькнувши въ мірѣ, будто тѣнь.
И все, чѣмъ раньше сердце жило,
Идеи, правда и любовь,
Закроетъ темная могила,
И сердцу не забиться вновь.
Но если вѣчность есть для духа
И тамъ, но гдѣ? не знаю я,
Для глазъ незримо и для слуха
Въ немъ будетъ искра бытія;
И если прошлаго видѣнья
Мнѣ будутъ грезиться, какъ сны,
То будутъ лучшимъ сновидѣньемъ
Съ тобою прожитые дни.

* * *

Когда, терзаемъ подозрѣньемъ,
Въ минуту ревности твой другъ
Тебя клеймитъ безъ сожалѣнья...
Прости ему его недугъ.
Онъ боленъ; фразою безумной
Онъ облегчаетъ себѣ грудь,
Онъ отравленъ заразой чумной
И въ злобѣ ищетъ отдохнуть.
Когда же вспышка миновала,
Забудь ему всю горечь словъ,
И нѣжной лаской, какъ бывало,
Въ немъ воскреси опять любовь.

* * *

Опять съ тобой, опять вдвоемъ,
Опять держу тебя въ объятьяхъ
И этимъ днямъ, съ гнетущимъ зломъ,
Прощаю все... все безъ изъятья.
Ты вновь моя; и солнца лучъ
Въ очахъ твоихъ мнѣ блещетъ ярко,
Лобзай меня, лобзаньемъ мучь,
Сжимай меня въ объятьяхъ жарко.
Забудемъ все, забудемъ міръ
И всѣ тревоги и мученья,
И нашъ роскошный, страстный пиръ
Окрасимъ страстью до забвенья...

---

* * *

Осени поздней въ послѣдніе дни
Солнце лучомъ озарило
Лѣсъ и поляны, и старые пни...
Только все смотритъ уныло.
Осенью жизни въ холодные дни
Душу любовь посѣтила,
Сердце и мысли мечтами полны...
Только не прежняя сила.
Нѣтъ, не вернуться въ осенніе дни
Прелести лѣтней природы,
Какъ не увидѣть душевной весны
Жизни въ холодные годы.

РЫЖИКЪ.

(Сказка.)

Подъ березкою кудрявой,
Среди мягкой муравы,
Выросъ рыжикъ. Это, право,
Очень просто; вѣдь грибы
Такъ растутъ: тотъ подъ осиной,
Тотъ подъ темною сосной,
Подъ красавицей рябиной,
Подъ развѣсистой ольхой.
Но поблизости поганокъ
Разрасталася семья:
Бѣлыхъ, черненькихъ съ изнанокъ,
Съ ножкой тонкой,—какъ змѣя.

Вѣдь поганки, какъ извѣстно,
Всюду могутъ вырастать,
Не въ лѣсахъ, а повсемѣстно
Ихъ приходится встрѣчать:
Близъ болотъ въ грязи и тинѣ,
На газонахъ средь садовъ,
И въ роскошнѣйшей долинѣ,
И въ углу свиныхъ хлѣвовъ.
Есть въ народѣ даже мнѣнье,
«Что поганку песъ родитъ»,
Что поганокъ тамъ рожденье,
Гдѣ собака пробѣжитъ.
Такъ иль иначе, не знаю:
Родъ поганокъ не великъ,
Но зато подобенъ лаю
У поганокъ злой языкъ.

Многимъ людямъ непонятенъ
Шопотъ листьевъ и цвѣтовъ,
Имъ языкъ ручья не внятенъ,
Въ мірѣ грёзъ имъ нѣту словъ.
Но я слышу разговоры
Въ каждомъ трепетѣ листка.
Слышу гимнъ цвѣтовъ Аврорѣ...
Плачъ завядшаго цвѣтка...

Какъ-то разъ, подъ вечеръ чудный,
Я лежалъ въ тѣни вѣтвей;
Гдѣ-то въ чащѣ изумрудной
Сладко плакалъ соловей.
Тихо солнце опускалось,
Лучъ послѣдній свой даря,
И на небѣ разгоралась
Краснымъ отблескомъ заря.

Замирая въ дремѣ томной,
Притаившись, лѣсъ молчалъ,
И, темнѣя, сводъ огромный
Первой звѣздочкой мигалъ.
Тихо гасли свѣта краски,
Зачарованный мечтой,
Долеталъ ко мнѣ, какъ въ сказкѣ,
Голосъ поросли лѣсной.
Рыжикъ пѣлъ:
«Изъ дали вьюга
Принесла меня къ тебѣ,
И нашелъ въ тебя я друга,
Здѣсь, на зло моей судьбѣ.
Я къ корнямъ твоимъ съ любовью
Мою голову склонилъ;
Будь я рыцарь, всею кровью
Я тебѣ бы заплатилъ.
Но, мой другъ, я только рыжикъ,
Хоть породы не простой,
Я извѣстенъ всѣмъ безъ книжекъ,
Всюду званый, дорогой.
Суждено мнѣ здѣсь случайно
У корней твоихъ расти;
Здѣсь бы флорѣ идеальной
Мѣсто было бы цвѣсти.
Но меня ты сѣнью кроешь
Отъ палящихъ, злыхъ лучей,
Надо мной подъ бурей стонешь
И кропишь росой дождей.
Ты одна бѣла береза,
Всѣ деревья такъ черны;
Твоя почка, будто роза,
Вѣетъ свѣжестью весны.
Здѣсь пріютъ мнѣ безопасный,
Здѣсь меня и не найти,
Пока смерть съ косой всевластной

Въ лѣсъ задумаетъ придти».

И въ отвѣтъ ему береза
Тихо шепчетъ:
«Милый мой!
Краше я тебѣ, чѣмъ роза;
Ты такъ цѣнишь здѣсь покой,
Съ такой жаркою любовью
Ты къ корнямъ моимъ прилегъ;
Ты готовъ бы всею кровью
Заплатить мнѣ, еслибъ могъ...
Что совсѣмъ мнѣ пышной флоры
Украшенья не нужны:
Меня краситъ лучъ Авроры,
Меня бѣлитъ свѣтъ луны;
Оставайся жъ, странникъ милый,
Подъ навѣсомъ изъ вѣтвей»...

Но тутъ голосъ, съ рѣзкой силой,
Нить прервалъ ея рѣчей;
То поганки дружнымъ хоромъ,
Осуждая все кругомъ,
Затрещали разговоромъ,
Своимъ злобнымъ языкомъ:
—«Вотъ нашла кого подъ сѣнью
Приголубить, приласкать,
И кого прохладной тѣнью
Въ полдень жаркій защищать.
Бѣглый рыжикъ! Бога ради!
Ну, скажите: что за грибъ?
Грибъ лишь годный въ маринадѣ,
Межъ грибовъ грибной полипъ.
Грибъ увертливый и скользкій,
Сразу вилкой не возьмешь,

Годный только въ кухнѣ польской;
Въ немъ и вкусъ не разберешь.
Неужели нѣтъ межъ нами
Подходящихъ молодцовъ?
Мы князья между грибами,
Мы краса родныхъ лѣсовъ!
Какъ и ты, бѣлы поганки,
Что жъ тебѣ еще искать?
Правда, черны мы съ изнанки;
Но... изнанки не видать.
А не хочешь ты поганокъ
(Вѣдь о вкусахъ спора нѣтъ),
Что стѣсняться гранью рамокъ,
Выбирай—великъ вѣдь свѣтъ.

Вотъ смотри:—весь полный сала,
Черно-красный мухоморъ;
Хотя цѣнятъ его мало,
Но вѣдь это чистый вздоръ.
Вотъ другой:—какой пухлявый,
Съ виду сочный дождевикъ,
Какъ раздулся онъ на славу,
Хоть внутри одинъ лишь пшикъ!
Вотъ еще...
Но тутъ съ ночлега
Съ задремавшимъ мужикомъ
Проѣзжавшая телѣга
Прокатилась колесомъ
Черезъ всю семью поганокъ,
И осталося одно
Ото всѣхъ ея приманокъ
Грязно-сѣрое пятно.

Оборвался тонъ крикливый,

Смолкъ поганокъ разговоръ...
И стоитъ вновь горделивый,
Полный тайны, тихій боръ.
Только вѣтеръ чуть колышетъ
Мелкой поростью лѣсной,
И въ вѣтвяхъ по листьямъ дышетъ
Предразсвѣтною дремой.
Да красавица ночная,
Блѣдно-лицая луна
Свѣтитъ тихо, догорая,
Вожделѣнія полна...

---

* *
*

Прости, прости твои мученья,
За муки ревности моей,
И желчь, и слово озлобленья
Не засчитай душой твоей.

Одинъ во всемъ пространномъ мірѣ
Живу давно въ тебѣ одной;
Съ тобой—я царь, въ вѣнцѣ, въ порфирѣ!
Ушла—и нищій я съ сумой.

Прости же мнѣ, что перлъ безцѣнный
Храню я съ ревностью такой;
Я міръ весь тлѣнный и нетлѣнный
Отдамъ за взглядъ единый твой.

---

* *
*

Говорятъ, будто запахъ духовъ,
Или музыки тихіе звуки
Вызываютъ изъ прошлаго вновь
Позабытыя радость и муки.
Ты же ласкою нѣжной опять
Возвратила мнѣ грёзою сладкой
Звукъ той пѣсни, что пѣла мнѣ мать
Надъ моею ребячьей кроваткой.

---

* * *

Да, ты права! Съ тобой, не споря,
Согласенъ я, и спора нѣтъ;
А на душѣ не меньше горя,
И на устахъ дрожитъ отвѣтъ.
Да, ты права! Зачѣмъ же думы
Встаютъ въ мозгу моемъ толпой,
И надвигается угрюмо
Тѣнь тучи черной надъ душой?
Да, ты права! и мыслью зрѣлой
Я признаю твои слова,
Но сердца мыслью неумѣлой
Твержу: ...«Ты вовсе не права!»

---

* * *

Цѣлое лѣто все ливни да гро́зы,
Свѣтлыхъ не видѣли дней,
Блекли цвѣты, какъ зимой отъ мороза,
Пѣсни забылъ соловей.
Осень пришла, и безоблачно небо,
Бабочка встала отъ сна,
Ярко блеститъ василекъ среди хлѣба,
Свѣтитъ такъ страстно луна,
Цѣлую жизнь все нужда, да несчастье,
Муки, страданья одни...
Осень пришла, а капризное счастье
Шепчетъ мнѣ сказки весны.

---

* *
*

Земля съ ужасной быстротою,
Вертясь на оси фантастичной,
Летитъ потухшею звѣздой
Своей дорогой безграничной.
Былинка въ массѣ мірозданья,
Почти мечта въ семьѣ планетной,
И я—одинъ намекъ созданья
На этой точкѣ непримѣтной.
И мчусь на ней скорѣй видѣнья,
Въ секунду мили пролетаю,
И за собой, какъ въ сновидѣньѣ,
Луну и звѣзды оставляю.

Но быстрый вихрь планетъ въ эфирѣ
Мнѣ слишкомъ тихое движенье,
И бѣгъ земли въ безбрежномъ мірѣ
Не шибче... времени теченья.
А время тянется такъ вяло...
Въ секунду вѣкъ переживаю,
Мгновенья вижу я начало...
Конца напрасно ожидаю...
И черепахою унылой
Казаться міръ мнѣ будетъ вѣчно,
Пока тебя со мной нѣтъ милой,
Пока тебя жду безконечно.

———

* * *

Ты мнѣ подарила вчера золотое
Съ жемчужиной яркою—сердце;
Но любо одно мнѣ,—твое дорогое,
Изъ чистаго золота, сердце.
И чѣмъ отдарить мнѣ тебя!—я не знаю.
Корзиной ли цѣнной съ цвѣтами,
Обновкой ли модной къ грядущему маю,
Браслетомъ иль брошью съ серьгами?
Для камней—я бѣденъ.
Давно получила
Ты, вѣрно, корзины съ цвѣтами;
Обновокъ, конечно себѣ накупила,
Не новость и брошка съ серьгами.
Дарю тебѣ каждаго мига дыханье,
Всѣ мысли, всю волю, всю душу
И клятву, что даже цѣною страданья
Я клятвы своей не нарушу.

КУКЛА.

Кудрявой Манюшѣ, отъ слезъ утѣшая,
Пружинную куклу купили.
Хорошая кукла. Совсѣмъ какъ живая,
Ее бы всѣ дѣти любили.
Стоитъ и садится, и движетъ руками,
Сказать можетъ «папа» и «мама»,
По комнатѣ ходитъ, вращаетъ глазами,
И держится гордо и прямо.
Манюша такъ рада пружинной игрушкѣ,
И шьетъ ей нарядъ за нарядомъ,
Весь день неразлучна, а ночь на подушкѣ
Съ ней куклу кладутъ всегда рядомъ.

Проходитъ недѣля и, куклу лаская,
Манюша глядитъ уже строго;
Все думаетъ, какъ бы, пружинъ не ломая,
Ее передѣлать немного?
Иначе бъ глядѣла, манера бъ другая,
Стояла не слишкомъ бы прямо;
Учить стала куклу, но кукла глухая
Ужасно къ ученью упряма.
Манюша сердита. Одну за другою
Она всѣ пружины сломала
И бросила куклу—съ разбитой душею...
...Когда бъ въ ней душа обитала.

---

* *
*

Ты моя звѣздочка ясная,
Ты мое солнышко красное,
Ты моя жизнь и любовь.

Ты мой цвѣточекъ душистый,
Ты ручеекъ серебристый,
Жить безъ тебя не могу.

Ты моя фея всевластная,
Ты мнѣ царица прекрасная,
Ты моя жизнь и любовь.

---

* *
*

Ты жаждешь новыхъ пѣснопѣній,
Я пѣсенъ новыхъ не пою,
Въ душѣ рядъ старыхъ впечатлѣній
Я сохраняю и таю.
Въ душѣ нѣтъ струнъ для новыхъ звуковъ,
Я пѣсню старую пою...
Такъ соловьи отцовъ и внуковъ
Поютъ вѣками пѣснь свою.

* *
*

Краше нѣтъ на свѣтѣ жизни,
Но и жизнь готовъ отдать
Безъ единой укоризны,
Чтобъ тебя не потерять.

Ты мнѣ солнце, листьевъ лепетъ,
Ты мнѣ тихій свѣтъ луны,
Ты невольный сердца трепетъ,
Ты дыханіе весны.

Безъ тебя мнѣ солнце блѣдно,
Ароматъ не слышу розъ,
Безъ тебя все въ мірѣ бѣдно:
Міръ пустыня, міръ безъ грезъ.

---

* *
*

Есть храмы, чудныя созданья,
Обширны, свѣтлы и людны,
Богамъ различнымъ возліянья
На алтаряхъ принесены.
Мой храмъ иной—онъ малъ и тѣсенъ,
Алтарь воздвигнутъ въ немъ одинъ
И не поетъ хоръ разныхъ пѣсенъ:
Въ немъ пѣснь одна, какъ Богъ единъ.

---

* *
*

Когда счастье широкой волною
Человѣка всего захлестнетъ,
То нѣмѣютъ уста, хоть душою
Человѣкъ такъ широко живетъ.
Такъ жилося въ раю до паденья,
Тамъ рѣчей не гремѣла волна.
Но гдѣ были такія мгновенья?
Гдѣ жизнь счастьемъ была такъ полна?

---

* *
*

Ужъ десять лѣтъ... бывали тучи,
Гремѣла изрѣдка гроза;
Людскому сердцу не минучи
И смѣхъ, и сладкая слеза.
Но слезъ тяжелыхъ мы не лили
И, злобу въ сердцѣ затаивъ,
Сердечной ложью не чернили
Любви божественный порывъ.
Пойдемъ ли вновь? Длинна ль дорога?
Судьбу пытаетъ человѣкъ;
Намъ отъ судьбы не надо много:
Все въ счастьѣ—мигъ, все въ горѣ—вѣкъ.

* *
*

Живемъ мы съ тобою въ чудесномъ чертогѣ,
Чертогѣ взаимной любви;
Не мало проходитъ людей, но дороги
Не знаютъ къ чертогу любви.
Чертогъ тотъ чудесный, онъ весь изъ алмазовъ,
Алмазы горятъ на стѣнахъ;
Чертогъ тотъ чудеснѣй волшебныхъ разсказовъ,
Чудеснѣй, чѣмъ грезятся въ снахъ.
Живемъ мы съ тобою въ чудесномъ чертогѣ
И гимны любви мы поемъ,
И знать не желаемъ толпы на дорогѣ:
Мы счастливы жизнью вдвоемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Посвященіе 7
Отъ редакціи 9

I.

Пѣсни горя.

Горе людское 11
Въ ночи безсонныя, въ ночи тяжелыя 13
На Пасхѣ (простая исторія). 14
Что мнѣ за дѣло, что день угасаетъ 22
Радость жизни, жизни счастье . . . . . —
Минуло лѣто... Коротки 23
Не раскапывай старыхъ могилъ . . . . . —
Время минувшаго, время далекаго 24
У пристани. Когда весь вѣкъ борясь съ вѣтрами . . . 25
Ты его прокляла 26
Подъ палящимъ лучемъ солнца южнаго 27
Остался онъ одинъ, другіе улетѣли . . . . . —
Изгнанникъ. Изгнанникъ-скиталецъ, измученъ путемъ. . . 28
Кудряшъ (быль) 31
Я въ жизни перенесъ не мало 45
Когда ночью въ тиши надъ морской глубиной 46
Упала лошадь—безъ движенья 49
Пріидите ко мнѣ! Долей истерзанный, мукой измученный . 50
Пришла бѣда! Течетъ и льется кровь рѣкою 52
Новый вѣкъ. Въ далекій вѣкъ, съ былой заботой 52
Богу мести! Тебѣ отмщенье, ты воздашь 55
Людского счастья идеалы 56
Переселенцы. 57
Прошло по ней горе широкой волною. 84
Вернулся. Объ рифы, о скалы избитый 85
Сыну моему. О, сынъ мой любимый! 87
У кого въ жизни не было счастья? 93
Быть иль не быть? сказалъ Гамлетъ 94
Два узника. Двухъ узниковъ вмѣстѣ рукою съ рукой . . 95
Когда я умиралъ и ты во прахъ склонилась 97
Жизнь моя, жизнь! почему отлетаешь? 98

Стр.

Лихорадка. 99
Быстро время пролетаетъ. 105
Пѣсня смерти. Отъ сна непробуднаго, сердца толчкомъ. . 106
Мать говорила, умирая 107
Надо мною не пойте вы стихъ погребальный 108
Жить осталось мало 109
Неужели нѣтъ жизни, нѣтъ жизни на вѣкъ? 110
Эпитафія себѣ. Господь! дай жизнь . . . . . —

II.

Пѣсни грезъ.

Раннею весною 111
Бываютъ минуты, что звуки тѣснятся 113
Металлы. Разныхъ металловъ и свойства различныя . . . 114
У цѣли. Изъ прежней жизни дней мятежныхъ 115
Съ сѣвера. Разскажите скорѣй мнѣ 118
Тимуръ (степная легенда) 119
Пальма. На скалистомъ побережьѣ 147
На югѣ. Ночь, надъ берегомъ скалистымъ 149
Сомнѣніе. Чрезъ дебри большія 151
Опять на югѣ, тѣ же ночи 154
Желанное счастье. Ко мнѣ въ мою келью убогую . . . 155
Большая медвѣдица. (Киргизская легенда) 157
Вы говорите: «Бога нѣтъ» 167
Прошли года, всегда, какъ нынѣ 168
О, нѣтъ! Москву съ ея стѣнами 169
Звонкое эхо несется. 171
Комета. Въ глубокомъ, безбрежномъ пространствѣ эѳира. . 173
Гирлянда розъ (вальсъ). Тихіе звуки несутся 174
Романсъ. Что за чудная головка 175
Вчера сказала ты мнѣ: время 176
Бракъ. Окна залиты всѣ свѣтомъ 177
Я уснулъ молодымъ, полный страсти и силъ 180

III.

Пѣсни неволи.

Въ долгіе годы тяжелой недолюшки 183
Волкъ. Голоднаго, сѣраго волка собаки 184
Когда во прахъ, какъ червь, поверженъ 187
Когда въ день жаркій солнце юга 188
На травлѣ. Оконченъ былъ судъ и прочли приговоръ . . 189

Стр.

За прошлый грѣхъ, за грѣхъ невольный 190
Въ склепѣ. Склонившись подъ ивою унылою 191
Птица. Отъ стаи родимой, на югъ улетѣвшей 192
Въ хандрѣ. О чемъ говорить? Когда мракъ надъ душой . 193
Если близкій тебѣ, иль чужой 195
Безъ просвѣта. При вѣсти новой о мученьѣ 196
Отвѣтъ. Желала ты, чтобъ пѣснью звучной 197
Поздно! Онъ такъ желалъ освобожденья 199
Пѣсня (сыну). Сквозь тучи свѣтитъ мѣсяцъ блѣдный . . 200
Новая тюрьма. Тюрьмы на открытіи новой 203
Подъ новый годъ. Когда годъ новый съ тайной ночи . . 208
Дверь тюрьмы моей желѣзную 209
Братьямъ (съ болгарскаго). Семьи одной родные братья . 213
Олень. Закинувъ за спину лѣсъ цѣлый роговъ 214
Тьма. Небо покрылося темными тучами 217
Съ партіей. 218
Пѣсня кандальниковъ. То не поѣздъ свадебный 233
Бѣгуны. Эхъ, ты жизнь, бѣда недолюшка 238
На крестѣ. Еврейскаго царства столица 243
Пѣсня разбойника. Братья-товарищи, хищные вороны! . . . 247
На молитвѣ. Въ кельѣ, одинъ передъ окомъ всевидяшимъ 249
Отче нашъ. Отецъ небесный, будь хвалимый 250
Двое похоронъ (подраж. François Coppée) 251
Свобода шествуетъ! (изъ Richpain) 252

IV.

Пѣсни сердца.

Тебѣ, моя муза, мечты и желанья 255
Въ роскошномъ саду, на красивой куртинѣ 256
По виду ты полна кокетства . . . . . —
Кузины. Кузины двѣ: одна блондинка 257
Я разсмотрѣлъ васъ: въ васъ красивы 258
Зачѣмъ вамъ пѣть мнѣ пѣсенъ звуки 259
Вопросъ. Подчасъ, когда ночной порою 260
Чума. Повстрѣчался какъ съ чумою 261
Душою и тѣломъ избитый 262
Какъ мнѣ трудно васъ представить 263
Еще съ днями могу помириться 264
Змѣйка. Вамъ сегодня такъ славно, такъ чудно 265
Бываютъ дни, что злой сатирой 266
Возьми мое сердце; оно все такъ черно 267

Стр.

Нѣтъ не надо такъ страшно шутить 268
Внучка Тамары. Царицу Дарьяла, Тамару 269
Зачѣмъ нѣтъ силы, нѣтъ желанья 272
За красу ея, за очи 273
Неужели же это мученье 274
Когда онъ день и ночь покорно . . . . . —
Не даромъ я съ тоской сердечной 275
Я съ тобою прощаюсь невольно 277
Полночь; уснула столица 278
Громыхая по рельсамъ желѣзнымъ 279
Для васъ беру перо охотно 280
Вальсъ. На облачномъ небѣ красиво 281
Мой другъ! быть можетъ, ты больна 282
Царица Маня (сказка) 283
Я жду тебя. Когда ручьи бѣгутъ весною 286
Когда бъ я былъ царемъ (подраж. Adam'y) 287
Я отъ тебя бѣжать задумалъ 288
Ты опять больна душою . . . . . —
Письмо. И такъ уѣхать, вдругъ, украдкой 289
Отчего ты такъ печальна 292
Перчатка (новелла) 293
Мы съ тобою сошлися случайно 297
Еще лѣтъ десять, можетъ пять 298
Когда, терзаемъ подозрѣніемъ 299
Опять съ тобой, опять вдвоемъ . . . . . —
Осени поздней въ послѣдніе дни 300
Рыжикъ (сказка) 301
Прости, прости твои мученья 307
Говорятъ, будто запахъ духовъ . . . . . —
Да, ты права! Съ тобой, не споря 308
Цѣлое лѣто все ливни, да грозы . . . . . —
Земля съ ужасной быстротою 309
Ты мнѣ подарила вчера золотое 310
Кукла. Кудрявой Манюшѣ, отъ слезъ утѣшая 311
Ты моя звѣздочка ясная 312
Ты жаждешь новыхъ пѣснопѣній . . . . . —
Краше нѣтъ на свѣтѣ жизни 313
Есть храмы, чудныя созданья 314
Когда счастье широкой волною . . . . . —
Ужъ десять лѣтъ.. бывали тучи 315
Живемъ мы съ тобою въ чудесномъ чертогѣ 316

HECKMAN
BINDERY INC.
MAY 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00004915060